

1
1972

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

ЗАВЬЮЖИЛО

Фото Ю. Илека (г. Вологда)

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания пятнадцатый

В номере:

НОВЫХ ВАМ ДОРОГ И ОТКРЫТИЙ, ДРУЗЬЯ! Следопытские интервью	2
И. Давыдов ВЫСОТНИКИ	4
Л. Сорокин СТИХИ	12
Е. Богданов ПОВЕТЕРЬ. Повесть	14
ПИОНЕРИ — 50 ЛЕТ	30
Б. Галязимов ЛЕГЕНДА О ЗАМКЕ КУЧУМА	34
Г. Лебедева НУЖЕН ЮЖНЫЙ ВЕТЕР	43
Т. Матвеева ПЕРВАЯ УРАЛЬСКАЯ	49
В. Самсонов ЛУЧ НАД ТАЙГОЙ	51
А. Шалимов ОКНО В БЕСКОНЕЧНОСТЬ. Научно-фантастиче- ский рассказ	53
Н. Барсов НАХОДКИ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ	66
С. Мешавкин ДОРОГУША	68
А. Барков ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	71
Б. Сергеев ЧИВ — ПРОБЛЕМА ВЕКА	76
В ОБЪЕКТИВЕ — МГНОВЕНИЕ! Новый фотокон- курс журнала	78
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

Обложка Е. Стерлиговой

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ 1
1972

НОВЫХ ВАМ ДОРОГ И ОТКРЫТИЙ, ДРУЗЬЯ!

Наступил новый следопытский год. Уже вовсю работают краеведческие кружки, ребята готовятся к предстоящему туристскому лету. Как оно будет проходить? На вопросы нашего корреспондента Е. Константиновой отвечает заместитель Министра просвещения РСФСР, председатель Центрального оргкомитета Всероссийской экспедиции следопытов «Мое Отечество» Любовь Кузьминична Балясная.

— Что интересного было в прошедшем следопытском году?

— Прошедший год был очень значительным в дальнейшем развитии краеведческо-туристской работы. Всероссийская экспедиция «Мое Отечество» способствовала как углублению следопытской работы, так и ее размаху. Но особенно яркими в жизни туристов-краеведов были два события. Это конференция «В мир литературы и искусства», проходившая в Пушкинском заповеднике, и туристский слет на Селигере.

Конференция «В мир литературы и искусства» проводилась впервые. В ней участвовало пятьсот ребят. Но они представляли тысячи следопытов, увлеченных литературным краеведением, которое включает в себя, кроме литературы, фольклор, музыку, живопись, искусство народных умельцев.

Соприкосновение с миром прекрасного всегда облагораживает человека. И наша конференция явилась ярким подтверждением этого. Трудно передать, сколько мастерства проявили ребята в привезенных ими работах, какая свежесть и непосредственность чувств была выражена в их

собственных сочинениях, рисунках, в работах прикладного искусства. Глубоки и значительны по содержанию были их доклады, выставки. Конкурсы на лучшее знание творчества А. С. Пушкина, на лучшее исполнение его произведений показали, как дорог и близок школьникам великий поэт.

Туризму был посвящен слет на Селигере. К сожалению, в последнее время почти совсем исчез пеший туризм. Слишком часто ребят стали возить на поездах, самолетах, теплоходах. Они перестали ходить по родной земле, слушать ее дыхание, наслаждаться ее запахами. А что такое туризм без близких и дальних походов, развивающих смелость, напористость, мужество, сноровку?

Вот слет на Селигере и должен был дать толчок к возрождению спортивной направленности туризма. И надо сказать, что ребята проявили себя отлично. Они успешно справились с соревнованиями по ориентированию, проявили знания туристской техники, показали, что они умеют быстро бегать, быть ловкими и сообразительными в трудной обстановке, проявить настойчивость и упорство в достижении цели.

Этот слет показал, какие неисчерпаемые возможности имеет туризм для военно-патриотического воспитания подростков.

Стало массовой практикой создание музеев и уголков боевой славы, сбор материалов о героях-земляках. Но надо, чтобы школьники приобретали навыки военно-прикладного характера. Игра «Рубеж» требовала от туристов умения метко стрелять, попадать в цель гранатой, ориентироваться на местности, оказывать необходимую медицинскую помощь. Она требовала четкого взаимодействия и настоящего товарищества. Ребята с честью справились с этой задачей.

Хочется отметить, что следопыты Свердловской области успешно выступили на обоих слетах. Ирбитские ребята привезли доклад о народном зодчестве и проиллюстрировали его цветными диапозитивами и фильмом, снятыми в походе. А на Селигере среди восьмидесяти команд уральские туристы вошли в десятку лучших.

— Что ждет следопытов в 1972 году? В каких направлениях должна идти их работа?

— Сначала отвечу на первый вопрос. Уже в январе ребята соберутся в Уфу на всероссийскую конференцию «К тайнам природы». Сюда съедутся юные ботаники, географы, фенологи, зоологи, орнитологи. Все те, кто изучают рельеф местности, реки, озера, почвы, растительный и животный мир. Они составляют гербарии, коллекции почв, наносят на карту заболоченные места, овраги, засоренные водоемы, места обитания промысловых зверей и птиц. Ведут наблюдения за погодой, составляют географические словари. Юные натуралисты создают лесопитомники, оранжереи, украшают свои города и поселки садами, парками, скверами. И главное — стоят на страже родной природы.

Завершится нынешний следопытский год XII Всероссийским слетом следопытов, который будет проходить летом в Казани. Этот город не случайно выбран местом встречи лучших следопытских отрядов России. Ведь он связан с дорогим для всех нас именем Владимира Ильича Ленина. На примере Татарской республики ярко видно, как претворялись и претворяются в жизнь ленинские идеи о расцвете всех наций нашей страны. Слет и будет посвящен большой дате — 50-летию Союза Советских Социалистических Республик. На нем ребята подведут итоги своих поисковых работ по таким направлениям: «Союз нерушимый республик свободных», «Мой край в пятилетке», «Дружба народов нашей Родины», «Пятьдесят лет пионерии».

Работы здесь для следопытов — непочатый край. Взять хотя бы тему — 50-летие пионерии. По этой теме можно собирать документы, воспоминания, фотографии, рисунки, грамоты, значки, рукописные дневники, старые газеты и журналы, рассказывающие об участии коммунистов и комсомольцев в создании первых пионерских организаций, материалы о первых пионерских отрядах и первых вожатых. Надо постараться найти и записать первые пионерские песни, изучить историю памятников, установленных в честь пионеров, воскресить имена неизвестных героев-сверстников, отдавших жизнь за Родину.

Изучая далекое прошлое родного края, революционную и боевую историю нашего народа, не надо забывать и о трудовом подвиге старших поколений. В этой связи мне хочется поддержать

челябинских следопытов, которые на страницах «Уральского следопыта» предложили помочь ученым воссоздать историю рабочего класса Урала. Очень интересное предложение. Важно, чтобы его подхватили все следопытские отряды, особенно тех районов страны, где есть старейшие промышленные предприятия с богатыми трудовыми традициями, переходящими от поколения к поколению.

— Любовь Кузьминична, а каково ваше личное отношение к следопытству и к следопыту?

— Мне кажется, что следопытство — это та область деятельности школьников, где наиболее полно формируется мировоззрение ребят, раскрываются их творческие возможности, где по-настоящему развивается чувство дружбы и товарищества, гражданственность, общественная активность, чувство сопричастности к созидательной деятельностью всего народа нашей Родины. Следопыт — это прежде всего грамотный человек, знающий, куда он идет и за чем. Он должен выработать в себе органическую потребность много узнавать до похода, чтобы лучше овладеть темой поиска, уметь осмыслить, проанализировать найденное и открытое после похода. Постоянным спутником следопыта должна быть книга, настоящая поэзия и настоящая песня.

Не надо забывать и о туристской этике. Печальное зрелище иногда представляют туристы, неопрятно одетые, небрежно причесанные, в грязной обуви, вкривь и вкось поставленные палатки. Внешний вид — это лицо туриста. И оно должно радовать глаз каждого встречного.

— А что бы вы пожелали читателям «Уральского следопыта»?

— «Уральский следопыт» — один из немногих журналов, поддержавший следопытское движение в самом его начале и из номера в номер рассказывающий о замечательных делах ребят. Вот почему мне хочется пожелать всем, кто читает журнал, а читают его в основном ребята, чтобы они стали следопытами-энтузиастами. Пусть каждый читатель «Уральского следопыта» организует в своей школе, в своем классе, во дворе хоть самый маленький следопытский отряд. Если это случится, то можно считать, что в следопытское движение вольются тысячи и тысячи новых ребят. И все они испытают чувство глубокой радости от открытия неизведанного, от соприкосновения с богатейшей историей нашей страны, от приобщения к тайнам природы.

И пусть во всех походах им сопутствует удача!

Новых вам дорог и открытий, друзья!

ВЫСОТНИКИ

Разговор о перспективной профессии

И. ДАВИДОВ

Всех героев этого очерка породнил Верх-Исетский завод, на котором они заканчивают сейчас сборку гигантского цеха холодной прокатки трансформаторной стали — наверное, самого большого в стране.

На целый километр протянулись восемь просторных пролетов. Скоро монтажники-высотники должны закончить здесь свою работу, в новом цехе полным ходом пойдет монтаж оборудования, а высотников уже сейчас с нетерпением ждут другие уральские стройки. Потому что в наши дни без монтажников-высотников ни одно серьезное строительство обойтись не может.

Современное строительство — это прежде всего установка и сборка железных и железобетонных конструкций. Они образуют каркас, сте-

ны, крышу и внутренние перекрытия большинства зданий.

Профессия монтажника — не для слабых. И не для робких. На ней не удержатся тугодумы, индивидуалисты и трусы. Как у летчиков, здесь нужна дружеская спайка, быстрая, мгновенная реакция, беззаветная смелость.

И еще нужно много знать. Потому что хороший монтажник-высотник — всегда универсал. Он знает и газорезку, и электросварку, и с геодезическими приборами умеет управляться не хуже среднего геодезиста, чтобы самому, никого не дожидаясь, проводить выверку установленных колонн, ферм и балок.

Высотнику завтрашнего дня знаний понадобится еще больше.

О людях этой профессии — рассказ.

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ

Взаимовыручка

Сейчас ему тридцать лет, и он руководит бригадой — невысокий, но очень стройный, спортивно сложенный, легкий, быстрый и энергичный в движениях. У него густые черные волосы и брови, волевой подбородок, умные, большие, внимательные глаза. Да чего там говорить — красивый парень.

К своим тридцати годам он объездил полстраны — от Литвы до Сургута — и везде был желанным гостем, ибо делал самое нужное, самое необходимое людям дело.

Жизнь его не раз висела на волоске. Но ведь отважного это только закаляет. Не зря же и в армии ему досталась профессия не для слабых — Валерий был парашютистом-десантником.

...Это случилось в Курганской области, в деревне Тебеняк, где свердловские монтажники ставили передаточную телевизионную мачту высотой в 115 метров. Спас его Саша Чиняков — старый друг, с которым не раз вместе работали и дружили семьями.

Обычно при подъеме и спуске любого груза крюк башенного крана — или гак, как назы-

вают его монтажники, — вращается и закручивает трос. И чем больше высота — тем сильнее закручивает.

Бороться с этим явлением конструкторы башенных кранов пока не научились. И потому, как могут, борются монтажники. На небольших высотах к грузу привязывают направляющую веревку, которую придерживают с земли. На больших — кто-то из монтажников с середины вышки придерживает один из двух тросов рукой — делает оттяжку.

Однажды Валерий делал оттяжку на восьмидесятиметровой высоте. Когда надобность в оттяжке отпала, он отпустил трос и отстегнул от вышки цепь монтажного пояса — при оттяжке страховка обязательна. Потом глянул вниз и ахнул — трос сильно закрутился.

Раскручивать его потом — долгая морока. Полдня уйдет, если не больше. А если сейчас, вовремя, застопорить трос, то за какую-то секунду можно сберечь эти полдня.

Пристегивать пояс было уже некогда, и Валерий, покрепче ухватившись одной рукой за вышку, другой поймал трос, оттянул его. В кулаке, под рукавицей, ясно ощутились тугие спиральные витки троса, и казалось, будто он живой, будто дышит.

Однако как внизу еще крутился и крутил груз— над самой землей. Спускать его так было нельзя — перекорезится. Валерий засунул ногу за подкос мачты и взялся за трос второй рукой. И в этот миг ударил сильный порыв ветра, резко крутнул как с грузом, и стальные тросы мгновенно зажали обе руки монтажника. Неосторожность Валерия могла кончиться трагически.

Тросы, как тиски, сдавили пальцы и тянули в сторону от вышки. Боль в зажатых руках и в растянутом до предела позвоночнике все нарастала. Казалось, тело вот-вот разорвется. Онемела нога, зажатая между подкосами вышки. Пока она еще держит. Но долго ли? Валерий с ужасом понял, что сам он из этой передрыги не выберется.

И вдруг сверху раздался веселый крик:

— Держись, Валька!

А вслед за тем тиски тросов ослабли, освободили пальцы, и Валерий резким движением, из последних сил, рванулся к спасительным переплетам мачты, ухватился за них. Только после этого он отпустил трос и поднял глаза.

Над ним оттягивал трос и улыбался молниеносно спустившийся с ближней площадки Саша Чиняков.

Нужно ли после этого удивляться тому, что на особо трудные и ответственные задания — на сборку башен и мачт большой высоты — монтажники-высотники формируют бригады сами, без чьего-либо вмешательства, отбирая по возможности только своих друзей, только абсолютно надежных ребят, проверенных во всяких передрыгах.

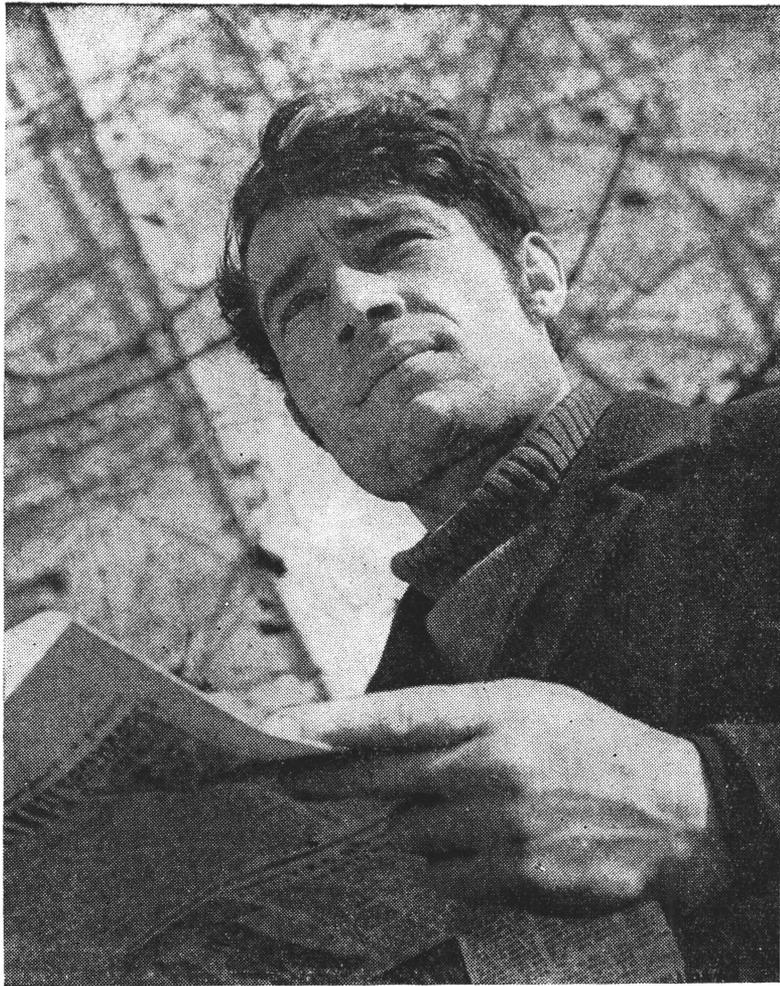
Кажется, ни в одной другой профессии подобный принцип подбора кадров не допускается. В этой же он совершенно необходим и нередко обеспечивает успех дела.

Когда-то, в войну, так же вот подбирали группы разведчиков, уходивших в тыл врага. И с тех пор у бывших фронтовиков, как высшая оценка человека, живет фраза:

— С ним бы я пошел в разведку.

Уравновешенность

Откуда же берутся эти отчаянно смелые, находчивые, сильные и ловкие ребята? Какой путь они проходят к вершинам своего мастерства?

В общем-то — самый обычный.

Валерий Павлович родился в белорусской деревушке под Слуцком в 1941 году. Детство, понятно, было тяжелым — война и нелегкая послевоенная пора. Лишь в 16 лет, уже на Урале, под Свердловском, Валерий закончил седьмой класс и пошел работать учеником столяра. Разряд он получил быстро, а профессия не понравилась — очень уж спокойная. Изо дня в день одно и то же — окна, двери, окна, двери. Вот и вся романтика!

«Уж лучше камни тесать!» — решил Валерий и ушел разнорабочим на мраморный карьер. А потом, вместе с группой друзей, поступил в Березовскую школу ФЗО — учиться на шахтного слесаря.

К концу курса выяснилось — бывает и так! — что под землю выпускников посылать нельзя. Им было еще по восемнадцать лет, а в шахтах разрешалось работать с двадцати. Группу слесарей переучивали в Нижнем Тагиле на сварщиков, и первые свои швы Валерий сварил на Уралвагонзаводе. В октябре 1960 года он снова, уже в третий раз, получил рабочий разряд.

Первой стройкой его стал цех сварных металлоконструкций на Уралмаше. Будущих свар-

щиков не готовили специально к работе на высоте, и потому неизбежны были вначале неуверенность, порой растерянность и страх. По первым своим балкам, даже довольно широким, Валерий медленно ползал на четвереньках, холодея и замирая при одном только взгляде вниз. Сейчас, спустя десять лет, он уже вспоминает об этом со смехом, потому что за плечами у него монтаж труднейшей 187-метровой опоры на Оби.

А тогда, на Уралмаше, увлекла его не столько высота, сколько сам ритмичный, красивый и эффектный процесс работы. Понаблюдал он за установкой колонн, за монтажом длинных, тяжелых ферм и широких плит, увидел, как за полдня, буквально на глазах, вырос участок размашистого пролета, и решил:

«Ради такой работы стоит привыкать к высоте. И, если привыкну,—эта работа на всю жизнь!»

Ползал он по балкам недели две. Потом стал осторожно ходить, сейчас он по ним бегаёт. Григорий Мухамедзянов, уже тогда опытный, известный бригадир—а было ему, как сейчас Павловичу, лет тридцать,—не торопил и не подгонял новичков, давал им возможность привыкать к высоте спокойно, неспешно. Однако с самого начала внушал:

— В нашей работе каждый зависит от каждого. Чем бригада дружнее—тем работать легче и безопаснее.

Вначале Валерий только помогал другим. Но уже через три месяца сдал на третий разряд, и теперь другие стали помогать ему. И тогда невольно Валерий начал спешить. Но Мухамедзянов, подметив порывистость и нетерпеливость молодого монтажника, не раз предупреждал:

— Не спеши, Валя! В нашем деле спешить нельзя. Сначала все обдумай—до самой последней тонкости. Потом только делай.

И постепенно, с помощью бригадира, у Валерия стали вырабатываться сдержанность и неторопливость, столь же необходимые монтажнику-высотнику, как и мгновенная реакция.

География профессии

После армии Валерий вернулся в бригаду Мухамедзянова и опять строил новые и реконструировал старые цехи Уралмаша. Именно в это время Валерия Павловича, как опытного, надежного монтажника, к тому же еще и холостого в ту пору, стали посылать в дальние командировки.

Первая из них была в Москву. Свердловчан направили на строительство высотного здания Совета экономической взаимопомощи, которое выросло на новом, только что родившемся проспекте Калинина, рядом с Москва-рекой.

Пришел Валерий на это здание, когда «варили» 15-й этаж каркаса. Ушел, когда заканчивали 31-й. Чуть-чуть не довел каркас до конца.

Работать пришлось зимой, на холоде и ветру, но о монтажниках заботились—было где обогреться. Главное, Валерий вдосталь налюбовался на Москву с высоты птичьего полета—на ее улицы и парки, на ее неповторимые соборы, башни и мосты, на Москву в морозном утреннем тумане и на Москву в красноватых лучах раннего зимнего заката.

А профессия преподносила новые сюрпризы.

Уральцы в Москве понравились, и им предложили постоянную работу и жилье в столице. Предложение было заманчивым, но не принял его никто—все вернулись на Урал. Вернулся и Валерий, потому что привык к Уралу, полюбил его и уже не мыслил своей жизни вдали от этого могучего края.

Вскоре после возвращения на Урал бригадир Сергей Харламов, знавший Валерия и по Свердловску и по Москве, встретился с ним возле вагончика монтажного участка и спросил:

— Поедешь строить мачту на линии Тюмень—Курган?

— Что за мачта?

— Сто пятнадцать метров. Новый тип. Для телепередач на Тюмень.

— Интересно. Пожалуй, поеду.

— Кого с собой хотел бы взять?

— Сашку Чинякова.

Так подбиралась бригада, которую вскоре переправили в зауральскую деревню Тебеняк, где Чиняков и спас жизнь Валерию.

Монтаж этой вышки был сложным. По технологии, разработанной в кабинетах, не все получалось, как надо. Приходилось искать свои пути сборки отдельных узлов. Много мороки было с вантовыми креплениями. Вышку должны были крепить вантами, а их вовремя не завезли, и монтировать пришлось на временных креплениях. Они были тоньше проектных, а на вышке, ко всему прочему, при монтаже еще подымался ввысь десятитонный кран.

И все же за полтора месяца вышка была смонтирована, и, вместо разобранного крана, на ней установили вогнутые зеркала для приема и передачи телевизионных программ. А следующую такую же вышку монтажники собрали уже за месяц.

— Наловчились!—коротко объяснил Харламов.

В результате к 50-летию Советской власти Тюмень получила возможность смотреть московские телевизионные передачи.

В этой командировке монтажники жили одним котлом. От Тебеняка столовая была далеко, за шесть километров, и ребята ездили туда редко—берегли время, по очереди варили обеды сами. И все же, несмотря на страшную занятость, помогли соседнему колхозу в монтаже нового коровника.

Сооружение двух зауральских вышек пришлось на конец лета и осень. Как ни выкладывались монтажники на работе, но у них оставалось время и для рыбалки на прохладной утренней зорьке, и для грибных походов, и для щемящих своей пронзительной грустью теплых деревенских вечеров с тоскующей или веселящейся гармошкой, со звонкими и высокими голосами поющих девушек. Все это было и в детстве, в Белоруссии, но воспринималось тогда как будни, а не как праздник. В Зауралье это стало для Валерия праздником.

Через месяц после окончания работ на линии Тюмень—Курган Валерий Павлович и Александр Чиняков соорудили 75-метровую телевизионную вышку в Тавде. Затем Валерий снова работал на Уралмаше, выезжал на монтажное задание в Сухой Лог, а осенью 1968 года был направлен в Нижний Тагил, где принимал участие в расширении ТЭЦ металлургического комбината и в сооружении знаменитой шестой домны. Большой рабочий город, который когда-то пода-

рил отличную профессию неопытному, но ищущему парню, теперь принимал его работу — работу зрелого специалиста. Валерий так и понимал свою командировку в Тагил — надобно отдавать старые долги.

Монтажная струйка в тюменской нефти

Осенью 1969 года Валерий и Саша Чиняков подбирали звено монтажной бригады, которой предстояло выполнять почетное, но невероятно трудное задание.

В то время молодые сибирские нефтепромыслы задыхались от недостатка электроэнергии. Уже шагали через глухую тайгу и бескрайние болота стальные мачты высоковольтной линии Тюмень — Сургут. Но вот дошли они до широкой Оби, и дело застопорилось. Посреди Оби мачты не поставишь. А если поставить на берегах обычные опоры высоковольтной линии, то провод между ними провиснет и ляжет в воду. Слишком уж далеки друг от друга берега Оби близ нефтяной столицы Сургута — два километра меж ними.

И вот, чтобы перебросить электроэнергию в Сургут, на берегах величайшей в нашей стране реки решено было поставить опоры высотой в 187 метров. И для большей прочности опоры предстояло сварить не из стального уголка, как все другие мачты, а из труб. Трубчатых опор такой высоты в нашей стране еще не ставили.

На обоих берегах Оби работали свердловские монтажники. На одной стороне — звено Павловича в бригаде тюменца Николая Зверева, на другой — бригада свердловчанина Низовских.

Уральские высотники прилетели в Сургут в конце ноября. Нефтяная столица встретила их ревом гусеничных вездеходов, обманчиво легким морозцем, празднично-белой метелью и проникающим во все щели запахом нефти.

По Оби еще медленно, застывая на ходу, ползла шуга, река не успела встать, а на берегу ее были разложены столбы, по ним лазали электрики и навешивали кронштейны для керамических изоляторов. Готовилась временная линия через Обь: столбы предстояло вморозить в лед. Вот только как быть весной, когда начнется ледоход и разрушит эту временку? Если только не протянут к тому времени постоянную линию через Обь.

Трубчатые конструкции, из которых состояла вышка, сваривать сложнее и дольше, чем обычные. Но для монтажников они неудобны еще и тем, что трубы — скользкие, по ним не пройдешь, как по плоским балкам или «уголку». Тем более зимой, когда трубы быстро покрывались изморозью, а потом и тончайшим слоем льда. Чтобы перебраться из одного угла опоры в другой, приходилось спускаться вниз и снова подниматься.

В конце декабря бригада Зверева дошла до отметки 50 метров.

И тут возникла новая проблема.

Пока высота была небольшая — наверх лезли по лестницам. Но выше 50 метров подниматься этим способом стало невмоготу. Долезешь до места монтажа — весь мокрый от пота. И работай после этого на холоде, на ветру. Начались

простуды, вообще-то очень редкие среди монтажников, людей закаленных.

Вопреки всем правилам, стали подниматься на кране. Садись в корзину, как цеплял ее и поднимал до нужной высоты. По дороге корзину закручивало до обалдения, потому что высота уже была немалая. И когда надо было вылезать из корзины на площадку опоры, — перед глазами все долго крутилось и качалось.

Тогда решили подниматься просто на гаке. Вчетвером становились на громадный крюк, пристегивали пояса к тросам — и давай «вирать»! Даже корреспондентов так поднимали.

Начальство было далеко, в Свердловске, но до него это нарушение правил все же дошло. Специально прилетел из Свердловска главный инженер управления — чтобы запретить.

Однако запретить не удалось. Монтажники завалили главного инженера вопросами:

— Если болеть начнем — кто нас заменит?

— Пришлем новых! — Главный инженер вначале пытался отбиваться.

— Так ведь новые — тоже люди! И они простынут.

— Да и не пошлешь новых сразу на такую высоту. К ней постепенно привыкать надо.

— А если сроки сорвем, товарищ главный инженер? Вы не забыли, что весной Обь пойдет и временку смоешь?

— За сроки-то с кого больше спросят — с нас или с начальства?

— Так ведь и за безопасность вашу с начальства спрашивают! — возразил главный инженер.

— Не бойтесь, товарищ главный инженер! Мы себе не враги. Раз делаем — значит, уверены!

Пришлось главному инженеру отступить. Монтажники продолжали подниматься на гаке. Видно, на самом деле, не было в этом случае другого выхода.

Когда опора поднялась на 140 метров, Валерия Павловича, вместе с монтажником Петром Журавлевым, однажды захватила на высоте неожиданная и стремительная зимняя гроза.

Случилось это в начале февраля. Монтажники, как обычно, поднявшись наверх, залезли в «люльку», и как ушел вниз — поднимать «ногу» очередной секции. С запада на вышку надвигалась небольшая, но темная тучка. Валерий поглядел на нее и сказал Журавлеву:

— Наверно, метель будет.

— Отсидимся, — ответил Петр. — Не впервой. Не спускаться же вниз.

Снизу как уже тащил «ногу». Когда она дошла до высоты 80 метров, густо повалил снег. Так густо, что Павлович с Журавлевым не видели друг друга, хотя находились в одной «люльке».

Неожиданно вышка вздрогнула, и оглушительно заремел гром. Когда стихло, Журавлев крикнул:

— Видать, молния ударила в опору!

Валерий и сам понял. С чего бы еще вздрогнуть громадной вышке? По радиации он отдал приказ крановщику:

— Все вырубай! Быстро!

Остановился кран. Застыл в воздухе груз. Журавлеву Валерий приказал:

— Стой на доске! Ни за что не держись!

Потом привязал его канатом к конструкции и сам привязался.

Валил снег, гремел гром, ветер свистел, вил

и отчаянно раскачивал «люльку». Валерий думал о трехтонной «ноге», которая болталась в воздухе, на полпути к верхней отметке. Может стукнуться об опору и погнуться — иди потом, выпрямляй... А может и молния ударит в трос, перебить его, и тогда рухнет «нога» вниз вместе с тяжеленным гаком, наделает страшных бед... Наверно, здесь, на высоте, в раскачивающейся открытой «люлке», сейчас даже безопаснее, чем внизу, возле опоры, куда в любой момент может грохнуться груз.

Минут пять продолжалась неожиданная гроза. Потом стих гром, ослабла и ушла на восток метель, заворчал мотор подъемного крана. Невезучую «ногу» подняли наверх, установили, приварили, и только после этого монтажники спустились вниз — передохнуть, выпить чашку горячего кофе, поделиться с товарищами впечатлениями о случившемся.

Бригада Зверева завершила свою опору раньше и перебросила свой кран, более отработанный и надежный, на опору Александра Низовских, Вторую опору к ледоходу удалось до-

вести до 120 метров. Электрики установили на постоянных опорах временную линию, до следующей зимы, и свезли на берег столбы временянки. Нефтяники без электроэнергии не остались, и Валерий Павлович спокойно подвел итог той зимы:

— Есть теперь в тюменской нефти и наша, монтажная струйка. Тоже приложили руку!

* * *

На необъятных просторах страны, от Москвы и до Сургута, раскиданы цехи, вышки и здания, в которые вложен труд уральского парня Валерия Павловича. Их уже довольно много, а он еще совсем молод и полон сил. И впереди его ждет еще столько новых строек, новых дорог, незнакомых городов нашей страны, может, и других стран, что даже самые смелые мечты наверняка окажутся бледнее и бедней той жизни, которую обеспечит уральскому парню его трудная, но почетная и повсюду необходимая людям профессия.

НИКОЛАЙ ГРОМЦЕВ, заслуженный строитель РСФСР

Размах дела

Ходить рядом с Громцевым трудно — не споешь. Высокий, плотно сбитый, очень быстрый в движениях, он кажется буквально сгустком энергии. Ему уже за сорок, но он стремителен, словно юноша. У него ироничные, насмешливые светлые глаза и неожиданно робкая, часто растерянная улыбка. И еще удивительная способность по-юношески легко и быстро смущаться, которая свойственна обычно людям добрым и доверчивым.

Детство его прошло в вологодской деревне Речная Сосновка, на реке Шексне. Восемнадцатилетним парнем попал он в ленинградскую школу ФЗО, где готовили электросварщиков. Окончил ее блестяще — один из очень немногих получил сразу пятый рабочий разряд, а с ним и устойчивый высокий заработок. Дальше уже пошла профессия.

Рассказывает об этом Николай Петрович Громцев по-деловому сжато:

— Выпускники нашей школы строили цехи ленинградского завода «Металлист». Мы были тогда в коллективе треста «Ленинградстальконструкция». Этот трест и направил меня, в числе восьми монтажников, на Урал, в командировку. Уезжал я на три месяца, а получилось — на всю жизнь. В Ленинград больше не вернулся. Хорошо, не успел еще накопить вещей — один костюм был, и тот на мне.

Строили мы на Урале высоковольтную электролинию от Нижне-Туринской ГРЭС до Свердловска, Варили и ставили опоры. Высота их была невелика — до 38 метров.

Закончили мы эту линию почти двадцать лет назад. И предложили мне поработать в Перво-

уральске, на Новотрубном заводе. Там строился второй волоочильный цех.

Новые места повидать всегда интересно. Поэтому согласился. Ехал тоже ненадолго — в командировку. А проработал в Первоуральске год.

Затем пошла такая кочевая жизнь, что и не придумаешь. Ставил громадные резервуары для масла и бензина близ Кольцовского аэропорта. Три года строил новые заводские цехи в Челябинске. Тянул трубопровод в Верхней Салде. Варил декомпозиеры и скрубберы на алюминиевом заводе в Каменске-Уральском. Везде, оказалось, позарез нужны высотники-сварщики.

В шестидесятом году вроде бы осел в Свердловске. Дали квартиру в центре, перевез и устроил семью и немало полазал по свердловским промышленным «высотам». Пришлось строить пятый корпус на Турбомоторном, лабораторный комплекс на Эльмаше, отдельные объекты на Уралмаше. Всего и не перечислишь.

Много времени проработал я на сооружении киноконцертного зала «Космос», известного всему Свердловску. Попал на эту стройку, когда близ городского пруда еще только поднимали первые колонны. Мне вот и пришлось укреплять их связями. Ушел оттуда, когда приварил последние балочки и распорки каркаса. Вся кровля этого громадного зала сварена моими руками. И, если у кого-нибудь есть претензии по качеству работ — готов принять.

Весной шестьдесят девятого года предложили мне поработать в Алжире. Предложение, конечно, было соблазнительным.

В июне собрали нас в Москве, пятерых сварщиков. Все — из разных мест. У всех — высший разряд. Не новички.

Когда прилетели в Алжир, то французские инженеры, руководившие стройкой, организовали нам экзамен. Проверяли качество сварки на земле. Убедились, что русские сварщики сильнее французских, и больше нам никаких проверок не устраивали.

Мы ставили каркасы цехов металлургического завода близ порта Аннаба, на берегу Средиземного моря. Каркасы эти доставляла из Советского Союза наша строительная фирма.

Аннаба — немаленький город, в котором живет 270 тысяч жителей. В здешний порт заходят корабли почти из всех стран мира. Только американцев там не жалуют.

Пока что в этом городе, как и в соседнем, Константине, где тоже пришлось побывать, очень сильны контрасты богатства и бедности. Полно узких, темных улочек с глухими глинобитными стенами низеньких зданий, в которых живет беднота. А в просторных светлых кварталах другой части города, среди пышной зелени, стоят особняки людей богатых.

Но облик этих городов уже начинает меняться. Специально для рабочих правительство строит прекрасные, благоустроенные высотные здания. Некоторые из них достигают высоты в тридцать два этажа. В Аннабе уже стоят шесть таких небоскребов, заселенных рабочими.

Советские сварщики жили вначале в гостинице, а затем в научном центре, созданном нашими специалистами. Улетал я туда тоже ненадолго — на два месяца. А проработал целый год. И все это время учился объясняться по-французски и учил электросварке арабских рабочих. Поначалу думалось, что сварке их будет научить легко, а вот работе на высоте — трудно. Оказалось же наоборот. Они с детства лазают по кокосовым пальмам за орехами, и работу на металлоконструкциях приняли легко. А вот сложные правила сварки осваивали долго. Сказывалось отсутствие образования. Порой приходилось подолгу объяснять вещи самые элементарные.

После Алжира послали меня на ВИЗ. «Идем» мы сейчас вместе со сварщиком Томиловым следом за монтажниками по цеху холодной прокатки и свариваем собранные ими порталы цеха. После нашей работы металлический каркас приобретает необходимую жесткость и можно утеплять кровлю, крепить любое оборудование.

Когда принимаешь участие в такой стройке — считай, что тебе повезло. Все-таки самый боль-

шой цех в стране! Будет потом что вспомнить. Но я уверен: скоро поднимутся цехи еще побольше этого, и кто-нибудь из нынешних строителей ВИЗа туда попадет. Размах строительного дела нынче таков, что скучать высотникам не придется.

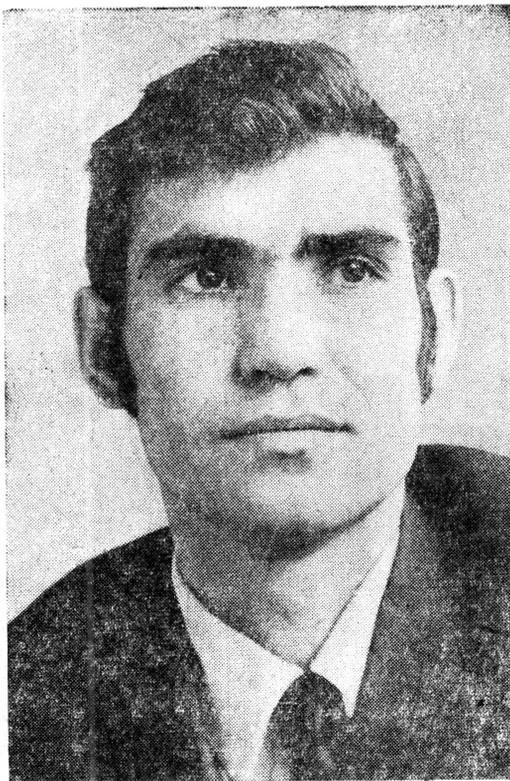
О рискованности нашей высотной профессии мне приходилось слышать немало. Но сам я за двадцать пять лет работы на высоте не получил ни единой царапины, ни разу не падал и не видел, чтобы кто-нибудь падал. Может, это результат везения, а может — и неторопливости. Спеть я могу только на земле. А на высоте — никогда. Там все надо делать спокойно и основательно.

ВЛАДИМИР ШАНГАРЕЕВ

Быстрота реакции

— При монтаже цеха металлоконструкций на Химмаше было у меня однажды чепе. Стоял я на крыше этого цеха и командовал установкой железобетонных плит кровли. До обеда все шло нормально. А после обеда потянул ветерок, на который, в общем-то, я не обратил внимания. И крановщик, к сожалению, тоже. Да к тому же,

огорчили крановщика во время обеда какой-то грустной семейной новостью. Вот он и повел стрелу с недопустимо большим замахом. Не учел ветра. И плита, которая висела на гаке, пошла на меня, вместо того, чтобы лечь на кровлю. Я все отступал, отступал перед нею, подавал знаки крановщику, но он их не замечал. Или просто не успел отреагировать. И всего какие-то лишние секунды плита шла в воздухе. А прижала меня к самому краю крыши. Отставил ногу — под ней

уже пустота. Деваться некуда — лег я животом на плиту и поднял вверх ноги. Пришлось крановщику спускать меня вниз. Тихо спустил, мягко и очень долго потом извинялся. Вот такая уж у

нас работа — каждая малая мелочь в ней важна. И соображать все надо очень быстро.

Шангареев монтажникает недавно — всего четыре года. А до этого был каменщиком — строил глиноземный завод и жилье в Ачинске, Красноярского края, руководил сельским клубом и добывал нефть в Башкирии, служил в пограничных войсках и составлял смеси на Свердловском заводе резиново-технических изделий. Многое перепробовал, многое повидал и, лишь став высотником, понял, что нашел именно свое дело — профессию на всю жизнь.

Еще на Уралмаше, в бригаде Григория Мухамедзянова, Шангареев познакомился с Валерием Павловичем. Сейчас, на ВИЗе, они снова в одной бригаде, и наверно, более надежного помощника, чем Владимир, у Павловича в бригаде нет.

Невысокий, худенький, суховатый, быстрый в движениях Владимир Шангареев успевает всюду. Он легко проберется и пробежит там, где крупному монтажнику не развернуться. Как и многие люди, не раз встречавшиеся с большой опасностью, Владимир слегка ироничен. Большие глаза его смотрят на мир и на людей вроде бы вопросительно. Но эта вопросительность взгляда отражает всего лишь жадность на информацию — и не больше. Он впитывает ее как губка. Когда же надо принимать быстрые решения — Владимир не станет ждать подсказки со стороны. Ждал бы подсказки — не удержался бы в монтажниках.

Установленные им в цехах Уралмаша, Химмаша, Турбомоторного и ВИЗа колонны, фермы и балки Владимир помнит все до одной и за все чувствует свою, личную ответственность. И если бы где-нибудь вдруг треснула его балка, — ощущение, видимо, было бы такое, словно своя кость сломалась.

Но балки и фермы лежат прочно.

АНАТОЛИЙ КОЗЬМИНЫХ

Творчество

...Когда заканчивали монтаж домны, нужно было разобрать башенный кран. Одна из деталей стрелы никак не поддавалась, и монтажник Иван Артемов поддел ее ломиком. А ломик сорвался, сбил Артемова, и тот полетел вниз головой с высоты 60 метров. Случайно зацепился ногой за раскос каркаса и на секунду повис, раскачиваясь.

По каркасу башенного крана поднимался в это время бригадир монтажников Павел Кузнецов. Он все видел, был близко и одним прыжком буквально лег на ногу Артемова, зажатую в раскосе. Больше он сделать не мог — только держал. Вот если бы пояс был пристегнут... Но и того, что он крепко держал — было достаточно. Артемов провисел вниз головой меньше двух минут. Подоспевшие товарищи втащили его на лестницу башенного крана. И уже через полчаса, оправившись от потрясения, он продолжал работать.

Эту историю рассказали девятнадцатилетнему Анатолию Козьминых, когда он поступал на Чусовской монтажный участок треста «Уралстальконструкция». Рассказали, чтобы проверить — не испугается ли парень трудностей профессии.

Парень не испугался.

— Такое мне подходит, — солидно сказал он. — Если товарищ за товарища так стоит — лучшего и не надо.

Тогда последовало продолжение истории:

— А чтоб с тобой подобного не случилось — пристегивай во время работы монтажный пояс. У Артемова он не был пристегнут, и за это его уволили. Сейчас шоферит.

Этот первый инструктаж по технике безопасности, который состоялся почти четверть века назад в городе Чусовом, так сильно врезался в память Анатолия, что за всю жизнь он ни разу не нарушил правил. А потому и не падал — ни разу. И в бригадах, которыми он руководит уже почти двадцать лет, тоже никто не падал. Потому что технику безопасности и сам Анатолий Михайлович умеет объяснить так, что раз и навсегда отпа-

дает желание нарушать ее не хитрые правила. Даже при самой большой спешке.

Впрочем, Анатолий Михайлович не только объясняет новичкам технику безопасности, но и делает все возможное, чтобы этой самой безопасностью было в работе высотника как можно больше. Так, придумал он переносные трапы — площадки с поручнями — для монтажа ферм. Площадки эти можно применять при сооружении почти любого заводского цеха. Они опираются на подкрановые балки и затвором крепятся к лафетам колонн. На такой площадке монтажник чувствует себя, как любой из нас на балконе собственной квартиры. Потому и работает монтажник быстро и весело. А сделано дело — кран переносит площадку на новое место.

Эти площадки применяются уже не только на ВИЗе, но и в других местах.

Такое же признание получила придуманная Анатолием Козьминых разборная подмость для стыковки колонн в вертикальном положении. По существу, это тоже металлический балкончик, только складной. Двое рабочих собирают и разбирают его за пять минут. И он позволяет легко, быстро, а главное — безопасно наваривать части колонн одна на другую.

Творческая жилка, умение толково организовывать труд людей проявились у Анатолия Козьминых очень рано. Должно быть, именно поэтому люди доверили Анатолию руководство целой колхозной бригадой, когда ему было всего тринадцать лет. Состояла бригада из женщин и стариков. Было это в войну, в деревне Колпаки, Кировской области. Наверное, по той же причине бригадиром монтажников-высотников Анатолий тоже стал очень рано — в двадцать четыре года. Причем из его бригады не раз выходили толковые руководители других бригад. И вот сейчас на ВИЗе, рядом с бригадой Козьминых, успешно трудятся три высотные бригады, руководители которых были когда-то рядовыми монтажниками у Анатолия Михайловича.

У каждого «маститого» высотника есть свой личный счет. И на этом счету не рубли, накопленные в банке, а крупные стройки, в которых высотник принимал участие.

На счету у Козьминых цехи в Чусовом, на Химмаше, в Потанино, Челябинской области, на Свердловском керамическом заводе и Вторчермете, на Свердловском камвольном комбинате. На его счету Центральный стадион Свердловска, оба лыжных трамплина на Уктусе и страшной глубины колодцы дробления на шестой асбофабрике в Асбесте. И еще на его счету целая «роща» ажурных телевышек — свердловская (180 метров), ижевская (125 метров), тавдинская (75 метров) и верхотурская (90 метров).

Когда смотришь на этого человека — невысокого, полного, вроде бы медлительного и тяжеловесного, — никак не подумаешь, что профессия его — монтажник-высотник, а не бухгалтер, и что на высоте он очень ловок, а порой еще и стремителен. Когда поймашешь его робкую и стеснительную улыбку, — ни за что не догадаешься, что он руководит людьми почти всю жизнь, с мальчишеских лет. И только когда заглянешь в его глаза — голубые, пронзительные, по-молодому быстрые, — поймешь, что этот человек должен уметь все — быть сильным и ловким, быть дьявольски изобретательным и спокойно, рассудительно, справедливо руководить другими людьми.

Анатолий Михайлович откровенно завидует высотникам завтрашнего дня. Им доведется строить те прекрасные, светлые, безумно высокие здания, которые сегодня рождаются в кабинетах архитекторов и пробиваются к людям сначала на страницах популярных журналов.

И строить эти здания будут монтажники, обладающие неизмеримо большими знаниями, вооруженные еще более совершенной техникой. Еще шесть лет назад промелькнула в одном из журналов первая коротенькая заметка о «внешнем скелете», который разрабатывают ученые для монтажника-высотника. Легкая, тонкая арматура этого «скелета» будет надеваться поверх одежды и действовать с помощью портативного гидромонитора. И самый обычный человек — не чемпион, даже не спортсмен — сможет легко, как литровую банку с водой, поднимать полутонную трубу или передвигать с места на место балки, которые сегодня передвигает башенный кран.

И не так уж много лет отделяет нас от того времени, когда на свою «рабочую» высоту монтажник будет подниматься не по лестнице, и даже не в лифте, а с помощью индивидуальных реактивных двигателей. Такие двигатели сегодня существуют, испытываются, и задача лишь в том, чтобы сделать их надежными и общедоступными.

Человечество упорно тянется ввысь. Это стремление неодолимо, и на целые века оно определит развитие строительного дела по всей нашей планете. Профессия монтажника-высотника родилась совсем недавно. Она еще в пеленках. Ее детство, юность, молодость и зрелый расцвет — далеко-далеко впереди, в таинственной голубой дымке грядущих столетий.

Июль 1971 г.

Лев СОРОКИН

В дороге

Полыхали ярые метели,
Не было
Ни неба,
Ни земли.
И порой казалось:
Мы летели!
Но колеса
Кое-как ползли.
Нашего водителя спросите:
— Как пробилась
через снежный край!

Он ответит:
— Есть закон в России:
Сам страдай,
Но встречных выручай!
Не друзей,
А вовсе незнакомых,
Тех, кто и не вспомнится потом.
Пусть кругом
Ни ветряка,
Ни дома,
Но Россия все-таки кругом.

Тряская бессонница

Все когда-то кончится,
В прошлое уйдет.
Тряская бессонница,
Тряский вездеход,
Спелые,
Сыпучие,
Скрипучие
Снега,
Зрелая,
Дремучая,
Колючая
Тайга.
Небо серо-белое,
Скованная Обь,
И заледенелая
Гибельная топь.
Следом за рассветами

Лезет вездеход...
Может быть, про это мы
Вспомним через год.
В нефтяном поселочке
Сядем за столом.
Присмирят елочки
Сразу за окном.
— Где ты, жизнь походная! —
Зашумят друзья, —
Счастье вездеходное
Забывать нельзя!
Кто-то скажет:
— Правильно!
В центре,
Где народ, —
Я, как танк,
Поставил бы
Первый вездеход.
Но тогда водителю
Как тут не сказать:
— Братцы, погодите-ка
Технику бросать...
Сквозь метели яростно
Рвется новый день.
Солнце встало в зарослях —
Золотой олень!

Звездная тишина

Ты тайгой ни разу не шагала
Снежной неисхоженной тайгой,
Где приткнулись к домику устало
МАЗы,
 зачехленные пургой.

Где сияний северных зарницы
Сквозь окно
Врываются ко мне.
Выхожу я в ночь,
Чтоб раствориться
В темно-синей звездной тишине.

Звезды полыхают низко-низко,
И в снегу все —
 от вершин до пят —
Неподвижно,
 будто обелиски,
Ели задремавшие стоят.

Словно мир огромный заморожен,
Словно в мире нету никого,
Я один.
И ярк и тревожен
Звездный свет, наверно, оттого.

Я судьбу таежную приемлю,
Потому что в северном краю
Не за нас с тобой —
 за нашу землю
Чувствуешь ответственность свою.
Хочется во что бы то ни стало
Сделать все,
 задуманное мной.

Жаль,
 что ты ни разу не дышала
Приполярной звездной тишиной.

* * *

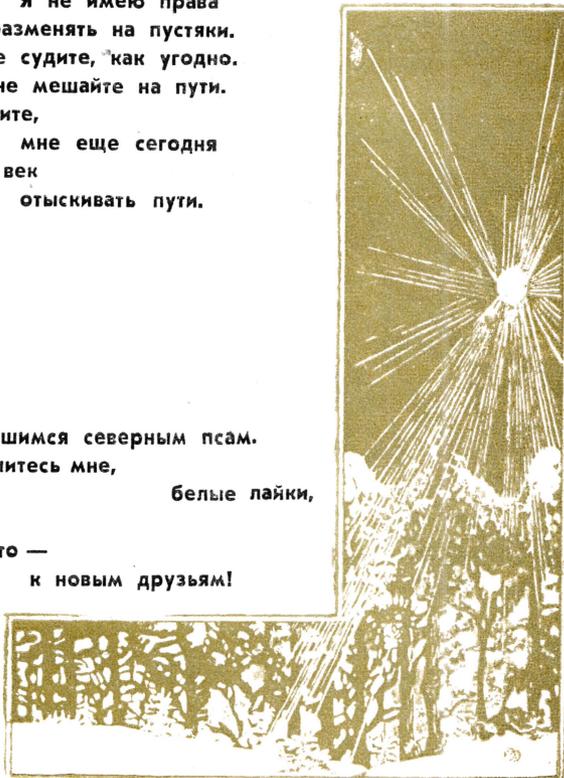
С плеч снимая,
 как рюкзак,
 усталость,
Я смотрю на яростный рассвет.
И не знаю,
 сколько жить осталось:
Может, год,
А может,
Десять лет!
Через дни мы строим переправы,

День и ночь —
 как берега реки.
Путь далек.
 Я не имею права
Время заменять на пустыки.
Обо мне судите, как угодно.
Только не мешайте на пути.
Вы поймите,
 мне еще сегодня
В новый век
 отыскивать пути.

Лайки

Несмотря на морозище колкий,
До земли опуская носы,
Мирно бродят в таежном поселке
В одиночку
И стаями
Псы.
То играют с детьми осторожно,
То грустят у закрытых дверей.
Видно Север обжить невозможно
Без надежных
 косматых друзей.
И лохмачу я шерсть без утайки

Полюбившимся северным псам.
Вы приснитесь мне,
 белые лайки,
Говорят,
 это —
 к новым друзьям!

ПОВЕТЕРЬ

Евгений БОГДАНОВ

Повесть

Рисунки Н. Мооса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кого море любит, того и наказует.

Поговорка

1.

Елисей Мальгин, выпалив все патроны, в отчаянии опустился на лед у тела убитой им утельги¹ и, положив бесполезный теперь «ремингтон» рядом, закрыл лицо руками. Несколько минут он сидел так, раскачиваясь и всхлипывая. Потом, устыдившись своего малодушия, поднялся. Прерывисто дыша, до боли напрягая зрение, стал всматриваться в бескрайнюю снежную, сумеречную муть. Ветер рвал на нем одежду. Колкий снег сек щеки.

Сколько ни смотрел — ничего не увидел. Молочно-серый сумрак кругом, грохот ломающихся, стиснутых непогодой льдов и тоскливый, зловещий вой ветра. Под ногами — льдина, вздрагивающая от ударов о соседние, зыбкая, словно палуба парусника в шторм. У ног — утельга. Ее уже стало заносить снегом. Елисей снял рукавицу, притронулся к боку утельги и вздрогнул. Холод тюленьей туши стрелой ударил ему в сердце.

Подобрал винтовку, подумал: «Конец. Пропал...» В ушах все еще звенел голос юровщика¹

¹ Юровщик — старший зверобойной артели на прибрежном тюленьем промысле в Белом море.

¹ Утельга — самка тюленя.

Анисима: «К лодка-а-а-ам! К лодка-а-ам! Скорее, братцы!»

Елисей не послушался, в охотничьем азарте притаился за ропаком, приложился, выстрелил. Потом побежал к зверю, собираясь быстро освежить его. Но не успел снять шкуру — ударил снежный заряд, ветер сбил с ног, льдина обломилась. Он кинулся было к товарищам, но поздно: меж обломком и большой льдиной чернела вода. Вплавь? — не выбраться на лед. Лодка же осталась там, вдалеке. «Неужели не помогут?» — метался на обломке льдины Елисей.

Но и сам знал — помочь при такой завихре нелегко. Разводье ширилось, обломок отливным течением и ветром понесло неведомо куда. Время позднее, свет тает, как снег в горячей руке...

Тогда он и стал палить в воздух из винтовки, давая знак товарищам. Услышал ответную стрельбу вдалеке. Вот выстрелы стали вроде бы ближе... Он стрелял и стрелял, пока не кончились патроны. Ему отвечали очень издали, еле слышно, и почему-то с подветренной стороны.

Потом там вспыхнул сигнальный огонь, совсем не в том месте, где ожидал его увидеть Елисей. Блеснул огонь и скрылся. Все заволокло снежной мутью. У него не было ни дров, ни спичек, ни хлеба...

«Велик ли обломок?» — чтобы убедиться в этом, Елисей сделал несколько шагов в сторону, в другую, в третью. Везде то вода, то мелкое ледяное крошево. Он понял: остался на крошечном пятачке среди беснующегося моря. Делать нечего. Если до утра обломок не раскрошится, с рассветом можно будет перебраться на

льдину побольше. А теперь уж никуда ни шагу не сделаешь: совсем стемнело.

Елисей сунул рукавицы за пазуху, приложил ладони ко рту и стал кричать, поворачиваясь во все стороны. Может быть, товарищи все же где-то недалеко. Они не могут не искать. Поморский закон таков: «Товарища оставить в беде — самого себя погубить».

Кричал долго, пока не охрип. Потом привалился боком к убитой тюленихе и свернулся, подобрал ноги. Конечно, он не спал — какой тут сон! Полежав, вскакивал, разогревался, приседая и размахивая руками, потом опять прятался от ветра за тюлениху. И так до утра.

Утром с одного края льдины обозначилось разводье чуть ли не в полверсты, с другого — ледяное крошево, а вдалеке — торосы. А небо мурилось, и по-прежнему свистел ветер и сыпал снег.

Елисей вынул нож и вырезал из туши кусок сала. Попробовал есть. Холодное, вязкое, пахнущее рыбой сало не шло в горло.

На вторые сутки голод стал невыносимым, и он опять принялся за сало, теперь уже не чувствуя отвращения. Если льдину не разломает — тюлениха спасет его. Ее мяса и сала хватит надолго. Есть их поморам в уносе¹ не в диковинку. Сколько зверобоев тем и спасалось!

Тревожило другое: далеко ли берег? И можно ли, переходя от льдины к льдине, добраться

¹ Попастъ в «унос» — быть унесенным на льдине в открытый океан и погибнуть, если не поможет случай.

до него? Бывали случаи, когда зверобои выходили на берег, когда их уже считали погибшими.

С наступлением прилива льды сжались. Елисей увидел на месте развоя большую крепкую льдину и стал ждать, не сомкнется ли с нею та, на которой он бедовал. Если сомкнется, можно будет перетащить утельгу и перейти самому. Он перехватил веревочной петлей тюленью тушу и подтащил ее почти к самой воде.

Но льды будто заколдовало: узкая, в три-четыре шага, полоска воды меж ними не уменьшалась. А потом начался отлив, и его льдина осталась одна посреди большой полыньи.

И так день за днем. Елисей вконец выбился из сил. По ветрам, по редким звездам ночью, по приметам, известным зверобоям, Елисей определил: льдину уносит в открытый океан. И чем дальше ее уносило, тем ближе становилась гибель. Впереди — развоя при выходе из горла Белого моря, в них — крутая волна. Льдину разобьет на куски...

Елисей стоял, опираясь на винтовку, чтобы не упасть, и смотрел, смотрел вокруг. Ни земли у горизонта, ни солнца, ни голубинки в сером и мутном небе. Ни паруса, ни пароходного дыма. В эту пору корабли в море не ходят.

Один во всем морюшке Белом...

А льдина таяла на глазах, раскачивалась, ломалась. Стоять уже стало страшно. Елисей лег на лед. Посмотрел — тюленьих смыло волной. «Убил я утельгу, и она меня с собой возьмет, — шептал Елисей. — Прощай, дорогая жenuшка Парасковья, прощайте, детушки Тихон да Родион! Прощайте все...»

Еще несколько ударов лохматых, тяжелых зимних волн — и льдина опустела.

Нет больше Елисея Мальгина. Взяло море... Кого оно любит, того и наказует...

Юровщик Анисим, поняв, что Мальгин попал в беду, тотчас послал во льды на спасение товарища две лодки, подвергая немалому риску всю артель. Долго петляли лодки в развоях, тащили их мужики волоком по льдинам, опять спускали на воду и все искали, кричали, стреляли, жгли факелы, пропитанные жиром.

Но все понапрасну, слышали лишь два сухих щелчка далеких выстрелов.

Вскоре лодки сбились с нужного направления, искали совсем не там, где надо было. Усилившийся шторм грозил гибелью лодкам. А в них — двенадцать человек.

Старший поисковой партии Григорий Хват был человеком молодым, горячим и отчаянным. Однако и он, поразмыслив, решил не рисковать жизнью двенадцати.

Опустилась ночь. Теперь льдину с Елисеем, если он еще жив, унесет неведомо куда. Продолжать поиски во тьме — не имело смысла. Григорий решил пробиваться назад, на сигнальный костер, который чуть-чуть мельтешил вдаль, как крошечное пламя свечи.

Зверобои угрюмо шли всю ночь на это робкое пламя, которое часто совсем терялось из виду...

2.

16

Родька с Тишкой блаженствовали на теплой печи до тех пор, пока мать не разбудила их: — Вставать пора! Завтрак на столе.

Родька, высунув голову из-под овчинного одеяла, долго щурился на низенькое, затянутое изморозью оконце. Февральское раннее солнышко золотило ледяные узоры на стекле, и казалось, они горели. Мать гремела сковородой у печи, пекла овсяные блины. Широкая железная сковорода звенела тоненько, певуче. На столе на тарелке — горка готовых теплых блинов. Исходило паром большое блюдо с тресковой ухой. Родька потянул носом, зажмурился: вкусно. Толкнул локтем младшего брата Тишку:

— Мать блины печет. Слезай.

Сошли с печи на холодный, усталый домоткаными половиками пол, обули валенки, поплекались у медного, подвешенного на цепочке умывальника — и за стол. Родька, свернув горячий блин трубочкой, аппетитно уплетал его, захлебывая горячим варевом. Кажется, нет на свете ничего вкуснее тонкого овсяного блина с тресковой ухой, хоть и постной, ненаваристой, а все же духовитой.

Тишка наелся, положил ложку, наморщил лоб по-взрослому и сказал озабоченно:

— Сегодня со зверобойки должны прийти. Дедко Иероним вечер сказывал: к обеду ждут мужиков. Батя придет, белька принесет...

Мать убрала сковороду, наложила детям каши, налила молока. Принялась раскатывать на столе пшеничное тесто. Еще молодое кареглазое лицо ее светилось в улыбке. Тишка сказал:

— С батиним приходом и белых пирогов поедим. Во!

Он оттопырил большой палец и глянул на брата. Родька молча пил молоко, не сводя с матери серьезных с грустинкой глаз. Он живо представил себе, как в избу войдет отец — обросший, похудевший, с сухим обветренным лицом, в заскорузлом овчинном совице и огромных бахилах с голенищами, обрызганными тюленьей кровью. Войдет и перво-наперво, сняв шапку, грузно опустится на колени перед образом Николы Мирского, чей лик темнеет в углу. Будет шептать благодарную молитву, стучаться лбом о пол. Потом скинет совик, поцелует мать, обнимет сыновей. Вытащит из мешка сырую желтовато-белую шкурку белька — тюленьего детеныша, и скажет: «Это вам, ребята... только выделат надо». А сам пойдет в баню.

Родька встретился глазами со взглядом матери. Она велела:

— Наносите в баню дров да воды. Я скоро приду топить...

Позавтракали — пора и за работу. Родька и Тишка оделись, вышли во двор, взяли чунки¹, поставили на них деревянный ушат и поехали к колодцу за водой.

Анисим Родионов, навалившись грудью на лямку из толстой сырмятной кожи, шел с первой лодкой-шестериком. Его товарищи — трое с одного борта, двое с другого — тащились понуро, часто оскользаясь на снегу, поругиваясь вполголоса. Устали смертельно, едва переставляли ноги. Всю дорогу хотелось пить. На коротких остановках по очереди прикладывались к холодному пузатому чайнику.

Лодка шуршала по насту днищем и полозьями, приделанными по обе стороны киля. В лод-

¹ Чунки — санки.

ке под куском брезента от старого паруса — «буйном» уложены сырые тяжелые тюленьи шкуры. Добыча богатая, но сушит сердца зверобоев тоска: потеряли товарища. Анисим всю дорогу от самого Моржовца¹ до деревни мучительно подбирал слова, которые придется говорить вдове Парасковье Мальгиной. Да что слова! Разве помогут они, утешат в огромном черном горе?

Анисим думал: «Все ли я сделал, чтобы спасти Елисея? Не допустил ли промашки? Ему казалось, что он, как юровщик, не был настойчив в поиске. Может, следовало бы утром отправить снова людей, снабдив их харчем? Но погода! Злая, штормовая погода! Кругом разводья, волна чуть ли не торчком ставила льдины. Хрустнет, словно яичная скорлупа, любая лодка! Отправлять зверобоев на поиски — значило посылать их на верную смерть... «Ты сделал все, что мог, — говорил Анисим себе. Но тут же хмурился: — А все ли?» И опять сомнения, невеселые думы.

Горько было на душе и у Григория Хвата. Он-то отлично знал: поиски безрезультатны. Чтобы успокоить юровщика, Хват говорил ему:

¹ Остров в Мезенской губе Белого моря.

— В такую круговерть нельзя было оставаться во льдах. Поверь, Анисим, уж я ли не любил Елисея... Но не мог я вести людей смерти прямо в пасть.

«Эх, Елисей, Елисей! — думал он. — И надо же было тебе сунуться за те ропаки! Зачем ослушался команды? Все вернулись к лодкам, добычу даже покидали, а ты пошел еще стрелять. Кого же винить в твоей гибели? Забыл ты поморское правило: «В беде держись товарищей — легче будет!»

Впереди из-за сугробов вынырнула колоколенка, справа и слева от нее — избяные крыши, заваленные снегом так, что толстые пласты над стрелами завернулись завитками. Колкий ветер гнал по сугробам поземку, низкое яркое

солнце слепило глаза, но не грело.

Иди, помор, гони дорогу. Дом близок! Анисим поглядел себе под ноги, выбирая путь, а когда поднял глаза, то увидел, как из деревни навстречу бежит толпа. Мужики, бабы, старики, детишки торопятся, оскользаются в снегу, размахивают руками, кричат.

Встретились. Женки целуют мужей, вернувшихся с промысла, впрягаются вместо них в лямки и со свежими силами тащат лодки к берегу. Анисим неохотно передал лямку жене. Идя по бочь лодки, глазами искал Парасковью.

Вот и она с Родькой и Тишкой. Стоят удивленные, в глазах, в открытых ртах немой вопрос: где отец?..

Что делать? Надо объясняться. Анисим, подбадриваемый угрюмыми взглядами товарищей, подошел к Парасковье, снял шапку. И как только он снял шапку, Парасковья отшатнулась от него, будто кто ее ударил в плечо. Широко раскрытые большие глаза ее впились в лицо юровщика. Над снегами раздался высокий, тоскливый, леденящий душу крик:

— Где Елисей?!

Анисим шумно вздохнул, стиснул зубы, опустил голову, не смея глянуть в лицо вдове. Собрался, наконец, с силами:

— В унос... попал... Елисей...

— В уно-о-ос? — высоким голосом переспросила Парасковья. — Как же так?

— А так... — Анисим стал рассказывать, как было дело. Тишка, ухватившись за мамкин подол, плакал. Родька сначала крепилась, но вот и у него по щекам потекли слезы. Парасковья, выслушав юровщика, вдруг, словно у нее подломились ноги, опустилась на снег, сорвала с головы платок, обеими руками вцепилась в волосы. Повалялась лицом в снег, заревела жутко:

— Елисе-е-е-юшко-о-о!

Потом повели ее домой, бережно поддерживая под руки. Тишка плелся позади, шатаясь из стороны в сторону, не видя дороги из-за слез. Родион повторял, успокаивая мать:

— Мам, может, еще вернется батя. Бывало, что приходили мужики из уноса...

— Нет, — сурово говорила Парасковья. — Пропал Елисеюшко... — и в отчаянии мотала головой, как пьяная.

Анисим молчал. Бугрились на сухих щеках под обветренной кожей, перекатывались желваки. Поглядывал юрочки на слепое солнце горестными, виноватыми глазами.

Так в Койне стало одной вдовой больше.

Не было в ту пору ни самолетов, ни винтокрылых машин. Ледокольные суденышки, переделанные на военные, прогнав интервентов, отставались в архангельском порту побитые, потрепанные. Поморам приходилось надеяться только на себя.

Справили скупые, тоскливые поминки. Зверобой притащили в дом Мальгиных муки, сахару, рыбы, ситца — доля Елисея в оплате добычи из ряхинской лавки. От себя мужики еще добавили, сложившись, мешок крупчатки.

С гибелью отца Родька сразу повзрослел, забыл ребячьи шалости да развлечения: «Теперь я мужик в доме. Надо думать, как жить далее...»

3.

Странное положение было в деревне — две власти. Новую, завоеванную революцией, долги боями с белогвардейцами и интервентами, представляли председатель сельсовета Анисья Звездина, женщина умная и справедливая, и секретарь партийной Тихон Панькин, израненный фронтовик, уважаемый в Койне человек. Вроде бы и большие права были у новой власти, но по-прежнему, с тяжелой привычкой вела рыбаков нужда о хлебе насущном не к избенке Совета, а к бревенчатому посаду Ряхина. В сущности, от Ряхина и зависело — будет ли сыта семья помора. Даст купец работу — можно еще кое-как прожить, не даст — хоть по миру иди. И ни Анисья, ни Тихон, ни третий член партийки, тоже бывший солдат, ничего тут изменить не могли. И жизнь вроде бы пошла так, что таким, как Ряхин, новая власть особо чинить препятствия пока не собиралась. Более того — живее стали и частный промысел и частная торговля. В разговорах мужиков все чаще слышалось незнакомое слово нэп.

Дом Вавилы Ряхина — двухэтажные, рубленые из кондовой сосны обширные хоромы с поветью, с двором для скотины, чуланами, кладовками, — все под одной крышей. Окна изукрашены резными наличниками с «полотенцами» под карнизам. Семья невелика — сам Вавила, жена Меланья да пятнадцатилетний сынок Венедикт. И прислуги немного, — экономный прижимистый хозяин не терпел лишних ртов, — стряпуха Дарья, горничная Фекла. Стряпухе, бабе рыхлой, объемистой телом, стукнуло уже шестьдесят. Фекле, пригожей и рослой девке-сироте, взятой Ряхиным в услужение, — двадцать пять годков.

На Ряхина работала чуть ли не вся Койна. На его парусниках — шхуне и боте — плавали в командах койненские рыбаки. Шкиперы и артельные старосты — тоже местные, состояли на жалованье. Рыбаки же обычно трудились из доли в добыче — «покрученниками». Оплата труда их зависела от удачи в зверобойном да рыболовном промыслах.

На окраине села, в длинном приземистом здании, похожем на сарай, — полукустарный заводшко для обработки и посола звериных шкур и салотопня. Рядом — севезальная мастерская.

Все свое достояние Вавила нажил с годами. Начинал, как и многие оборотистые и прижимистые люди на Руси, с малого. Поначалу займел несколько карбасов, наладил прибрежный лов

камбалы, наваги да окуня-пинагора. Потом завел ставные невода и поплави на семгу и подрядил койненских рыбаков «сидеть» на тонях. Ценную рыбу сбывал архангельским купцам.

Копил деньги, отказывая себе во всем, кроме самой наипростейшей пищи да необходимой одежды и обуви. Стал строить бот. Построив, ходил под парусами в Архангельск, да на Мурман, — ловил треску ярусами, понемногу расширял промысел.

Перед империалистической войной заложил Вавила первый венец нынешнего просторного дома. Постройка съела почти все сбережения. Но подвернулся случай, на ярмарке в Архангельске в Троицын день свела его судьба с городской барышней Меланьей — жеманной блондинкой с нежной кожей и голубыми глазками. Такие годами мечтают о замужестве, не находя «желанных» женихов, и переписывают в свои альбомы, украшенные виньетками, душещипательные стишки.

Узнал Ряхин, что Меланья — дочь банковского чиновника. Екнуло сердце от радости: «Женюсь, можно будет завсегда кредит получить под проценты».

Целый месяц волочил за девицей, хоть и сосало сердце беспокойство за домашние промысловые дела.

Наконец, улестил, уломал вальяжную архангельскую барышню. Получил шесть тысяч приданого. Подумал: «Вложу в дело».

Свадьбу праздновал дважды: в Архангельске, в доме отца Меланья, в Немецкой слободе, и в Койне. Жена в Койну поехала с великой неохотой и слезами — привыкла к городской жизни. Обещал ей: «Выйду в большие купцы — переедем в город».

Пустил женины деньги в оборот, завел торговлю в селе — бакалейную и мануфактурную, исхлопотал с помощью тестя кредит и приобрел у разорившегося судовладельца почти новую, отличную шхуну.

С этой шхуной и выбрался Вавила в большое плаванье. Нагрузит дома судно тюленьим жиром да шкурами и отправит в Архангельск. Там продаст свой товар, купит хлеб — и в Норвегу. У норвежцев на хлеб выменяет треску, и пока идет шхуна обратным путем в порт на Двине, команда обработает рыбу. В Архангельске купец продаст треску — прибыль в банк. Имел Вавила доход от каждой торговой сделки. Уже подумывал он о покупке рыболовного траулера за границей. С таким судном он бы начал ворочать большие дела. Но революция слутала планы, и Ряхин решил до времени поостеречься, деньги копить, но дело пока не расширять. И того, что есть, хватало.

4.

Вавила, широко распахнув дверь, тяжело шагнул через высокий порог в избу Мальгиных. Был он мужчина рослый, грузный, новые бахилы, подвязанные ремешками под коленками, поскрипывали. Вавила снял шапку, огладил густую бороду сверху и снизу, положил на лавку принесенный с собой сверток. Поспешно по привычке перекрестил лоб, метнул исподлобья на Никола Морского зоркий взгляд и густо, басовито сказал:

— Здорово, хозяйюшка! Здорово, детки.

Парасковья положила прялку, на которой пряла суровье из конопли, встала, поклонилась Ряхину и показала рукой на стул. Тишка на окне

из деревянных кубиков-обрезков строил Соловецкий монастырь. Треугольные кусочки служили верхами башенок, кубики — стенами. Он не удостоил взглядом Ряхина и старательно продолжал свое дело. Родька, выйдя из горенки, глянул на купца настороженно, вполголоса обронил: «Здравствуйте».

Вавила сел, положил руку на стол. На пальце блеснуло широкое обручальное кольцо, купленное у архангельского ювелира.

— Соболезную тебе, Парасковьюшка, — заговорил Вавила мягко, сочувственно. — Рано ты потеряла муженька. Да, видно, судьба уж... Не щадит морюшко нашего брата, койничан... Сколь погребло — не счесть! Сколь крестов стоит на Канине, на Мурмане да на островах!

Склонил голову, помолчал.

— Чем помочь тебе — не ведаю...

— Спасибо за доброе слово, Вавила Дмитрич, — тихо ответила Парасковья. — Пока не нуждаемся. Как-нибудь проживем.

Родька сел на лавку, подалше от Вавилы.

Ряхин окинул взглядом худенькую фигурку паренька. Родька высок, но тощ, угловат по-юношески. Русые волосы, длинные, давно не стриженные, спадали на обе стороны головы к вискам, кудрявились, как у Елисея.

— Оно так, конечно, проживете, — согласился Ряхин. —

Однако я пришел к тебе, Парасковьюшка, по делу. Могу пристроить Родиона к себе в заводешко, поработать строгалем. Платой не обижу. Вам деньжата будут не лишние, а у меня работников ноне нехватка. Дал бог зверобоям добычу славную... Дела всем хватит.

Мать вопросительно посмотрела на сына. Родион подумал, что деньги и вправду лишними не будут, да и польстило, что как о взрослом работнике говорил о нем Ряхин.

— Ладно, — сказал он.

— Молодец! — Ряхин взял с лавки сверток и подал его Парасковье: — Возьми, Парасковьюшка, в подарок тебе и детям материшки. Тебе на платье, ребятам на штаны. А весной, Родион, дам тебе другое дело. В море хошь?

Родион вздрогнул, в глазах вспыхнул интерес: идти в море на паруснике — его давняя мечта.

— Как не хотеть? Хотелось бы...

— Ну, так и пойдешь. Зуйком на шхуне. В Архангельск. Так-то.

— Спасибо, Вавила Дмитрич, за участие, — сказала вдова.

— Что ты! Не стоит благодарности! Господь велел помогать ближнему в бедах и горестях.

Купец встал, попрощался и вышел, обронив:

— Завтра придешь на завод, Родион. Мастер тебя поставит к делу.

Ни Ряхин, а Родька тем более, не могли и предвидеть, что завяжется с этого дня узелок, что круто сведет их судьба в лихой и решающий час.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1.

В заводешке Вавилы Ряхина студено, тесновато и, несмотря на холод, душно. Пахло ворованью от залежавшихся шкур и тюленьего сала.

Пятеро строгалей — две женщины и три мужика, надев фартуки из мешковины, широкими ножами-клепиками срезали сало с тюленьих шкур, раскинутых на плоских плахах.

Старшим тут был пожилой койничанин

Иероним Маркович Пастухов — сухонький, проворный не по годам человек со светлыми, будто выцветшими глазами. Он чуть прихрамывал: на зверобойке застудил ноги и теперь не ходил в море ни за рыбой, ни за зверем. Кормился тем, что обрабатывал ряхинское сырье, а когда шкур не было, делал рюжи для ловли наваги.

Иероним взял Родьку за локоть и повел его по узкому проходу между кипами шкур и строгальями к свободной плахе.

— Вот тебе, Родион Елисеевич, клепик, вот плаха, а вот и шкуры, — тихо говорил Иероним, обращаясь к Родьке, как к взрослому. — Наденько фартук. Так... Ишь, какой баской стал: ни дать, ни взять настоящий строгаль. Кой тебе годок?

— Шестнадцатый пошел с января, — ответил Родька.

— Училище-то кончил?

— Кончил. Четыре класса.

— Мало, — покачал головой старик, сожалая. — Ну ладно! Теперь слушай меня и смотри. Вот я беру шкуру, кладу ее так, жиром кверху. Расправляю... гляжу, не осталось ли мяса...

— Осталось, вон!

— Верно, осталось. Его надобно срезать. Раз — и все. — Иероним кинул в деревянную кадку кусочек тюленьего мяса. — Теперь гляди: делаю поперечный надрез, так, чтобы не задеть мездру... Только с ножом осторожнее, руки не порань и шкуру не цапни.

Старик вручил Родьке нож и, отступив на шаг, стал смотреть, как начинает действовать клепиком паренек.

— Не торопись, делай чище, — поправлял мастер.

Работа в заводешке была не постоянной: сходят мужики на зверобойку, продадут добычу Ряхину — тогда строгальям дела по горло. По сотне шкур, бывает, обрабатывают, вытапливают в больших чанах, вмезанных в печь, жир, засаливают шкуры, готовят их к отправке в больших тюках или бочках. Кончится сырье — вешает на свое заведение Вавила замок, а строгали ищут себе другое занятие.

Хозяин наведывался на заводешку каждый день. Едва появлялась в цехе его массивная фигура, как все замирали, словно в церкви перед началом богослужения. Строгали, и без того мало разговорчивые, умолкали вовсе. Только мягко скребли клепики по шкурам.

Вавила обходил помещение, заметив непорядок, указывал мастеру, раскладывал шкуры, придирчиво осматривал их у окна, потом аккуратно клал на место, спрашивал:

— Маркович, сколько с утра сделали?

Дедко Пастухов записей не вел, все держал в памяти:

— Леха — пятнадцать, Семен да Дементий по восемнадцати, бабы по двадцати, а малой — шестнадцатую раскинул...

«Малой» — Родька.

— Так-так, — Вавила посматривал на ссутуленные спины строгалей. — Опять бабы больше всех сделали! Вам, мужики, не стыдно ли?

— Без стыда лица не износишь, — отвечал Леха, невзрачный на вид мужик средних лет, побойчее других на язык. — У баб клепики вострей!

— Поговори у меня! — не слишком строго, однако, бросал хозяин. — За что вам деньги пла-

чу? Срок везти товар в Архангельск. Поторапливаться надобно!

— А мы и так торопимся. Пот с лица смахнуть некогда.

Вавила молча поворачивался к двери и уходил, высоко неся голову.

У строгалихи Авдотьи Тимониной недавно родилась седьмая по счету дочка, и каждый день несколько раз бабе приходилось бегать домой, кормить ее грудью. Делала она это украдкой, чтобы хозяин не заметил. Однажды Вавила пришел не в обычный час и, увидев, что Авдотья на месте нет, спросил:

— Куды убежала?

— Робенка малого кормить. Грудного...

— Мда-а-а, — неодобрительно протянул Вавила и стал ждать.

Авдотья вскоре явилась. Увидев хозяина, потупилась, покраснела и молча взялась за нож.

— Сколько раз домой бегаешь? — спросил Вавила.

— На минутку отлучилась...

— Врешь! По три раза на дню бегаешь! Знаю. Сказала бы мужу, чтоб сюда приносил робенка на кормежку! Мне каждая минута дорога!

— А что, своего ребенка не могу покормить? — вдруг взорвалась Авдотья. — Сдурел леший, от жадности-то!

О том, что Вавила был жаден, отлично знали все. Иной раз, ведя речь о его скупости, вспоминали случай с котом.

...Как-то выдался неудачный год: зверобойный промысел скуден, рыба ловилась плохо. Подтянули животы рыбацкие семьи. Вавила, хоть и не бедствовал, однако считал убытки от простоя салотопни да от пустопорожных рейсов парусников. Сидел у себя, щелкал крепкими пальцами на счетах. Костяшки крутились и стучали сердито и громко, на всю комнату. Взгляд Вавилы упал на кота, мирно дремавшего на лежанке. «Ишь, отъелся на моих-то харчах, словно соловейский монах! — с досадой подумал хозяин. — Разжирел! А какой прок от тебя? Мышей не ловишь, только в сенях по углам пачкаешь».

Наморщил лоб, подергал бороду и взялся за счеты. Подвел итог кошачьей жизни. Вышло — в год безработный котик за одно только мурлыканье съедал пищи на три червонца. Мыслимое ли дело?

Застонали под сапогами половицы. Ряхин взял кота за загривок и вынес вон. Выкинул на улицу, пригрозил:

— Чтоб и духу твоего не было!

Неведомо как узнала об этом вся деревня — было хохота. Какой-то сердобольный рыбак приютит ряхинского изгнанника. Попав в разряд бедноты, кот вспомнил природное ремесло: стал исправно ловить по амбарам и чуланам крыс и даже несколько не сбавил в теле...

Когда из светлого дверного проема темной несокрушимой глыбой надвигался хозяин, Родька невольно втягивал голову в плечи и нож в его руках ходил проворней. Не то чтобы парень боялся хозяина, нет. Однако чувствовал: пока не работал на заводешке, сидел дома, Вавила обращался с ним вроде бы на равных — ласково, добродушно. Но как только взял в руки клепик да надел фартук, гонял: весь до последнего волоса на голове теперь уже принадлежал Ряхину. Царь, бог и отец ему — Вавила.

Дедко Иероним частенько подходил к Родь-

ке, подсаживался на чурбан, закуривал коротенькую старую трубку, морщась, вытягивал больные ревматизмом ноги, подбадривал паренька добрым словом.

В цехе начали топить жир в чанах, и духота стояла теперь невыносимая. Строгали настужь открывали дверь. На улице потеплело. Весна оттесняла холод к северу, в просторы океана. Родька с тоской глядел в раскрытые двери — побегать бы с ребятами последние дни, покататься на лыжах, на санках. Но нельзя, надо заработать денег, помочь матери. Осенью Тишка пойдет в школу — ему надо справиться одежду, обувку. И Родька строгал и строгал шкуры, снимая пластами жестковатый тюлений жир худенькими, но крепкими руками, в которых огромный нож казался тесаком.

— Скажи, дедушко, — начинал он разговор с мастером, — почему все мужики сдают шкуры и сало Ряхину? Разве не могут сами обработать да в Архангельск свезти? Денег бы выручили, верно, куда больше!

— Так ведь у Ряхина то суда! На чем мужикам везти товар? На карбасе по весне в море не выйдешь! — Иероним долго молчал, тоненькой струйкой вилс дымок из трубки. — И не простое это дело — продать. У Ряхина в Архангельске связи, каждый купец ему знаком... А мужики у него все в долгу, дай бог семье прокормить. Куда денешься? Я вот тоже здорово потерял, где по силам дело найду? У него, Вавилы, больше негде.

Родион скинул с плахи шкуру, развернул новую, старательно ее расправил и, примериваясь ножом, сказал по-взрослому:

— Отец горбил на Вавилу — пропал. Теперь выходит, мой черед?

Дедко Иероним как-то неловко закашлялся, встал с чурбана. На плечо Родьки легла тяжелая теплая рука:

— Такая жизнь, брат Родион... Кто-то на кого-то должен горбить. Иначе есть станет нечего, — зазвучал ровный и сильный голос Вавилы. —

Ну, а если, скажем, меня бы не было, кому бы сдавали шкуры, тюлений жир, рыбу? В Архангельск везти — судно надобно, команда, расходы... И всей деревней, сложившись, судно-то не купить. Вот и выходит, если не я, так кто-то другой. Такая, брат, коммерция. Да...

Родька густо покраснел. Он не заметил, как появился хозяин. Дедко ступевался и отошел к чанам. Ряхин, наконец, снял с плеча паренька руку, грузно опустился на чурбак, где только что сидел мастер, бросил зоркий взгляд на Родькины руки:

— А ты, брат, поднаторел! Молодец. Люблю

работающих... И вот что я тебе скажу, Родион. Новая власть — хорошая власть. Мужичья. Наша, можно сказать, власть. Ведь и я, и ты — оба мужики. Только я постарше да поопытней. Все, что имею, горбом нажил. И новая власть нам торговать не запрещает. Без коммерческих людей и ей не устоять. Вот в губернской газете пишут про нэп. Новая экономическая политика значит. И этот нэп мне не запрещает иметь суда да везти в Архангельск сырье. Иначе там кожевенный завод станет. Государству — один убыток. Так-то. Мы с тобой, Родька, государственные дела вершим, — закончил Вавила, с видом превосходства посмотрев на паренька. Он знал, что от его слов в голове Родьки туман. Где ему разобраться в «государственных делах». Набравшись смелости, Родька все же возразил хозяину:

— У вас суда, завод, сетевязалка... а у меня одни руки. Мы с вами не равня!

— Эх-хе-хе, Родион! Маловат ты еще. Подростешь — и у тебя будет все... Не завидуй. Мне, брат, тоже жилось нелегко.

Строгали работали усердно, однако, видно было, прислушивались к ряхинской беседе, прятали усмешки, услышав Родькин ответ. Тишина нарушалась только ровным баском Вавилы да треском дров в печах под котлами.

В цех впрорхнула супруга хозяина Меланья, в розовом девичьем платье с оборками в три яруса, в бархатной на лисьем меху жакетке. Легкая на ногу, невысокая. Лицо тонкое, белое, напомаженное. Для кого румянилась и напомаживалась — неизвестно. Для мужа разве? Так он это не любил, частенько ворчал, видя, как Меланья «шпаклюет» лицо перед зеркалом. Перешагнув порог, поморщилась и поднесла к носу надушенный платочек.

— Вавила! — сказала тонким, капризным голосом. — Где ты? Иди домой. Кушать собрано. И пакет из города привезли.

Вавила нарочно помедлил, сохраняя степенность и мужское достоинство.

— Я тут. Сейчас разговор с рабочими завершу и явлюсь.

— Являйся скорее! — жена быстро юркнула в открытую дверь, словно белка.

Вавила поднялся с чурбана, одобрительно потрепал Родьку по плечу:

— Как лед сгонит, шхуна в Архангельск пойдет. Поведет Дорофей Киндяков. Просись к нему зуйком. Скажи — я согласен. Понял?

— Понял, — кивнул паренек.

2.

Дорофей Киндяков был старинным приятелем Родькина отца Елисея. Вместе хаживали они в молодости на Канинские реки за навагой, на прибрежный зверобойный промысел. Вместе росли, учились в церковноприходской школе, потом «молодцевали» и женились на задушевных подружках, однофамилицах Панькиных — Елисей на Парасковье, Дорофей на Ефросинье.

На досуге Родька любил бывать в доме Киндяковых. Дорофей принимал паренька ласково и дружески, говорил серьезно, словно и не было меж ними разницы в годах. И Ефросинья не отпускала Родьку без угощения, обедом ли, ужином накормит, чаем с баранками напоит.

Дорофею за сорок. Высокий, кряжистый мужик с рыжеватинкой в волосах и бороде, со светлыми стального оттенка глазами, он слыл

опытным мореходом и почти ежегодно плавал шкипером на ряхинских посудинах. Характером был крутоват и упрям, никогда не шел на сделку с совестью. Часто «поперечил» хозяину, но тот терпел, почитая «знание» и мужество опытного помора.

Как великую драгоценность хранил Киндяков у себя в доме «Поморскую лоцию» — рукописную книгу в деревянном, обтянутом кожей переплете с медными застежками. В ней старинным полууставом деда и прадеды аккуратно и старательно описали во всех подробностях поморские пути-дороги: на Канин Нос, на Кольский полуостров, остров Сосновец, Новую Землю, Грумант-Шпицберген, в Архангельск и Норвегу да на Мурман. Со скрупулезной точностью и обстоятельностью в «Лоции» указывались направления ветров, морских течений, опасные для судоходства места, фарватеры, стрежи, ориентиры при заходах в бухты, гавани, устья рек, время ледостава и ледохода, направления движения льдов в Белом море, населенные пункты и промысловые избы по берегам, места гибели имянных и безымянных мореходов и многое другое.

Дорофей иногда великодушно разрешал Родьке полистать эту знаменитую книгу. Паренек садился к окну, осторожно раскрывал «Лоцию» и старался разобрать слова, написанные в разное время, разными почерками:

«Канинский берег безлесной. Встречается там одна лишь сланка, зовется по-поморски «керой». Везде в тундре — безлюдье. Возле воды — щельи¹, цвета темно-серого. От р. Ки до Конушина мыса — утес глинистый, столь крут, что в иных местах высоты достигает 10 сажен...»

Река Несь. В отлив глубина до 5 футов, в прилив — 20 футов. Дно жидкое — песок да ил. Кошки течением часто переносит с места на место. Заходят в Несь с прибылой водой — накатом. Кораблям, осадка у коих до 14 футов, можно в Несь входить без опаски только в прибылую воду и выходить по прибылой же воде...»

Дочь Дорофея Густя — тоненькая, синеглазая, с льняной косой за спиной — подходила к Родьке на цыпочках, старалась заглянуть через его плечо в «Лоцию».

— Чего там написано? — спрашивала нетерпеливо, дыша ему в ухо.

— Все, — отвечал Родька.

— Что все? Расскажи!

— Все про дороги морские.

Такой ответ не удовлетворял Густю, и она заставляла парня читать. Родька, с трудом разбирая слова, читал ей первое попавшееся место.

— Ты, что ли, малограмотный? Все запинаешься! А еще училище кончил! — упрекала девочка.

— Дак тут написано по-старому. Теперь уж так не пишут.

— Как это по-старому? Пишут всегда одинаково.

— Нет, не одинаково. Есть нынешнее письмо, а есть и старинное, вроде церковного.

— Чудно! — удивлялась Густя. — Чем это от тебя пахнет? — она, морща нос, приноживалась.

— Чем! Не сено кошу, шкуру строгаю в заводе у Ряхина.

¹ Щелья (поморское) — высокий обрывистый берег.

— Какие шкуры, белька?

— Бывает и белек. Только на нем сала мало... все больше утельги да лысуны.

— А ты и сам похож на белька. Белек... белек... — поддразнивала девочка, развеселась.

— А ты утельга.

— Я утельга? — глаза Гуси округлились. — Какая же я утельга?

— А какой же я белек?

— У тя волосы белые. Потому и белек...

За ветхими страницами «Лоции», писанной гусиным пером, чернилами, приготовленными из сажи, Родька видел в своем воображении море, льды, волны. В ушах чудился шум прибоя, свист ветра в вантах.

Вырос Родька в поморском селе, а в море бывать еще не доводилось. Дальше устья Койны и не хаживал... Его неудержимо тянуло туда, в холодный морской простор, он воображал себя на зыбкой палубе парусника в парусиновой штормовке, в бахилах до пахов...

На просьбу Родьки Дорофей откликнулся сочувственно и даже с радостью:

— О чем речь! Конечно, возьму тебя зуйком!

Ему хотелось хоть чем-нибудь помочь семье Елисея. Нравилось, что парня с малых лет тянет в море. Ощупывая взглядом стройную, крепкую фигурку Родьки, он думал: «Вырастет — добрый будет мужик. Отцов характер, настойчивый, упрямый, уже теперь проглядывается».

— Ну, как тебе работается? — поинтересовался Дорофей.

— А ничего. Кажется, справляюсь, — ответил Родька.

— Хозяин, поди, торопит? Чтоб быстрее дело шло.

— Торопит, да мы не больно торопимся. Второпях можно и руки поранить...

— Верно, — согласился Дорофей и, будто раздумывая вслух, добавил: — Вавиле не вечно в Койне королем быть. Придет и ему конец. В Архангельске новая власть, слышно, всех заводчиков поперла. Лесопильные заводы государство берет под свою руку.

— Вавила говорил мне — «ты мужик и я мужик». Дескать, Советская власть — наша, мужицкая власть. Будем, говорит, с тобой вершить государственные дела. А как? Его шуна, а я зук. Ловко!

Дорофей в задумчивости запустил пальцы в бороду, сощурился:

— Ну, мужики-то вы действительно мужики, потому, что штаны носите, не сарафаны. То и роднит тебя с Ряхиним. А в остальном разница немалая. В том-то и разница, что мы с Ряхиним разных гильдий мужики. Он — богач, мы — голь перекатная. Бедняки, одним словом... Садись-ко к столу, чаю выпей, — предложил он, увидев, что жена собрала посуду, и прекратив неожиданно возникший разговор о таких вещах, о которых подростку знать вроде бы и не к чему.

3.

К концу апреля лед на Койне, неподвижно лежавший могучим пластом всю зиму, ожил, растеркался, и половодьем понесло его в море. Очищались от зимней шубы и другие реки Мезенской губы — Майда, Мегра, Ручьи, Кулой.

Юго-западный ветер — шелоник торопил по горлу Белого моря двинский лед. Севернее Моржовца, между Кольским берегом и Конушинским

мысом, льды беломорских рек перемешались и с ветрами и отливными течениями устремились на север, в океан. Навстречу им от норвежских фиордов, от Рыбачьего полуострова, мимо Святого Носа полосой стопятидесятикилометровой ширины шло могучее теплое течение Гольфстрима, родившееся у берегов Дальнего Запада, в Мексиканском заливе. Попав в теплые струи Гольфстрима, льды начали таять.

Поморы выходили на берег, как когда-то по веснам выбирались сюда их деды, долго смотрели вдаль, в серые, половодные просторы Койнского устья. Ветер наполнял легкие привычными запахами весны и моря, будоражил кровь, звал в ведомые и неведомые дали.

Зверобойное сырье на Ряхинском заводе обработано, затарено, подготовлено к отправке. Хозяйский амбар на берегу забит бочками, ящиками, тюками тюленых и нерпичьих шкур. На двери заводика Вавила повесил замок.

Дедко Иероним вышел на угор, опираясь на батожок, щурил глаза на вешнее солнышко, любовался полетом чаек. Вот одна задержалась над водой, часто-часто взмахивая крыльями, и вдруг ринулась к волне. Миг — и поднялась. Из клюва торчал рыбий хвост. Пролетела над водой, вернулась — хвост исчез. Снова нависла у самого берега.

— Ловко у нее получается. На лету ест и не подавится, — сказал Родька, пришедший на берег вместе с мастером.

— Да, уж добывать себе пропитанье чайки мастерицы! — восхищенно отозвался Иероним, переступив с ноги на ногу, выбирая место посуше. — Что, Родя, скоро в море?

— Шуна пойдет послезавтра, — сказал Родька с улыбкой, не скрывая радости.

— Хаживал и я зуйком-то, — начал Иероним. — Давай-ко сядем вон на то бревнышко, посидим... С отцом плавал. Он ча Мурман покручеником¹ ходил на паруснике. В Вайде-губе ловили треску ярусами². Тюки я отвивал, наживку очищал. Платили по пятаку за тюк. За день, бывало, отовью сорок тюков, заработаю, значит, два рубля. Капитал! А отец ходил весельщиком, так у него иной раз заработок и моего меньше.

А отвивать тюки нелегко было. В вешню-то пору холодно, руки сводит, спина стынет. Куда-нибудь за избушку от ветра прячешься...

Деньги-то заработанные берег, чтобы домой привезти в целости да сохранности. Чем жил? А тем, что у рыбаков выпрошу, — рыбой. Придут, бывало, с моря, кричат: «Держи, зук!» Кинут треску либо пикшу. Наваришь — и сыт.

Зук всем от мала до стара подчинялся, совсем был бесправной человек. — Иероним сокрушенно покачал головой. — Бывало, что не так сделаешь либо то, что спросят, скоро не подашь — льинком отдерут. И побаловаться не смей! А был я ведь в твоих годах — хочется поозоровать-то! Отец вступиться не смеет, хоть и рядом. Тоже боялся артели. Суровые были поморские правила в старину. В специальном «Устьянском правильнике» все записаны — того и придерживались. Теперь, правда, не знаю как, — давно в море не бывал. Ну, да ты, Родя, себя в обиду не давай. Только будь послушен да

¹ Покрут — работа по найму из доли добычи.

² Ярус — снасть для ловли трески на крючья с наживкой, мелкой рыбешкой — мойвой.

трудолюбив, а остальное приложится... Дорофей тебя любит, побережет. Однако, как говорится, на Дорофея надейся, да сам не плошай!

— Не оплошаю!

Родион смотрел в ту сторону, где устье Койны расширялось, выливалось в губу. Там, на рейде, вписываясь тонким силуэтом деревянного корпуса и рангоутом в сырое с голубинкой облачное небо, стояла на якоре ряхинская шхуна. С приливом она подойдет ближе к деревне. Грузить ее будут с карбасов. «То-то закипит завтра работа!» — думал Родька.

Рано утром на берегу собрался народ: кто поработать на погрузке шхуны, а кто просто так, поглазеть. Среди шапок-ушанок и картузов пестрели бабьи платки.

Вавила Ряхин настежь распахнул двери склада и сказал:

— Ну, братцы, с богом! За дело!

Мужики принялись выкатывать из амбара по наклонным доскам — слегам — к карбасам бочонки с тюленьим жиром, таскать тюки с просоленными, плотно уложенными шкурами.

Вавила суетился не меньше других — помогал выкатывать бочки, зорко следя при этом, чтобы грузы спускались по слегам осторожно, «на руках». На какое-то время он скрылся в амбаре, замешкался в дальнем углу, выволакивая груз. Григорий Хват, разбитной здоровущий рыжий мужик, озорно подмигнул товарищам и спустил бочку с самого верха.

— И-э-эх! Пошла, родимая!

Но он не рассчитал: у самого борта бочонек соскользнул со слег и плюхнулся в воду.

Анисим Родионов, идущий на шхуне за боцмана, заметил:

— Чего озоруешь, Гришка? Сам теперь и лезь в воду за бочонком.

Хват с притворной сокрушенностью почесал загривок огромной веснушчатой рукой и сказал виновато, хотя в глазах бегали озорные лихие чертики:

— Не рассчитал малость. Боком пошла. Ах, стerva косопузая!

Ряхин уже следил из дверей амбара:

— Кто бочонек в воду спровадил? — рявкнул он.

— Сам спровадился, — пробормотал Гришка и, разогнув голенища бахил, вошел в реку, легко взял трехпудовый груз и перевалил его через борт в карбас.

— Силу те девать некуда, Гришка! — ворчал хозяин. — А ежели бы рассыпались клепки?

— Клепки бы рассыпались — сало все равно бы не утонуло. Жир. Тюлений! Первой сорт! — лихо ответил Хват.

— А как я с тебя при расчете вычту за озорство?

— Не за что, Вавила. Вишь, бочка уложена, будто тут и была. Полюбуйся-ко.

Спустя полчаса первый карбас, грузно осевший в воду чуть ли не до верхней доски-обшивки, тронулся на веслах к фарватеру, где стояла шхуна. Там товары принимали на судно при помощи стрелы с ручной лебедкой, укладывали в трюм, найтовили на палубе. Груз на судне принимал Дорофей с частью команды.

Родька готовился в путь. Сборы невелики, много барахлашка моряк с собой не берет, а зук — тем более. Мать положила в отцовский старый мешок из нерпичьей кожи смену белья, две чистые рубахи из домотканой пестрядины.

пару шерстяных носков белой овечьей шерсти, а из харчей — шанег-сметанников, ржаных сухарей, сахару да соли.

Родька вынул из мешка узелок с сахаром:

— Оставьте себе, мне там дадут. Не клади, мама! Все равно не возьму!

Мать села на лавку, на глаза навернулись слезы, но она опасалась утирать их, боясь рассердить сына. Сквозь туман на ресницах поглядела на узелок:

— Как же ты там, Родионушко, без сахару-то? Ведь сладкое любишь.

— Тишка любит больше меня. Пусть ему останется.

— Ты уж смотри там, сынок, слушайся мужиков-то, не гневи их понапрасну. Старайся, чтоб тобой все были довольны. Сам Вавила, бают, в рейс пойдет...

— Не беспокойся, не маленький.

— Дай бог тебе удачи да счастья.

В избу вбежал запыхавшийся брат. Сапожки мокры, картузишко ломаным козырьком на сторону. Шмыгнул носом, ловко прошелся под ним рукавом и сказал, возбужденно блестя глазами:

— Четвертой карбас отчалил. Пятой начали грузить. Тебе, Родька, пора.

— Ну, с богом, Родионушка! — сказала Парасковья.

Тишка, прощаясь, сдержанно, как мужик, сунул Родьке холодную в трещинках и цыпках руку. Родион наказал:

— Ты тут не озоруй. Мать слушайся!

Тишка глянул на брата исподлобья:

— Когда я озоровал-то!

...Дожила Парасковья до проводов в море сына.

Долго стояла она на берегу. Все уже разошлись, а она все смотрела вдаль, где на волнах чуть покачивалось судно Шептала: «Счастливо тебе, сынок! Добрый тебе поветер!»

4.

Поветерь! Это старинное поморское слово будило в рыбацкой душе надежду на благополучное плавание и удачу в промысле. Поветерь — по ветру, попутный ветер. В старые годы, когда еще на лодьях были прямые паруса, поветерь была особенно желанна и ценима поморами. Теперь на шхуне хорошая оснастка, а койничане умели маневрировать парусами, могли ходить любым галсом. И все же поветерь неизменно ускоряла ход судна и облегчала управление им.

«Поветерь» — название шхуны Ряхина. Прежний судовладелец, когда шхуна сошла со ступеней, окрестил ее «Святая Анна». Вавила перекрасил корпус, приказал малярам написать славянскую вязью новое имя. Ничто не напоминало больше ему о прежнем хозяине, о его печальной участи разорившегося купца.

Строилась шхуна по заказу на Соломбальской верфи в Архангельске. И хоть корабельи немало взяли денег, сработали ее на диво — легкую, прочную, изящную. Вавила так полюбил судно, что первое время, как приобрел его, жил в каюте, редко съезжая на берег...

Разные дуют ветры в Белом море, но господствуют норд-ост и норд-вест. Самый опасный ветер северо-восточный. Он часто приносит туманы, стоящие по несколько суток плотной стеной от Зимних гор к Терскому берегу.

В эту пору дул зюйд-вест, юго-западный

ветер. Направление его почти совпадало с курсом шхуны, и была ей при выходе из дому полая поветерь. Но ненадолго. От Воронова мыса шхуна должна будет круто повернуть на юго-запад, и тогда ветер станет встречным, если не переменится.

«Поветерь» — косая, или гафельная, шхуна, имела довольно несложную оснастку: на фок- и грот-мачтах, поставленных с наклоном к корме, крепилось по два паруса — косому гроту внизу и топселю наверху. На бушприте — кливер и два стакселя. Команда в восемь человек, включая шкипера, который именовался у Ряхина капитаном, свободно управлялась с парусами в любую погоду.

Камбуз находился в корме, рядом с ним — кладовая для провианта. На камбузе — плита, большие луженые кастрюли, сковороды, обеденные миски, чайники и другая утварь. Все уложено на полках с высокими закраинами, чтобы посуда не падала во время шторма, развешено на вбитых в стены гвоздях.

Вечером, когда команда съехала на берег попрощаться с родными, Родька остался на шхуне за кока и вахтенного. Он осмотрел свое хозяйство, разложил на столе продукты, выданные Анисимом, и принялся за работу. Замочил треску, достал из мешка комочек дрожжей, которыми снабдила его мать, и стал припоминать, что прежде класть в воду — дрожжи или муку? Вспомнил наставления родительницы, дрожжи распустил в кружке с водой и влил их в растворенную квашню. Накрыв ее куском холстины.

Не спеша перемыл в горячей воде всю посуду, обтер везде пыль и спустился в кубрик. В иллюминаторы пробивался слабый свет белой ночи. На койках в изголовье — мешки с матросскими пожитками. Над столом на проволоке подвешен фонарь. Койка зуйка была внизу, у самой двери. Родька пощупал ее, взбил тощую подушку, лег, заложив руки за голову. Хорошо, спокойно...

Он даже улыбнулся, потянулся всем телом и закрыл глаза. Но спать не полагалось. Зуек встал, заметил, что пол в кубрике грязен. Принес воды, вымыл его, выскоблил ножом столешницу.

Шхуна чуть-чуть покачивалась на неширокой волне. Якорная цепь резала воду, и она, тихо-тихо струясь, побулькивала. Родька заглянул в рубку, рассмотрел штурвал, компас, столик с какими-то бумагами, видимо, картами. Вышел на бак, поглядел вперед. Открылось широкое устье Койны. На ней лениво плескались ночные волны. Вдали слева виднелся мыс Наволок, справа — узкая полоса материкового обрыва с белой лентой снегов, которые удерживались там, на северной стороне, все лето. Дальше — простор Мезенской губы. Там все сливалось: и серое полуночное небо, и такая же серая водная рябь. Казалось, впереди все заволочено туманом.

На южной стороне — силуэты изб, колокольня в деревне.

На фок-мачте на железном кронштейне висел небольшой латунный колокол — рында. Родька легонько качнул язык. Колокол отозвался негромким, мелодичным звоном. Медь долго гудела и, наконец, утихомирилась. Родька закрепил конец веревки за гвоздь, вбитый в мачту.

Став у фальшборта, Родька упер руки в бока и глянул на мачты, на свернутые паруса. Вот бы

сейчас распустить их, выбрать якорь, кинуться в рубку, к штурвалу!

Справился бы один со шхуной? Нет, вряд ли... И куда бы поплыл?

Однако пора на камбуз. Родька заглянул в миску с тестом. В ней начали подниматься легкие пузырьки. Видно, мать дала хорошие дрожжи.

За оконцем камбуза полыхнуло пламенем, и все помещение залило розовым светом, будто на палубе случился пожар. Родька заглянул в оконце и едва сдержал радостный возглас: из вод всплыло, пока еще только краешком, солнце. Облака над ним зарделись, как раскаленные уголья.

Вот и утро. Он выбежал на палубу, увидел проснувшихся чаек, которые резали крыльями упругий прохладный воздух и кричали пронзительно и визгливо.

Скоро придет на шхуну команда. Родька спешно развел огонь в плите, вычистил рыбу, порезал на кусочки. Налил на сковороду постного масла и стал жарить.

Управившись с рыбой, принялся печь оладьи.

Он так увлекся работой, что не заметил, как к шхуне подошла шлюпка и команда поднялась на борт. На камбуз заглянул Дорофей, рывкнул неожиданно:

— Эй, горит!

Родька чуть не выронил из рук сковороду:

— Напужал, дядя Дорофей! Так можно и заикой сделать.

— Ничего. Привыкай! — Дорофей блеснул белозубой улыбкой. — Завтрак у тебя, я вижу, готов! Молодец! По-нашему, по-морскому как он называется?

— Первая выть.

— Верно!

— А обед — вторая выть...

— То-то! Ну, старайся. Мужики так прощались дома, что приехали голодные. Скоро есть запросят.

— А у меня уж все готово.

Из-за спины Дорофея выставилась полупьяная физиономия Вавилы. Тряхнул бородой, похвалил:

— Хорош у нас зук!

Анисим Родионов пришел пробовать пищу. Отведал рыбы, пожевал оладью:

— Для первого разу добро. Только рыба плохо вымокла.

— Времени было мало. Дома мать сутки мочит, — ответил зук.

— Потом мочи дольше.

— Есть! — весело отозвался зук.

Мужики, слегка подгулявшие дома, почти не заметили, что треска солона: уписывали за обе щеки завтрак, похваливали. В кубрике было шумно, весело.

Вавиле Ряхину Родька подавал завтрак отдельно, в каюту. Хозяин сидел в кресле, привинченном к палубе, и уже плохо видел, что перед ним лежит на столе. Тыкал вилкой мимо рыбы, морщился, кряхтел. Перед ним — бутылка с водкой, оловянная чарка. Родька принес чай. Вавила попросил:

— И-налей ч-чаю да положь сахара. У меня руки плохо гнутся! — и захохотал, раскатисто, громко, по-лешачьи.

Потом подмигнул:

— Из-под жениной юбки удрал. Маленько гульнул... Ты тово... помалкивай. Понял?

— Понял. Что еще принести?

— Ничего. Ступай. Спать буду.

Глаза у Родьки слипались от усталости. Прежде чем прикорнуть на койке, надо было все прибрать, помыть посуду и подумать, что готовить на обед.

К рубке уверенно, тяжело ставя ногу, прошел Дорофей. Над шхунной взметнулись и расправились паруса на ветру, посвежевшем с рассветом.

«Поветерь» отправилась в первый в этом году рейс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1.

На третьи сутки шхуна, миновав остров Мудьюг, вошла в устье Двины. Еще за Мудьюгом Ряхин распорядился прикрыть брезентом бочки, находившиеся на палубе. Внезапно посуровевший, трезвый и озабоченный, Вавила стал у штурвала, отослав Дорофея на отдых.

Заметив, как внешне изменился Вавила, команда пыталась объяснить это по-своему:

— Боится на мель сесть. Сам стал у руля.

— Зачем бочки закрыл? Раньше не закрывали!

— Будто ворованное везет...

Дорофей, пошевеливая густыми бровями, в раздумье произнес:

— Судя по всему, товар будет сбывать тайком. Видно, боится властей.

Родька, лежа на койке, прислушивался к разговорам.

«Тайком?» — этого он еще не знал, даже озноб прошел по коже.

Вавила, привычно поворачивая штурвальное

колесо, поглядывал на фарватер, на бакены и береговые очертания и думал невеселую думу.

Архангельский перекупщик зверобойного товара коммерсант Кологривов еще в марте писал ему, что кожевенный завод, принадлежавший купцу, Советская власть национализировала. Однако через верных людей можно сбывать товар для переработки, минуя строгий контроль. Поэтому Кологривов советовал Ряхину, придя в Архангельск, не бросать якорь в центре, у Красной пристани, а пройти вверх по Двине, миновать город и стать в версте от двинского пригородного села Уймы. Туда в назначенный час придут люди Кологривова на карбасах и заберут товар. Перекупщик определил место и время встречи с Ряхиным в городе для расчета наличными деньгами. С революцией и установлением новых порядков счет Ряхина в банке «прогорел», аннулировался, и Вавила жил теперь тем, что успел припрятать.

«Все перевернулось вверх дном! — думал Вавила. — Свое, собственное, горбом нажитое сбывать приходится украдкой. О рейсе в Нор-

вегию и думать нечего! Слышно, что даже государственные торговые суда за границу выходят только с разрешения властей. Мне же путь туда заказан... Хотя, впрочем, кто его знает...»

Голову сверлило недоброе предчувствие: «Не накрыли бы таможенники при входе в порт. Как бы проскочить незаметно?»

Но не проскочишь портовой надзор: ночи белые, паруса за версту видать. Да и делать таможенникам в порту почти нечего: лесопильные заводы еще только начинали дымить трубами, пиломатериалов еще не выработали, иностранные суда за лесом приходят редко. Вместо них таможня контролировала каждый парусник, появившийся у мыса Пур-Наволоок.

Так и вышло: у Соломбалы к борту шхуны подвалил таможенный катерок. Ряхин, передав штурвал Дорофею, приказал спустить паруса, стать на якорь. Зазвенела цепь, якорь плюхнулся в воду. С катера подали чалку, и по штурману на борт шхуны поднялись двое: пожилой, с усамы щеточкой, востроглазый досмотрщик и другой — помоложе, с трубкой в зубах. Оба в морской форме. У молодого мичманка надета лихо, набекрень.

Ряхин снял картуз.

— Чье судно? — спросил старший.

— Из Койны. Рыбацкая шхуна, — ответил Ряхин.

— Хозяин кто?

— Я... Ряхин.

— А-а-а! — протянул таможенник. — Слышал

Ряхина. Груз?

Вавила показал на бочки под брезентом.

— Весь тут. Тюльжир.

— А в трюме?

— И в трюме маленько...

— Тоже жир?

— Шкуры.

— Кому привез?

— Кожевенному заводу.

— Разрешение от сельского Совета имеется на продажу?

— Нету. Не знал, что надобно. В прежние времена ходили без всякого разрешения.

— Так то в прежние! — сурово оборвал его таможенник. — Нынче требуется документ.

— Так я ведь без утайки, господин товарищ, — льстиво заговорил Вавила. — Сдам товар государству — и домой. Не пропадать же ему!

Таможенники приказали скинуть брезент, пересчитали бочки, пошарили в трюме, записали, сколько чего имеется на судне, и дали Вавиле расписаться.

— На завод, говоришь? — строго спросил на прощанье пожилой таможенник. — Ладно. Проверим. Заводу сырье очень нужно. Как раз на простое находится. Ну-ну, плавай пока...

Катерок отчалил. Забурлила вода под винтом за кормой. Ряхин зашел в каюту, сел у столика, обхватил голову руками и погрузился в раздумье. Из головы не выходили последние слова таможенника: «Ну-ну, плавай пока...» «К чему это он так сказал: «пока...»? К сердцу прокрался холодок.

Но долго думать не приходилось. Позвал к себе капитана и боцмана — артельного старосту, и, когда Дорофей и Анисим явились, сказал:

— Вот что, братцы! Дело со сбытом товара у меня срывается. Таможенники пересчитали все и грозились проверить — в целости ли сдам заво-

ду. А платит он мало. Цены на шкуры и тюлений жир низкие. Из выручки даже рейса не оправдать... А ведь команде расчет надлежит выдать, да такой, чтобы мужиков не обидеть.

Вавила умолк, пылливо посмотрел на помощников. Те молчали, еще не ведая, куда клонит хозяин.

— Верный человек обещал мне заплатить за товар втрое дороже против государственной цены, — понизил голос Вавила.

— Так ведь таможне количество тюков и бочек теперь известно, — сказал Дорофей. — Не сдашь — неприятностей не оберешься.

— Известно по числу тюков. А если каждый тюк разделить надвое да упаковать снова? Ведь вес им неведом!

— Влопаемся в историю, — возражал Дорофей. — И согласятся ли мужики на такое дело? Всю ночь придется работать...

— Им не обязательно знать — зачем. Скажу, что так принимает завод — малыми тюками. Иначе, мол, не примут...

— К чему этот обман? — не сдавался Дорофей.

— Вы тут ни при чем. За все беру ответ на себя. В конце концов кто хозяин? — вспылил Вавила.

Дорофей умолк, Анисим обеспокоенно поглядывал то на него, то на Ряхина.

— Команде за этот рейс обещаю двойную плату, — сказал Вавила уже мягче.

Анисим оказался более податливым:

— Чего кобениться, Дорофей? Вавила Дмитрич говорит дело. Ему желательно за товар получить подороже. И товар-то, ежели разобраться, ведь и наш. Не мы ли на стуже, на льду тюлений били, да еще и Елисея потеряли?.. Ни к чему нам с тобой ломаться. Двойная плата команде — разве плохо?

Дорофей в душе был против сделки со своей совестью. Но и другое вызывало у него сомнения: не пойдешь на сговор с Вавилой — обидит команду при расчете. И так у него лишнюю копейку не выжмешь, а тут и вовсе заартачится, скажет, что мало получил денег с завода. И тогда команда будет считать виновником убытка его, Дорофея... Он махнул рукой и сказал:

— Делай, как знаешь.

— Давно бы так! — Вавила поднялся. — Снимемся с якоря и тихонько пройдем мимо пристани за город. Там около ночи все и уладим.

2.

Вечером на шхуне подняли паруса, и при боковом ветре она тихонько скользнула вверх по реке.

Родька вышел на палубу. Слева по борту, залитый теплым светом предзакатных лучей, проплывал город. Миновали Немецкую слободу с аккуратными двухэтажными особняками и киркой. У Воскресенского ковша, возле Красной пристани стояли большие и малые парусники. У причала швартовались паровые суденышки. В вечернем небе таяли грязноватые дымы. Неказистые с виду колесные пароходики — «макарки»¹ с тентами-навесами ходко бежали вверх и вниз по реке, перевоза пассажиров.

¹ По имени бывшего судовладельца, купца Макарова, флот которого в первые годы Советской власти был национализирован.

Родька глядел во все глаза на невиданный большой город, который раньше называли губернским, и где, как ему рассказывали, трижды бывал царь Петр Первый. Впрочем, и теперь Архангельск — центр обширного Беломорского края, только вместо губернатора в нем управляет всем, как слышал Родька, таинственный для него губисполком. Зук спросил у Анисима:

— А где губисполком? В какой избе?

Анисим расхохотался, его благообразное лицо оживилось:

— Тут не избы, а дома. Вот уж не могу тебе сказать, где. Наверно, в самом большом доме, где прежде правил губернатор.

Серовато-молочными размывами заволакивала реку белая ночь. Вавила, неподвижно стоявший на баке, поспешно сунулся в рубку. «Поветерь» круто повернула вправо, к мало заметному песчаному островку с ивняком. Дорофей крикнул:

— Спустить паруса!

Мужики забегали по палубе. Паруса обвисли, свернулись, и не успел Родион опомниться, забрякала якорная цепь. Шхуна замерла. О борта пастились мелкие волны. Вавила вышел из рубки, бросил отрывисто:

— Зук! Команде ужинать! Быстро!

Во время ужина Вавила пришел в кубрик и сказал матросам, что придется поработать в трюме, распаковать и разделить тюки. Как — покажет сам. Велел взять фонари.

— Работать всем. На палубе останется только Дорофей да зуек.

— Что за аврал? — заговорили мужики, когда хозяин ушел. — Чего ему вздумалось делить тюки?

— Связаны добро, для чего ворошить?

— Надо, чтобы тюки были небольшие — сподручнее для перевозки и выгрузки, — заметил Анисим.

Он словно бы чего-то не договорил.

Распаковывать тяжелые тюки с сырыми, свернутыми наподобие больших кулебяк шкурами оказалось делом нелегким и кропотливым. Команда долго возилась в тесном трюме, слабо освещенном керосиновыми фонарями. Матросы приметили, что хозяин делил тюки не поровну: в одной части больше шкур, в другой меньше.

Наконец, тюки перевернули. Но этим дело не кончилось. Упаковки поувесистей Вавила распорядился поднять на палубу. Он часто поглядывал на часы: видно, кого-то ждал.

Едва успели поднять шкуры, как на реке показался карбас в две пары весел. Он ходко приближался к шхуне.

На карбасе трижды стукнули деревяшкой о борт. Вавила ответил негромким ударом рынды.

Матросы молча стояли у фальшборта, наблюдая за приближающейся посудиною. Она подошла к борту. Анисим поймал чалку и захлестнул петлю за кнехту. Спустили веревочный трап, и по нему поднялся невысокий человек в картузе, ватнике и грязных сапогах.

— Здорово, Никодим Евсеич! — приветствовал его хозяин.

— С прибытием, Вавила Дмитрич! Все ли благополучно?

— Слава богу. Идем-ка в каюту, — хозяин пропустил гостя вперед.

Родька видел, как подошел карбас, и, выглядывая в раскрытую дверь камбуза, следил, что будет дальше. Поведение хозяина казалось ему подозрительным. Однако команда молчала, Дорофей не показывал признаков беспокойства, разве только хмурился больше обычного. «Тайком», — вспомнил Родька, весь похолодел, и его потянуло неудержимо к каюте Ряхина.

Иллюминатор в каюте был приоткрыт, и Родька затаился, ловя каждый звук.

— ...ты прав, Вавила Дмитрич, — негромко говорил гость Ряхина. — Все может быть. Устойчивости нет... Ну!..

Тихо звякнули бокалы, некоторое время Родион ничего не слышал, потом донесся приглушенный бас.

— В Норвегу надо идти! Совсем! К чертовой матери!

— Не горячись, — сказал незнакомец. — О таких делах вслух не болтают..

За стеной каюты послышались шаги, и кто-то плотно прикрыл иллюминатор, задернул шторку.

Родька был ни жив, ни мертв. Неужели его заметили? Сейчас нагрянет сюда Ряхин — и быть беде. Парень, не переводя дыхания, тихо, как тень, двинулся от каюты хозяина и только на камбузе пришел в себя.

Тускло светился повешенный на гвоздь начищенный медный ковш, стыла безмолвная печка. Слышалось, как шаркали по палубе сапоги и шуршали тюки, перегружаемые молчаливыми поморами со шхуны в карбас.

Родька вышел из камбуза, подошел к борту. Два дюжих мужика принимали тюки и устраивали их на карбасе. Лица их в сумраке Родьке разглядеть не удалось.

Хозяин и гость вышли из каюты. И как только нагруженный карбас отчалил, на смену ему подошел другой. Нагрузили и этот. Гость пожал руку хозяину, что-то шепнул на ухо, Вавила кивнул, и перекупщик исчез со своими карбасами, будто и не был.

В голове у Родьки роем несли мысли: «Тайком... Как воры?.. И все молчат, как сговорились. Или так это и надо?.. А Норвегия? Это же чужое государство. А Ряхин хочет идти туда, идти совсем... Но может, болтает, выпил и болтает... Тогда почему иллюминатор прикрыли?»

Через полчаса шхуна вернулась в город, бросила якорь неподалеку от пристани, чтобы утром стать под разгрузку.

Поутру, хозяйничая на камбузе, Родька увидел на палубе Дорофея и подошел к нему. Киндяков стоял у фальшборта, поеживаясь от утренней сырой свежести, и позевывал. Зук позвал:

— Дядя Дорофей!

— А? — сонно отозвался кормщик.

— Ведь тюки привезены, я слышал, заводу, — заговорил Родька. — Зачем Вавила их делил да тайком отправлял?

Дорофей ответил равнодушно:

— Откуда мне знать?

— Ты ведь капитан.

Дорофей помолчал, расправил усы:

— Мое дело вести судно. Остальное — дело хозяина. Шхуна его и груз тоже. Иди-ко на камбуз. Пригорит там у тебя.

«Хитрят», — решил Родька.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Пионерии — 50 лет

ПИОНЕРЫ

Газета «Правда» 17 июля 1934 года в статье «Отцы и дети» писала: «Встретились они в Свердловске 7 июля. Отцы и дети. Два слета. Отцы — знатные люди Пермской железной дороги, от вчерашних фабзайчат до седых дедов, десятилетия работающих на транспорте, — прибыли на свой слет лучших ударников дороги. Слет этот интересен, хотя и обычен...

А дети? Их слет — детей железнодорожников Пермской — далеко необычен. Впервые в Советском Союзе и, естественно, впервые в мире такой слет. Впервые...»

Что же предшествовало детскому слету? Телеграмма героев-челюскинцев. Она была принята в Свердловске 14 июня из Иркутска. В ней говорилось: «Славные ребята. Мы вас еще не знаем. Вы нас уже изучили. Очень хорошо. Будем друзьями. Мы недавно пришли в авиацию. Овладев техникой, выполнили задание партии и правительства — спасли челюскинцев. Будьте

достойной сменой нам, старым комсомольцам. Комсомольцы, Герои Советского Союза Коля Каманин, Толя Ляпидевский».

Пионерская областная газета «Всходы коммуны» напечатала эту «молнию-телеграмму». В пионерских отрядах, комсомольских ячейках города шел большой разговор: какими подарками встретить героев?

Но еще 22 июня 1933 года сначала газета железнодорожников «Путевка», а затем и другие уральские газеты рассказали о подвиге пионера Ростика Сизова. Он первым и рапортовал Н. Каманину и А. Ляпидевскому.

...На окраине поселка, около железнодорожного полотна, играли ребята. Играли в «войну». Один из них, Ростик Сизов, спасаясь от «врага», прыгнул на рельсы, и вдруг обнаружил, что рельс разорван. А скоро должен пройти поезд.

— Надо остановить его! — решил пионер и кинулся домой за фонарем.

— Мам! Мам! Рельс разломан, а поезд идет. Где папин фонарь? — кричал он, вбегая в темную комнату. Мать его, Пелагея Дмитриевна, была больна. Но она помогла найти фонарь. Ростик схватил спички, кипу газет и кинулся обратно к сломанному рельсу. Стал зажигать фонарь, но он потух, — не было керосина. А состав приближался. Его грохот нарастал с каждой секундой. Что делать?

Бросив фонарь, Ростик поджег газеты. Огонь лизал пальцы, но мальчик настойчиво размахивал газетным факелом над головой. Кажется, состав не сбавляет хода, страшный грохот бьет в уши... Падая, Ростик продолжал махать факелом. Машинист заметил сигнал и остановил поезд в пятнадцати метрах от смельчака.

Вскоре пришел приказ наркома путей сообщения о награждении героя-пионера денежной премией и фотоаппаратом.

Но вернемся к слету, о котором писала «Правда».

Три дня проходил он в Свердловске. Героем его оказался не один Ростислав Сизов. Вот на трибуне пионер Шура Богомолов. Жил он на одном из полустанков дороги Свердловск — Полевское вместе с дедом, старым железнодорожником. Шура рассказал участникам слета:

— Шел я в школу, в марте это было. Смотрю, на пути лопнувший рельс. Я сразу бежать к деду. Он у меня путевой сторож. Взяли сигнал и обратно бежим. Дед к лопнувшему рельсу, а я — на станцию, чтоб задержать 112-й.

До станции добежать не успел, состав уже навстречу шел. Дедушка сигналил, поезд идет. Что делать? И я прыгнул на ходу на первую под-

ножку. Меня отшибло. Я снова прыгнул, сумел уцепиться за другую подножку. Главный оказался недалеко. Он распорядился остановить поезд. До лопнувшего рельса мы не доехали совсем немного...

Много интересного рассказали и другие ребята: Павлик Валуев, Степа Игонин, Володя Бобыкин, Шура Каспер, Вася Трофимов. Им всем было по 10—12 лет.

Потом пионерам показали город. Побывали они в музеях, зоопарке, театрах, кино. Встречались со старыми большевиками.

11 июля газета «Путевка» опубликовала решение Центрального бюро юных пионеров при ЦК ВЛКСМ, где в числе 200 лучших пионеров Советского Союза, премированных путевками в Артек, были названы девять юных железнодорожников Свердловской области. Это Шура Катаев, Коля Черных, Вася Бельтюков, Алеша Микулин, Геня Никонов, Алеша Роднин, Ростислав Сизов, Сергей Игнатович, Катя Козлова...

Следопытам следует заинтересоваться судьбой этих пионеров. Они были в числе тех, кто восемнадцатилетними вступили в бой за Родину против фашистских захватчиков.

О Ростиславе Сизове мне рассказали: война застала младшего лейтенанта Сизова на пограничном аэродроме. Более сотни вылетов на его боевом счету. За мужество и героизм он награжден орденами и медалями. После Великой Отечественной войны Ростислав Сергеевич Сизов был летчиком-испытателем.

А. КОРОВИН

Фото Н. Медведевой

ДЕТИ РАБОЧИХ

Следопыты клуба «Орленок» Челябинского Дворца пионеров собрали много интересных документов, рассказывающих о том, как зарождалось в их городе пионерское движение.

Первые пионерские звенья появились в Железнодорожном районе. Вот что рассказывает об этом член ВЛКСМ с 1922 года Александр Андреевич Малоземов.

— Местом организации пионерских отрядов была оркестровая комната клуба им. В. И. Ленина. В комнате стоял рояль, два дивана и несколько стульев. Она вначале служила местом сбора комсомольцев, а затем и пионеров. Постоянным музыкантом у нас был Валя Постный. Киселеву Борису, Петрову Василию и мне Железнодорожный райком комсомола дал поручение: приступить

к организации детских пионерских дружин. В моей жизни это было первое комсомольское поручение. Выполняя его, я часто вынужден был ночевать на диване в клубе, так как жил я в каменных карьерах за Колупаевкой и в ночное время домой ходить было небезопасно.

Вскоре первому пионерскому отряду Железнодорожного района вручили знамя. «У меня, — вспоминает Александр Андреевич, — вечно останется в памяти тот осенний вечер, когда на сцене клуба имени В. И. Ленина от райкома комсомола я принял первое знамя юных пионеров Челябинска. Оно не походило на современные пионерские знамена. Знамя было не шелковое, без бахромы, без позолоченных эмблем и пионерского призыва. Из простого красного ситца. На его фоне выде-

лялись атласные полосы. Но это знамя было дорого нам. Оно служило символом организации детей трудящихся на выполнение революционных традиций отцов».

В начале 1923 ЦК РКСМ прислал в Челябинск тексты торжественного обещания и законов юных пионеров. Вот они:

Законы юных пионеров

1. Пионер верен рабочему классу и коммунизму.
2. Пионер — друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу.
3. Пионер честен и правдив. Его слово как гранит.
4. Пионер дисциплинирован.
5. Пионер ежедневно помогает трудовым собратьям в строительстве коммунистического общества.
6. Пионер трудолюбив и уважает полезный труд.
7. Пионер чист в мыслях, словах и на деле.

Торжественное обещание юных пионеров

«Честным словом обещаю, что буду верен рабочему классу, буду ежедневно помогать своим трудом братьям, знаю законы пионеров и буду им повиноваться».

Железный закон юных пионеров

«Буду стремиться всегда, везде, где возможно, получить знания для того, чтобы употребить их на пользу трудящихся».

Вот интересная выписка из отчета о работе Челябинского губкома комсомола за май 1923 года.

«...Детское движение начинает сильно развешиваться. В некоторых местах принимает массовый характер. В Железнодорожном райкоме комсомола г. Челябинска разрослось до 250 человек и имеется еще около 100 заявлений о желании вступить в юные пионеры... Есть надежда, что движение юных пионеров примет повсеместный массовый характер».

Ученик модельщика завода имени Колущенко комсомолец Толя Розепин руководил вторым

СЛЕДОПЫТЫ

лотосных песков с успехом провел отряд Платошинской средней школы Пермского района, которым руководила заслуженная учительница РСФСР Нина Николаевна Еремеева.

За двадцать дней следопыты прошли и исследовали от истока до устья лесную речку, в разных местах отобрали илихи — промытый и просеянный песок — и доставили их в лабораторию геологической экспедиции. За эту работу Центральный Комитет комсомола наградил юных геологов Почетной грамотой.

Всего в геологическом походе 1971 года участвовало две тысячи семьсот юных рудознатцев.

Как-то раз на занятиях руководитель кружка любителей природы пионерского лагеря «Голубой патруль» Юрий Константинович Ельшин рассказал ребятам о том, какой вред наносят браконьеры рыбному хозяйству Камы. Да пионеры и сами не раз были свидетелями набегов хапуг на угожья Охотничьего острова, находившегося недалеко от Перми.

— А почему бы нам не организовать службу охраны острова? — предложили они и объявили Охотничий остров заповедным местом.

Не по душе пришла пионерская служба браконьерам. Особенно после того, как при патрульном объезде острова ребята сняли новехонькую капроновую сеть. Весть об этом мигом облетела поселок Частые. Хозяин сети, боясь ответственности, так и не объявился. И из «бесхозного иму-

Давняя дружба связывает юных геологов Прикамья с вишерскими геологами. Опыт показал, что ребятам можно доверять серьезные дела. Например, проверку заявок на открытие зо-

звеном Железнодорожного района. Он был немного старше своих питомцев, да и знал чуть больше их. Вместе они учились, сами обучали грамоте взрослых, выявляли беспризорных, участвовали в субботниках по благоустройству города и очистке цехов от мусора, собирали металлолом и макулатуру, разучивали революционные песни, ходили в туристские походы, участвовали в карнавалах.

А. М. Розепин пишет: «В апреле 1923 года в течение 2-х дней было подано 60 заявлений и вместо одного отряда стало два. Руководителем первого был назначен я, а второго — мой друг Денисов Володя. Когда был создан актив, наша дружина стала носить имя Спартака. Ребята сами организовали пионерский лагерь на колесах. Наша первая остановка была на станции Курган. Мы прошли по городу, это был наш агитационный поход».

Газета «Советская правда» от 28 июля 1923 года сообщала: «Челябинские пионеры уже доказали свою пользу, показав свои знания и организованность на празднике спорта, на манифестациях, на юбилее железнодорожной ячейки. Рабочие не могли нарадоваться на своих детей — пионеров и теперь гордятся ими. Деревня должна

последовать примеру города и свободное время детей употреблять на полезное дело».

В 1920 году число жителей в Челябинске от 14 до 50 лет составляло 57476 человек, из них неграмотных было 24485 — почти половина населения города. Пионеры помогали комсомольцам создавать группы ликбеза.

Так было по всей стране. В рапорте Всесоюзной Ленинской пионерской организации XVI съезду партии, проходившему в 1930 году, говорилось: «Мы обучили грамоте свыше 1 миллиона неграмотных...»

В мае 1925 года в Челябинске начала выходить еженедельная газета «Пионерский горн». Она рассказывала об учебе ребят, интернациональном воспитании, антирелигиозной пропаганде и общественно полезном труде юных пионеров. Газету распространяли сами пионеры. А через девять лет в Челябинске стала издаваться областная пионерская газета «Ленинские искры».

В 1928 году в Москве проходил I Всесоюзный пионерский слет. Лучших ребят послала в столицу и челябинская окружная пионерская организация.

А. ВЕДЯКОВА

ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

щества» соорудили отличную волейбольную сетку.

— Эге, — почесали затылки любители легкой добычи, — эту босоногую команду не перехитришь... Придется подождать, пока не надоеет пацанам играть в робинзонов да водить дружбу с рыбоохраной.

Напрасные ожидания! Ребята, которым доверено важное дело, не собираются бросать шефство над рыбным хозяйством Камы.

Теперь ежегодно с приходом лета будет здесь взвизгивать на флажке голубое полотнище бдительных дозорных.

К путешествию в верховья уральской реки Сылвы члены биологического кружка 114-й школы Перми готовились самым тщательным образом. Во-первых, потому, что из школьников они были первопроходцами этого туристского маршрута, пролегающего в безлюдной таежной глухомани. А во-вторых, ребята надеялись у истоков реки обнаружить бобровую колонию.

Двадцать лет назад из Воронежской области сюда завезли несколько пар бобров. Они прижились, дали многочисленное потомство и теперь чувствовали себя настоящими хозяевами верхнего течения Сылвы. Такими сведениями располагал руководитель похода Сергей Афанасьевич Торопов.

После долгого нелегкого пути отряд следопытов добрался наконец до намеченного рубежа, а бобровых плотин так и не встретил. Сергей Афанасьевич успокоил ребят. Бобры строят плотины

только на мелких реках, чтобы создать искусственные омуты, а Сылва и без запруд достаточно глубока, так что надо быть начеку.

И точно, вечером состоялась первая встреча с бобрами. К великому сожалению, из-за темноты ее не удалось запечатлеть на кинолентку. Почуввав присутствие незваных пришельцев, звери стали исключительно осторожны, и ребятам пришлось довольствоваться наблюдением за жизнью бобров при лунном свете.

— До чего же сообразительные зверюшки! — удивлялись ребята, изучая сеть сделанных бобрами каналов, идущих от реки к лесу. По этим каналам, порой достигающим трехсот метров, бобры сплавляют осиновые и ольховые чурки и складывают в свои закрома, чтобы зимой было чем кормиться.

А планировка и оборудование подземных квартир! Это же просто чудо! Будто мыслящие существа, а не четвероногие строят их. Тут отдельные помещения для столовой, спальни, туалета, система соединительных коридоров... Все так капитально, расчетливо!

Готовясь к путешествию, следопыты прочитали немало любопытного о жизни и повадках бобров, но то, что они увидели своими глазами, не шло ни в какое сравнение с прочитанным. О своих наблюдениях следопыты доложили на заседании биологического кружка, показали фотографии и фильм.

Биталий ПАШИН

33

Рисунки В. Бубенщикова

Легенд об этом таинственном подземном замке больше чем предостаточно. Родились они сразу после бегства разбитого Ермаком хана Кучума из его столицы Искера и упорно живут на берегах Иртыша вот уже четыре столетия.

Судя по рассказам старых, убеленных сединами татар, где-то неподалеку от Тобольска среди угрюмых и топких болот раскинулся остров Золотой Рог. Порос он вековым мшистым сосняком. Многие из деревьев уже погибли от старости, другие повалило буреломом, и на острове образовались неприступные завалы.

Посреди Золотого Рога и по сей день сохранился ход, обложенный каленым кирпичом. Ведет он куда-то глубоко-глубоко под землю. Говорят, люди бросали в него камни, но звук от удара доходил до слуха спустя довольно-таки продолжительное время. Некоторые из смельчаков пытались спуститься по этому ходу, но каж-

дого из них постигала неудача — доступ затруднял сильно разреженный воздух в подземелье. К тому же, там обитало множество змей.

Старики утверждают, что когда-то на острове находилась оружейная мастерская Кучума. Здесь же он скрывал в подземном дворце свои сокровища, а впоследствии скрывался и сам.

По этим же рассказам, ход, обложенный камнем, служил всего лишь для отвода из подземелий вредных газов. Настоящий же вход в бывшее обиталище Кучума расположен в нескольких десятках метров. Есть у него крепкая потайная дверь, на которой висит тяжелый литой замок. Отыскать ту дверь не так-то просто, потому что она надежно укрыта.

Вот в общем-то и все, что известно из легенд о таинственном замке последнего царя Сибирского Юрта.

ОХОТНИКИ ЗА СОКРОВИЩАМИ

егенда легендой, но были люди, которые все-таки пытались отыскать подземный замок Кучума и сокрытый в нем клад.

Рассказывают, что несколько десятилетий назад на острове (был ли то Золотой Рог или какой-то другой — неизвестно) появились мужики из деревни Худяковой, что находится примерно в 50 километрах от Тобольска. Принесли они с собой кирки и лопаты. Копали-копали и вроде бы даже выкопали... деревянный сундук, который на глазах у них развалился. В сундуке ничего не оказалось. Вести дальнейшие раскопки мужикам якобы помешал неожиданно выросший из-под земли человек, облаченный во все черное. Испуганные худяковцы бежали с острова.

Может быть, эта история от ее начала и до конца — сплошная выдумка. Но старожилы деревни Тахтаир, например, утверждают, что на острове когда-то побывал их земляк по имени Арлам. Он, дескать, принес в деревню огромное медное кольцо, которое снял с двери, ведущей в подземное убежище Кучума. Видывал ту дверь, вросшую в землю «по самый замок» и житель Турбинских юрт по имени Пашка, к которому мы еще вернемся.

Можно было бы и все это принять за чистой воды выдумку, если бы...

Десять лет назад на страницах литературного сборника «Сибирские просторы», издававшегося тогда в Тюмени, появилась статья «Тайна острова Золотой Рог». История ее появления такова.

Однажды зимой в редакцию газеты «Тюменская правда» пришел работник местного кирпичного завода Нигматуллин. Он-то и поведал журналисту Александру Черняеву о таинственном острове. Нигматуллин говорил, что Золотой Рог находится, примерно, в двух десятках километров от деревни Ахманай. Долго рассказывал он и о «кирпичной трубе», которая «охраняется змеями». О ее неизменно огромной длине Нигматуллин сообщал: «Бросали в нее десятиметровые шести. Летят они несколько секунд, а потом слышится гулкий стук».

Но главное было даже не в этом. Неожиданный посетитель дал журналисту адрес старого охотника Хамида Раемгулова, якобы знающего, как пробраться на таинственный остров.

Черняев тогда же взял командировку и отправился в Ахманай.

Первая встреча и первая неожиданность,

Когда журналист вошел в дом Раемгулова, то хозяина на месте не оказалось, он уехал в лес на заготовку дров. Встретила Черняева жена Раемгулова. Она сразу же и вполне серьезно спросила: «А зачем мой муж? Золото искать хочешь?»

Сказала и заметно испугалась своих же слов. Журналист нашел Раемгулова на вырубке. После долгих уговоров охотник согласился провести Черняева на остров и показать то место, где находился подземный замок Кучума.

До Золотого Рога они добирались на лыжах несколько часов. Сначала тянулся смешанный лес. Потом он стал редеть. Все чаще начал появляться мелкий чахлый кустарник и, наконец, впереди показалось болото. Среди него огромной кудрявой шапкой возвышался одинокий холм.

— Это и есть Золотой Рог, — сказал Раемгулов.

Судя по рассказу Черняева, берег этого острова оказался настолько крутым, что они с трудом на него вскарабкались.

Вскоре на другом конце острова журналист с помощью Раемгулова отыскал и то место, где должна была находиться «каменная труба».

Они долго раскапывали снег и наконец докопались до кирпичной кладки. Вот что записал тогда Черняев: «Кирпич своеобразный — красный, в два раза шире обычного. На каждом большое круглое клеймо, в кругу которого еле различимый рисунок какой-то птицы (наверное, орла). Сфотографировать трубу не удалось: в воздухе металась роем крупные пушистые снежинки. Поднялась метель...»

Но на этом поиски подземного замка Кучума не закончились. В него включались все новые и новые люди. В те же, примерно, дни в редакцию зашел рабочий топографической партии Сергей Ясманов и сообщил об одной любопытной встрече. Неподалеку от деревни Худяковой он познакомился с местным жителем, глубоким стариком. «Разговорился с ним, — рассказывал Ясманов, — вспомнили историю, Ермака, Кучума. Говорю ему: «Интересно, где же все-таки умер Кучум? В истории ничего об этом не сказано». Старик вынул трубку: «Ваша история ни черта не знает». «А кто же, — спрашиваю, — знает?» «Мы — старые люди, — отвечает, — знаем, но не скажем». «Почему?» «Землю ел, — говорит, — клятву давал, что не открою тайну. Из поколения в поколение клятву даем...»

Несмотря на упрямство старика, Ясманову все же удалось выпытать, что, по преданиям, Кучум увез все свое золото из Искера и припрятал его глубоко под землей. Старик утверж-

дал, что к подземному замку хана имеется два хода, но вот где они находятся, он никому не покажет ни за какие награды и почести.

Через несколько месяцев, уже летом, по инициативе Александра Черняева на Золотой Рог отправилась целая экспедиция. Кроме журналиста, в нее вошли научный сотрудник областного музея Альбина Ракова, кинооператор телестудии Владимир Крицкий и два водолаза — Юрий Нибо и Евгений Доценко. В Ахмане они взяли с собой еще и старого знакомого Черняева — Хамида Раемгулова.

На этот раз путь был продолжительнее. Он пролегал по реке, а затем по вязкому болоту. С великим трудом участники экспедиции достигли цели.

Начался поиск злополучной кирпичной «трубы». Группа разыскивала ее трое суток. Но, как ни странно, найти трубу не удалось. Нет, не потому, что вокруг были бесконечные завалы. «Не надо было об этом писать в газете, — сказал Хамид Черняеву. — Понимать надо... Старики могли ее спрятать».

А вскоре участники экспедиции увидели бог весть откуда выросшую стену огня. С каждым мгновением лесной пожар стремительно приближался к ним. Искателям ничего не оставалось делать, как покинуть загадочный остров.

Вот тогда-то они и встретили старика, который отрекомендовался им не иначе как Пашка. Судя по его рассказу, он, будучи еще 25-летним, бывал на острове и видел оба хода под землю. Один из них, по его словам, был закрыт дверью. Не забыл Пашка упомянуть и о замке, который висел на двери.

Однако быть проводником экспедиции старик долгое время не соглашался. Наконец, его все-таки «уломали». Взяв с собой еще одного жителя Турбинских юрт, якобы когда-то видевшего один из входов в замок, Пашка повел гостей показывать им место расположения «трубы».

Отыскать ее и на этот раз не удалось. «Она волшебная, — хитро сощурился раскосые глаза, сказал проводник. — Кто ее раз видел, больше не увидит». Не мог Пашка найти и «своей» потайной двери.

Правда, с горем пополам отыскал примерное место, где он ее ранее видел. Это был участок с какими-то странными ямами. Земля в них оказалась податливой, шест в нее входил без особых усилий.

Начали копать. Уже на метровой глубине неожиданно наткнулись на изгнивший столб. Подобные же столбы стали находить и в других ямах. Кто-то из искателей обратил внимание на еле различимый вал и ров вокруг этих ям. Одна-

ко Альбина Ракова вполне авторитетно заявила, что никаких признаков замка здесь не предвидится. По ее глубокому убеждению, на острове когда-то находилось всего навсего лишь какое-то сторожевое укрепление.

К заявлению научного сотрудника участники экспедиции отнеслись скептически и, как ни в чем не бывало, продолжали искать вход в замок. Примерно в том месте склона, где, по словам Пашки, должна была находиться дверь, они увидели три равные по величине канавы. Стали копать в этом месте и почти сразу наткнулись на толстый бревенчатый настил. Его поддерживала вертикальная стена из таких же точно толстых бревен.

Все это прибавило сил и азарта. Раскопки велись день, другой, но бревнам не было конца-края.

А командировка кончалась, надо было возвращаться домой.

...Уже потом, прибыв в Тюмень, Черняев получил из Ахманя письмо. Не назвавший своей фамилии автор сообщал: «Хамид и Пашка водили вас на другой остров. Тот, на котором вы были, очень походит на Золотой Рог».

На этом Черняев прекратил поиски. Раскопки на загадочном острове больше не возобновлялись.

Что-то странное и непонятное было во всей этой истории с замком.

СПОРЯТ ЛЕТОПИСЦЫ

Т

ри дня Ермак «воевал» чувашский городок Бицик-Туру, где, по преданиям, жила одна из многочисленных жен сластолюбивого хана. Здесь Кучум собрал основной кулак своих сил, надеясь

выстоять.

Но вот наступила холодная октябрьская ночь. Русские продолжали драться с яростным упрямством. Ряды татар с каждым часом редели. И тогда Кучум, вздев руки к небу, обреченно воскликнул:

— О, Аллах, видишь ли ты, что не сам отдал я Сибирь, а взял у меня ее Ермак!

Воспользовавшись короткой передышкой, хан торопливо бежал из своей столицы Искера (Кашлыка). Вместе с ним в непроглядной тьме исчезли его ближайшие родственники, телохранители, мурзы, ахуны и карачи-думчие.

История гласит, что хан, покидая свою ставку, захватил с собой наиболее ценное имущество. Заметьте: «наиболее ценное». Ну, конечно, здесь было и золото, и серебро, и самая дорогая рухлядь.

Судя по татарскому преданию, Кучум сразу же после поражения бежит на Золотой Рог. Но с какой целью? Быть может, для того, чтобы оставить в своем подземном замке (если таковой, конечно, существовал) то «наиболее ценное имущество», которое он прихватил с собой из Искера? А может, наоборот, чтобы сделать стремительный набег и забрать с острова когда-то припрятанные там сокровища?

Во все это трудно поверить. Не настолько был наивен Кучум, чтобы тут же ринуться в ловушку. Остров как-никак, если судить по рассказам татар, находился не так уж и близко от Искера, в глубоком тылу его противника. Неподалеку от этих мест, как раз в районе Баба-санских юрт и деревни Худяковой, Ермак нанес Кучуму пять тяжелых поражений. И, к тому же, в октябре, несмотря на заморозки, на низкорослых местных лошадях пробраться к острову практически было невозможно, они увязли бы в жадной болотной пучине.

И другая сторона дела. Татары, бежав из Искера, угнали с собой много скота. Все это было сделано, конечно, не для того, чтобы оставить за собой глубоко протоптанный след, а потом похоронить скот где-то там, среди вязких немых болот.

Но, может быть, Кучум, махнув на все, решил свои последние дни провести в тиши и уединении, как это сделал великий хан Темир-Ленг, о котором и поныне поют песни? Тот ведь тоже скрывался от своих врагов в руинах забытого кладбища. Но в ту пору Кучум еще слыл как «сильный, смелый и дерзкий воин». Он легко натягивал тетиву тугого лука и ловко вскакивал в седло аргамака. Рожденный в степи (над его юртой, как и над многими другими, развеялся лошадиный хвост — символ вечно кочевой жизни), он вряд ли бы предпочел свободе затхлый и мрачный замок, глубоко упрятанный под землей. Орлу подобает умирать по-орлиному.

Впрочем, зачем фантазировать. В одном из источников говорится коротко и ясно: хан, после его разгрома, «из оседлого царя обратился в кочевника». Мало того, в другом источнике находим, что он «бегаша» не куда-нибудь на остров, а «на степь, в казачью орду»... Есть и такое: «Бежал на юг...» И, наконец, еще один адрес: «Кучум бежал в Ишимскую степь». Естественно, что вместе с собой хан умчал в раздольную степь и сокровища, в спешке прихваченные из Искера.

А что произошло потом?

В одном из прежних изданий читаем, что старый и хитрый Кучум, покинув свою столицу, «не переставал тревожить русских». Причем он постоянно вертелся где-то неподалеку от Кашлыка.

Спустя восемь лет после бегства Кучума в степь, воевода Кольцов-Мосальский организует против него большой поход. Битва произошла в устье реки Ишима, где хан стоял с довольно-таки крупными силами. В этом сражении в плен к русским попали две дочери и сын Кучума. Сам же он каким-то чудом уцелел и вновь исчез в безбрежных Ишимских степях.

В те годы царь Федор Иоаннович писал Кучуму: «...Ты стал казак, изгнанник, одинокий, оставлен всеми; жизнь твоя висит на волоске... Я готов хоть и в Сибирь тебя отправить, готов пожаловать тебе твой прежний юрт, сделаю тебя царем... Сибири... но прежде покорись...»

Гордый, самолюбивый хан молчаливо отверг это предложение.

После того, как Кучум потерпел поражение в устье реки Ишим, минуло еще семь лет. На этот раз он вновь появился неподалеку от Искера. Что его постоянно тянуло сюда, как магнитом? Неужто при наличии небольшой горсточки фанатиков-ордынцев Кучум еще мечтал вернуть себе былое господство? А возможно, коварный, ловкий и хитрый хан всего-навсего лишь пытался пробиться (во что почему-то хочется верить) к сокрытому им кладу? Ведь последние дни жизни (это опять же видно из послания царя), он провел «в трудах и нищете». И, вполне понятно, нуждался в золоте.

В 1598 году тобольские и татарские служилые люди под руководством Андрея Воейкова нанесли Кучуму окончательное поражение у устья речки Ирмени, левого притока Оби. На этот раз в жестоком бою погибло сто пятьдесят воинов хана и около сотни утонуло в Оби. В плен были захвачены все оставшиеся в живых родственники престарелого хана (считают, что ему тогда было далеко за семьдесят). Воевода доносил царю: «Божьим милосердием и твоим государевым счастьем Кучума царя побил, детей

его и цариц нашел». И еще сокрушался: «Плавал я на плотках по Оби и за Обью рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел». Но несмотря на это, в Москве в честь окончательной победы над старым врагом России отслужили благодарственный молебен.

А дальше — загадка за загадкой. Был Кучум и вдруг неожиданно исчез, словно куда-то бесследно провалился. Впрочем, давайте посмотрим, а что же на этот счет думают летописцы.

Один из них вполне серьезно утверждает: хан, оставшись «безо всякого живота», бежал вверх по Иртышу в Большую казахскую орду. Второй довольно-таки аргументированно спорит с первым: утонул, дескать, в многоводной Оби, пытаясь добраться до противоположного берега. Третий опровергает и первого, и второго. Он уверенно заявляет, что с Кучумом разделились бухарцы, заманив его в «Колмаки». А в летописи С. У. Ремезова говорится, что Кучум после столкновения с калмыцкими тайшами, беспощадно нахлестывая плетью и без того взмыленного белого коня, бежал в «ногайскую землю», где его потом убили. Впрочем, есть и другие разноречивые утверждения. В одном месте находим, что Кучум скрывался неподалеку от озера Зайсан-Нора. Кстати, в последнем случае нам навязывают мысль, что хана ограбили жестокие кочевники. Он, дескать, остался без слуг и быстрокрылого арабского скакуна. Голодный и оборванный, Кучум отыскал в степи одинокий ногайский улус, где его приютили. Но глухой беспросветной ночью, вопреки всем правилам гостеприимства, хозяева улуса взяли да и задушили дряхлого хана.

Кто прав? Кому верить? Может быть, все эти противоречивые версии родились на основе слухов, которые распустили сами татары, чтобы о их «мудрейшем из мудрейших», о «солнце вселенной» постепенно забыли и дали ему в спокое прожить остаток дней? Такая забота может быть вполне объяснима: «свирепые сибирцы» говорили: «Ля иллях илла ху». — «Нет бога, кроме него».

Почему-то вновь и вновь вспоминается концовка предания, которая гласит, что Кучум свои последние дни провел на Золотом Роге. Он, мол, настолько одряхлел, что его «отпавляли кровью молодых козлят». А затем хан оглох, ослеп и умер. Каким-то образом перекликаются с этим утверждением и строки Кунгурской летописи. Они как бы дополняют народную легенду: место, где скрывался хан, было известно лишь самым преданным ему воинам... И еще есть одно упоминание. Оно утверждает, что после разгрома войска татар слуги увели хана «в глубокий овраг».

Здесь уместно заметить такое. Народное предание, гласящее, что Кучум ослеп, далеко не

расходится с истиной. Алтын-царь, или «Золотой царь», как еще именовали Кучума, на самом деле страдал хронической болезнью глаз. Даже опытные таджи-врачи, присланные из Бухары, ничем ему уже не могли помочь. Глаза хана слезились, теряли былую способность различать в поле скакуна, а в небе ястреба. В припадке отчаяния Кучум однажды поступился своей гордостью. В 1597 году он послал грамоту «белому царю», в которой жаловался на больные глаза и просил того прислать ему исцеляющего зелья. Копия этой грамоты хранится сегодня в Тобольском музее.

Может, действительно под конец своей жизни ослепший Кучум, вопреки восточной мудрости: «Кто скрывает богатство — разорится, кто скрывает болезнь — умрет», — только одному ему известными и глухими тропами прокрался

на окруженный болотами остров. Возможно, на самом деле предпочел он подземный замок вспоившему его раздолью ковыльных степей. Какой ты джигит, когда даже не видишь, как конь твой прядает ушами?..

Сидел Кучум, одетый в лисий малахай, глубоко под землей, за толстыми каменными стенами замка среди несметных россыпей своего богатства. Он уже не видел, как блестит золото и не слышал его звона.

Дряблое, морщинистое лицо хана озарялось тусклым светом углей, догорающих в мангале. Дрожащими, непослушными пальцами перебирал гордый старец четки, словно отсчитывал оставшиеся дни, отведенные ему по воле аллаха.

Может быть, это было так, а может, совсем не так. Во всяком случае, все это остается для нас загадкой и далеко не последней.

ЕЩЕ ОДИН КЛАД?

Золотой Рог». Предположим, что он все-таки существовал. Но тогда, спрашивается, где его искать? Может, упоминания об этом острове имеются в каких-то документах.

В одном из них находим, что Кучум, гонимый всеми, скрывался «среди Барабинских болот и камышей». «Среди» — это значит на каком-то участке суши. Другое утверждение словно бы перекликается с первым: «Крылся в степях, среди болот, на Черных Водах».

А вот уже что-то более конкретное: стан его был расположен за Черным островом, выше по Иртышу, «меж двух речек»... «за Омь рекою пешим ходом днища с два».

Может быть, именно здесь находился Золотой Рог? Ведь место «меж двух речек» могло чем-то напоминать остров.

Но насстораживает еще и Г. Ф. Миллер, «отец сибирской истории». В своем труде «История Сибири» он сообщает: «В недалеком расстоянии, на правой стороне Тобола, ниже реки Турбы, находится крутой высокий берег, он тянется далеко вниз по течению и поэтому прозван Долгим Яром. Он был весьма удобен неприятелю для того, чтобы оттуда беспокоить казаков. По этой причине Ермак не решался продолжать путь. Он приказал остановиться около острова, расположенного по Тоболу, намного выше Долгого Яра...»

Это еще одно упоминание об острове. На этот раз речь идет о тех местах, которые связаны с легендой о замке Кучума — Долгий Яр находится как раз в районе деревни Худяковой. За четыреста лет здесь, конечно, произошли большие изменения. Отыскала себе новое русло река. Остров же, о котором упоминает историк, должен был затеряться где-то среди болот, занимающих огромное пространство.

Неужели это и есть тот самый Золотой Рог, о котором сообщает предание? Может быть, «свирепые сибирцы» тревожили казаков из Долгого Яра, опасаясь, как бы русские не заняли Золотого Рога и не разведали о подземном замке. Ведь, судя по легенде, там находилась оружейная мастерская. В сырых и мрачных катакомбах изможденные бронзоволицые рабы ковали для воинов хана кривые ножи, наконечники для дальнобойных стрел, клыччи — острые, как бритва, татарские сабли. Из огромной каменной трубы, уходящей куда-то в голубое небо, день и ночь тянулись горячие столбы дыма...

А возможно, Золотого Рога как такового вовсе и не существовало? Ведь название его не упоминается ни в одном из географических и исторических источников. Возможно, и история с подземным замком Кучума — чистой воды выдумка.

Зачем, скажем, хану нужно было устраивать оружейную мастерскую на каком-то там Золотом Роге, когда, по свидетельству историков, оружие

для него делали в местечке Алемасово, находившемся рядом с Искером. Здесь в глинобитных домах жили кузнецы-оружейники, здесь же располагались их примитивные мастерские, денно и ночью извергавшие копать и смрад.

Но вот вопрос об упрятанном кладе все-таки спорный. И вот почему.

Неподалеку от Тобольска, несмотря на буйство Иртыша, постоянно подмывающего крутой берег, до сих пор сохранилось то место, где когда-то находился Искер, бывшее Кучумово жилище. Известно, что оно располагалось на высоком и по тем временам довольно-таки неприступном холме, который иначе именовали «скалой». С одной стороны холма протекал широкий и полноводный Иртыш, с другой от внешнего мира его отрезала небольшая говорливая речка Сибирка.

Чтобы попасть в Искер, нужно было попутеть. Впереди находилось глубокое ущелье, за которым следовал утес высотой в 35 сажен. Мощными были и укрепления на пути к городищу хана. Они состояли из трех насыпных валов, рва и деревянных стен со смотровыми башнями.

Внутри городища находились мечети, глинобитные дома, войлочные юрты, жилища седельщиков и гончаров, гарем для жен и наложниц Кучума, сырые ямы — темницы, где содержались рабы. Посреди всего этого стоял белоснежный шатер хана, возле которого на ветру полоскалось зеленое знамя.

«Всесветлый и могущественнейший хан» жил в большой роскоши. Сам он одевался в богатые одежды, пил и ел на золоте. При своей столице Кучум содержал немало златокузнецов, которые радовали его взор золотыми, искусно отделанными пиалами для кумыса, подносами для плова, рукоятями для ножей и клинков... Даже паланкины братьев хана были золотыми. Еще бы, сборщики дани — даруги — регулярно и щедро пополняли Кучумову бездонную казну. В Искер потоком шли соболя и песцы, бровровые и лисьи шкуры. Из степей пригоняли большие стада лошадей и тучные отары овец. Из Лагора и Кутиса поставляли сюда железо и сталь. В Искер тянулись караваны верблюдов и из Бухары. Отсюда же в столицу Сибирского Юрта наезжали учителя для распространения в «Стране мраков» ислама....

Не этот ли холм татары когда-то в просторечии именовали райским, Золотым островом? Вполне возможно.

Любопытно отметить, что царский посол Николай Спафарий, в свое время побывавший в Искере, писал, что на месте бывшей столицы Кучума «остров есть, однако ж ныне лежит

пусто...» Впрочем, достаточно посмотреть на бывшее обиталище Кучума со стороны даже в наши дни и можно увидеть то же самое: над полноводным Иртышом действительно возвышается огромный, чем-то напоминающий голову лошади, остров. Конечно, сейчас он сильно видоизменился — осыпался, стал приземистее...

Вспоминается анонимное письмо, полученное Черняевым: «Хамид и Пашка водили вас на другой остров. Тот, на котором вы были, очень походит на Золотой Рог». И потом, судя по легенде, остров, где зарыт клад, порос деревьями, многие из которых повалило. То же самое в своей книге «Описание Западной Сибири» сообщает нам об Искере И. Завалишин: порос, дескать, «раскиданными деревьями».

Но главное все-таки не в этом. Главное в том, что этот остров (назовем и мы его так) тоже связан с упоминанием о ...подземном кладе.

Среди местных жителей бытует легенда, что спрятан он в нескольких саженях от скалы, в ущелье, на дне глубокого-преглубокого колодца, выложенного из прочного камня.

А вот и печатное упоминание о подземном кладе. Его мы находим в книге В. Н. Пигнатти «Искер». Автор ее писал: «Неизлишне... упомянуть о предании, существующем между местными крестьянами и татарами о том, что здесь Кучум при бегстве с Искера зарыл свои богатства».

Посмотрите, какое поразительное сходство как в том, так и другом случае!

Правда, у данной легенды уж чересчур неправдоподобная концовка. Гласит она, что вход в загадочный колодец сторожит вороной конь. Сбруя на нем золотая, украшенная дорогими камнями. Того, кто когда-либо пытался проникнуть в колодец, ожидало крепкое и беспощадное копыто Аргамака. Невольно всплывает в памяти картина захоронения воинов, когда вместе с их оружием и женами клали в могилу любимых коней. Призовет Магомет правоверных к Аллаху — все это им понадобится.

Но не только в этом историческом источнике упоминается о зарытом кладе. Около ста лет назад в Тюмени вышла книга «3000 верст по рекам Западной Сибири». Ее автор А. Павлов точно сговорился с В. Н. Пигнатти. Он тоже сообщает нам о существующем между местными крестьянами поверье, что «на дне колодца зарыт татарами клад». Вот только причину неприкосновенности колодца выдвигает иную. Автор книги пишет, что, дескать, колодец заклят, а поэтому, «боясь беды», разрывать его никто не пытается.

Но кто же все-таки видел тот колодец, о котором рассказывают местные жители? Оказываются, были такие люди.

В августе 1703 года по указу царя С. У. Ремезовым был произведен осмотр «всяких урочищ вокруг Кучумова городища» с той целью, чтобы дать ответ на один вопрос: можно ли там организовать производство селитры. Знаменитый тоболяк осуществил обмеры Искера и составил его точный чертеж. В своем описании к нему С. У. Ремезов указывает расстояние «вкруг всего городища от Иртыша... долем на круть под гору к колодцу и вниз по Сибирке до устья пади в Иртыш...»

Вот, наконец-то, и первое официальное упоминание о загадочном колодце. Затем мы его встречаем уже на плане Искера, составленном в начале прошлого столетия неизвестным нам чертежником. План этот долгое время хранился в личном архиве художника М. С. Знаменского, который впоследствии довольно-таки правдиво, как полагают историки, изобразил Кучумово городище на одной из своих картин. На плане мы видим остатки кургана, мост и уже известный

нам колодец. К сожалению, какого-то описания его составлено не было. Колодец как колодец — какие тут еще могут быть пояснения.

Но на этом упоминания о колодце не обрываются. Его видел и ранее упомянутый нами А. Павлов. Он оставил нам такие строчки: «В ущелье Искера в недавнее время существовал колодезь, но ныне совершенно засорен». И уже В. Н. Пигнатти сообщает: «Направо от выхода из оврага, по которому мы спустились к речке Сибирке, должен был находиться колодезь. Но теперь и следа его нет, лишь старики — крестьяне деревни Алемасовой — показывают то место, где он был». Далее автор «Искера» пишет, что когда-то колодец обступали вековые липы, укрывая его от посторонних глаз. Однако однажды они вдруг исчезли. По веснам же коварная речка Сибирка, якобы выходя из своих берегов, постепенно закидывала колодец сором и сучьями деревьев, а потом напрочо затянула илом и его, и ту тайну, которую он хранил. Во всяком случае иной причины исчезновения колодца никто не выдвигал и не выдвигает.

А МОЖЕТ ЭТО НЕ КОЛОДЕЦ?

о всей этой истории с колодцем столько загадок, что просто диву даешься. И одна из них заключается вот в чем.

Семен Ульянович Ремезов, составляя план Искера, обнаружил на его месте немало селитренных ям, сохранившихся, возможно, еще со времен Кучума. Можно предположить, что они-то и навеяли легенду о подземном замке, из которого день и ночь исходят смрадные запахи. Наконец, можно было бы предположить, что колодец, виденный Ремезовым, как раз и служил для того, чтобы брать из него воду для нужд производства. Но с этим согласиться трудно — рядом с Искером столько воды, что ее век бери — не выберешь.

Зачем же тогда татарам был нужен колодец? Может быть, его все же выкопали на случай длительной осады? Как-никак спуск к Иртышу в этом месте крут, добраться до воды не так-то просто. К Сибирке же противник мог татар не допустить.

Но давайте посмотрим, что говорят нам те, кому довелось видеть загадочный колодец.

Есть люди, которые считают, что колодца

как такового в Искере вообще не существовало. Они заявляют: «Это был запасной ход, которым татары могли воспользоваться в наиболее трудную для них минуту».

А вот большой знаток Искера художник М. С. Знаменский, который когда-то замышлял произвести раскопки колодца, отвергал наличие каких-либо тайных ходов в Кучумовом городище. Он был убежден, что под землей находилась или бывшая тюрьма хана или же располагался склад, где татары хранили провизию.

Невольно обращает на себя внимание первое предположение художника. Оно словно бы перекликается с легендой о подземной мастерской Кучума, в которой рабы, гремя тяжелыми кандалами, ковали для «свирепых сибирцев» холодное оружие.

Но на чем же все-таки основывался М. С. Знаменский, считая, что под землей находилось какое-то помещение?

Оказывается, художник продолжительное время занимался поверхностным осмотром и изучением колодца. Он обнаружил в нем... ступени, которые, судя по всему, опускались не строго вниз, а уходили наклонно под основание

горы. Самого же помещения Знаменский, понятное дело, не видел (так как колодец был затянут плотным илом) — его, очевидно, породило пылкое воображение живописца. Колодцев, как известно, со ступенями не бывает. И потом, зачем кому-то надо было укладывать ступени под углом к оси колодца?

Искерский ход приковывал к себе внимание не только художника М. С. Знаменского. Не дал он покоя и В. Н. Пигнатти — в 1915 году он предпринял попытку произвести раскопки колодца. С этой целью были наняты рабочие, к месту раскопок доставили инструменты. Один из старожилов деревни Алемасовой указал место, где по преданию должен был находиться колодец. И лопаты дружно вонзились в податливый грунт.

Первоначально раскопки велись как нельзя лучше. Примерно на глубине двух аршин рабочие, ничуть тому не удивившись, наткнулись на массивный сруб. Вопреки легенде, он был устроен из лиственных бревен «в замок». Верх его представлял строгую прямоугольную форму. В. Н. Пигнатти впоследствии писал: «Все сооружение колодца удивляет своей солидностью».

Но через какое-то время лопаты начали входить в землю уже с великим трудом: она ока-

залась мерзлой. А потом пошел лед, который пришлось скалывать ломами. Подо льдом (его толщина была пол-аршина) оказалась вязкая густая зеленоватая глина. Рабочие воткнули в нее четырехаршинный шест, и вскоре он исчез, словно его и не существовало. Лом, неожиданно вырвавшийся из рук у одного из рабочих, еле извлекли из грунта в четыре руки.

В те минуты В. Н. Пигнатти невольно заметил, что сруб колодца слегка наклонен, и впечатление было такое, словно «низ его уходит в гору». Возможно, это обстоятельство в свое время и заставило М. С. Знаменского поверить в подземное помещение, устроенное Кучумом. Все-таки никто и никогда не устраивал колодцев таким необычным образом. Конечно, можно было бы предположить, что сруб наклонился в результате сдвига горы или из-за своей постепенной осадки. Но это опять же предположения...

Раскопки колодца длились не долго. Стоять на вязкой глине было просто-напросто невозможно — ноги рабочих уходили в нее, как в тесто. Так что вскоре члены экспедиции покинули Искер, оставив тайну колодца неразгаданной.

КЛАД... ПОД НОГАМИ

овернемся к той холодной октябрьской ночи, в которую Кучум торопливо бежал из своего юрта. Возможно, она-то и приоткроет завесу над зарытым кладом.

Странно, но здесь мы вновь сталкиваемся с загадками, которые нам преподносят все те же летописцы. Один из них сообщает, что хан, покидая свою столицу, вывез из нее все сокровища. И добавляет: дескать, когда русские вошли в Искер, они не нашли в ямах — погребницах Кучума — ничего такого, что бы могло представлять для них какую-то ценность. В лучшем случае это была старая серебряная и медная утварь да глиняные кумганы-кувшины с тенгами, тургиками и ефимками.

Можно ли поверить в такое? Хан «царствовал во граде Сибири» свыше сорока лет. Самодовольный, уверенный в своих силах, он не мог допустить мысли, что его столица когда-то падет. Впрочем, эту уверенность он передал и своим лихим воинам. Они были убеждены, что «их крепость просуществует до скончания мира, когда Магомет призовет правоверных к Аллаху». А поэтому вряд ли Кучум еще до боя с Ерма-

ком упаковал все сокровища, чтобы затем без хлопот исчезнуть с ними в ночи. К тому же подобные приготовления могли вызвать замешательство в стане воинов хана, охладить их боевой пыл.

А потом, когда татары бежали под грохот «огненных палок» русских, собираться уже было некогда. Ревели верблюды. Ржали лошади. По утонувшим в темноте кривым и узким улочкам Искера метались обезумевшие лучники, собрать которых было невозможно. Рядом с Кучумом в те минуты могли находиться только его телохранители, родственники да представители знати.

В такой обстановке, конечно, трудно было думать о спасении всех богатств, хан захватил с собой лишь наиболее ценное имущество.

Наконец, у другого летописца находим такие строчки: «И прибеже окаянный во град Сибирь и взя себе мало нечто от сокровищ своих, и вдашася невозвратному бегству...»

Искер — этот небольшой клочок сибирской земли — издавна приковывал к себе внимание огромного числа людей. Одни направлялись сюда, чтобы обогатить науку, других влекло чистое любопытство, а третьих донимала жажда нажи-

вы. Сейчас уже нет секрета в том, что «остров», где жил Кучум, был действительно золотым. Первые же дружинники, ворвавшиеся в «пустынный град», обнаружили здесь немало «злата и сребра», драгоценных камней, куньих, собольих, бобровых и лисьих шкур и все это «по себе разделиша». И еще встречаем, что казаки нашли в Искере «имения и богатства множества и хлеба».

Могло быть и так, что зарытый Кучумом клад мог оказаться в руках воинов Ермака. Находясь в Искере довольно-таки продолжительный срок, они наверняка исследовали все его погребница и закоулки.

О былых богатствах Искера говорит и тот факт, что «окольные российские жители» обыскивали его вплоть до нашего столетия. Клады, так сказать, располагались прямо у них под ногами. Причем нередко находились и «ценные предметы». Уже упомянутый нами А. Павлов, побывавший на «острове» в 1862 году, писал, что «на самом... Искере и по обрыву они (имеются в виду крестьяне) в свободное время, по праздникам ищутся. Находят, по словам ребятишек, брусья да железки...»

Что уж там «железки»! Стоило ли из-за них копаться в земле... На самом же деле все обстояло не так.

Чуть ли не четыре столетия Искер хранил следы пребывания в нем «свирепых сибирцев». Даже в начале нашего столетия здесь видели множество ям, наполненных углем и золой. Особенно много было по всему «острову» раскидано лошадиных костей. Впрочем, как утверждают историки, находили в Искере и оленьи кости. Они лежали вокруг ям, торчали из берега, который постоянно подмывали воды Иртыша.

Там, где когда-то стояли строения, валялся старинный «нежженный» кирпич. Находили на месте ханской столицы различные орудия, китайский фарфор и даже оконное стекло.

В прошлом веке сюда приезжал какой-то «ученый, присланный Академией наук». Он производил раскопки в районе поросшего бурьяном мизарета — татарского кладбища. Им были найдены два скелета, которые он отослал в Петербург.

Интересно то, что в одной из ям Искера позднее нашли череп. Как предполагают, это была голова казненного. Здесь же лежали два обезглавленных скелета, а один из них, к тому же, был сильно изрублен.

Но речь все-таки не об этом.

Для истории от бывшего ханского юрта осталось около 1300 мелких предметов. Все они были собраны частью в конце прошлого столетия, а частью в начале нынешнего. Их подарили Тобольскому губернскому музею М. С. Знаменский, И. Н. Бутаков и другие лица. Что характерно, наибольшее число предметов состоит из железа, а потом идут кость, серебро и фарфор. Семь находок выполнены из какого-то неизвестного сплава.

Что же это за предметы, которые стали музейной реликвией?

Среди них, например, есть «медицинский

остяцкий инструмент» — челюсть щуки, предназначенный «для пускания крови больному». Содержатся в коллекции щипчики для выдергивания волос из бороды, а также подковы, удила... Но есть и дорогие вещи, такие, как, допустим, серьги, изготовленные из серебра, перстни с вставками из бирюзы. А в нашайские женские украшения вкраплены малахит, топаз и сердолик.

Сейчас можно представить, какие ценности были разграблены на «острове» за минувшие столетия, если их находили даже в нашем веке.

Ну, а как же, спросит читатель, с подземным замком да кладом Кучума — легенда это или правда? Может, легенда, а может, и правда. Во всяком случае автору рисуется еще и такая картина.

В ту ночь, когда хан понял, что ему не устоять, он повелел часть своих сокровищ перенести в подземное сооружение и надежно их там упрятать. Не мог же Кучум допустить, чтобы русские воспользовались его богатствами.

Когда воины по скрипящим деревянным ступеням опускали клад в подземелье, хан думал: «Я еще вернусь сюда. Все здесь снова будет моим...»

Шли годы. Кучум дряхлел. Его все больше и больше тянуло на ту землю, где он когда-то провел сорок счастливых лет, где жила его любимая жена Сузге и где у него остались зарытые сокровища. Но в Искер возвращаться было нельзя: там находились его заклятые враги.

Наконец, как гласит Сибирская летопись, все, кто находился в Кашлыке, оставили его «и с того времени ни татары, ни русские более в городе Сибири не живали...» Это был именно тот момент, когда Кучуму можно было вернуться на землю своей славы.

Бродами, болотами, перелесками хан добирался до Искера и вскоре умирает в подземном убежище среди блеска золота и драгоценных камней. Верные воины исполняют последний наказ своего повелителя — они закладывают вход в его усыпальницу камнями, а затем закидывают ветвями, сучьями, землей. Пусть русские думают, что на «острове» когда-то находился обычный колодец. А потом и деревья, окружавшие вход в замок, кто-то спиливает. Никто не должен знать, где покойтся прах «солнца Вселенной», кроме правоверных. Возможно, поэтому они на протяжении столетий через каждые три года в сентябре, не сговариваясь, стекались из соседних юрт не куда-нибудь, а в Искер, и здесь «в торжественном виде возносили моления всевышнему о Кучуме». Во всяком случае, Кучум исчез так же загадочно, как и появился. Никто еще твердо не сказал, кто он есть, — то ли «вольный человек», то ли выходец из ногайских племен, или же потомок кровавого Чингисхана.

...Много, ох и много еще тайн хранит коварный Иртыш, в переводе на русский именуемый «Землероем». Быть может, эту, связанную с загадочным замком да кладом Кучума, когда-нибудь расщедрится и отдаст. Быть может...

НУЖЕН ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Г. ЛЕБЕДЕВА

Самая большая ошибка Вьюгова

Он выгреб из шкафа с чертежами и журналами груды конвертов:

— Письма от наших ребят! — Помолчал. Сдвинул чуб на бок и пояснил: — Со всей армии.

Наугад я открыла первый конверт:

«Здравствуй, Константиныч! Опишите мне скорее данные нового планера. Как проходят на нем полеты? Я читал, что у вас стоят сильные морозы. А у нас весна!

За успехи получил грамоту командира части. Сейчас у меня практика на аэродроме. А как дела у ребят? Много ли новеньких в кружке? Жив ли старичок-04? Откликайтесь! Ваш Б. Курилов».

Другое письмо начиналось словами: «Привет, ребята! Поздравляю с первым полетом! Так держать! Вам предлагают МАК-15? Не советую! Стройте свой. Отличная школа. В армии я это понял. Узнал машины, на которых летал Володя. По всем дисциплинам — одни пятерки. В библиотеке много книг по авиации. Вот бы нам в Лысьве! Хотя бы «Справочник авиаконструктора»!

В. Кондратьев».

«Жизнь идет нормально, Володя! Вчера прыгали с парашютом. Нисколько не волновался. Показалось, что все знакомо. Пульс был всего 75. А у других достигал 120. Прыгал вместе с Сережкой. Летим, а вокруг такая тишина, все слышно, даже как разговаривают на земле. Серега увлекся и приземлился прямо на стол к командиру. Ноги целы, а стол сломался. Я приземлился нормально. В общем, прыгать понравилось. Всего будет 5 прыжков. В. Пантюхин».

«Володя! Если надо будет сделать расчеты — шлите данные. На основе книг их не так уж будет трудно сделать. Все, что смогу, постараюсь рассчитать. Не хочется отставать от вас. Витька».

«Ничего не попишешь — флоту тоже нужны кадры. И я буду плавать, а не летать. Целыми днями долбим специальность. Сдал 2 зачета на «отлично». Впереди еще три зачета и три экзамена. Даже построение отменили. В воскресенье разгружаем вагоны. И я удивился, увидев ящики посуды с маркой ЛМЗ. Похвастал перед ребятами — вот-де какова наша Лысьва! Уже выдали бшлаты. Тает. Привет всем. Валерий».

«Здравствуй, Константиныч! Итак, снова реи, паруса, снасти, облака. А я здесь праздную бессонницу за морзянкой. Тоже романтика, если верить песням. Но — увы! — другая. Суrowая, черт побери! «А годы летят, наши годы как птицы летят!» Единственно, чем сильно докучают, это вахтой. Но зато день и ночь можешь наслаждаться грациозностью наших лайнеров. Скользят мимо, как огромные летучие рыбы-кра-

савцы за стеклом аквариума. В эти минуты забываешь, что ты «сухопутный» и мысленно сам летишь в одной из машин. А потом в глазах наше поле, и планеры, и ты, и ребята!..»

«Добрый день, Володя! Нас экипировали в танкистские комбинезоны. Все еще в лагерях. Устаем сильно. Но засыпать сразу не хочется. Представь: крошечная лампочка вырывает небольшой кружок у ночи. «Яуза» из офицерского домика дарит «Арагонскую хоту». А у тебя — пора твоей слабости — осень. Снова этюды? Перед отправкой я немножко лепил из белой глины. И удивлялся, что это так интересно. Помоему, интереснее, чем рисовать. Правда, летать — еще интереснее!

Жаль, что не видел лысьвенской сенсации — полета «Аиста».

...Письма увлекали, захватывали. Они были полны жизненной энергии, страсти к авиации и преданности своему городку, друзьям и человеку по имени Володя Вьюгов — конструктору Лысьвенского турбогенераторного завода, вот к этому высокому плечистому парню с мальчишеским чубом, которого неизвестные мне ребята именовали в письмах то просто Володей, то несколько иронично, по-свойски — Константинычем. В Лысьве в мальчишеском мире Вьюгов весьма известен. Всю рабочую смену он проводит возле своего вполне земного кульмана с чертежами. Когда же смена кончается, наскоро перекусив, отправляется к центру города, туда, где напротив солидного старинного краснокирпичного особняка — драматического театра — расположено небольшое двухэтажное деревянное здание с проходным двориком. Вывеска весьма обычная: «Дом пионеров». Прямо от входной двери на первом этаже — вторая, с куда более эффективной табличкой: «Планерный класс».

По диагонали эту небольшую комнатку в три окошка пересекает длинный стол, залпанный клеем, исколотый кнопками и гвоздями.

На столе длинный деревянный каркас.

— Фюзеляж «Сокола»! — поясняет Володя. Вся левая часть планерного класса — рабочие шкафы. В них инструмент, клей, чертежи, схемы, гвозди, необходимые материалы и архивы — письма ребят, альбомы, рисунки, журналы, справочники. У окна — кульман. Справа — верстак, полки, а на них — детали самолета. Тут же, в классе, стоят тележки.

— Это наше собственное изобретение! Можно брать патент! — гордится Володя. — Удобны и просты в эксплуатации. Поставил планер и кати его себе по дороге.

Рядом с тележками, в правом углу, масса стартового имущества. Даже под потолком — связки ажурных реек, планок... В планерном классе тесно. А народу собирается иной раз человек до тридцати.

...Володину страсть к авиамоделизму ныне взрослые люди склонны считать затаившимся детством. В одном они правы: эта страсть у Володи — с детства. Но еще в те далекие мальчишеские годы Володя твердо усвоил, что авиамоделизм — это не игрушки, это куда серьезнее. Если хотите — выбор будущего. А раз так, то модели — только первая ступенька.

Его первый учитель, руководитель кружка Александр Семенович Рокланов был горячим поклонником лозунга 30-х годов: «От модели к планеру, с планера — на самолет». И Володя еще до службы в армии успел пройти «крещение» в воздухе. В Лысьве увлечение планерным спортом — давняя традиция. До войны был клуб Осоавиахима, была парашютная вышка в парке, поднимались в воздух отечественные модели планеров «БРО-9». В годы войны с планера на самолет пересели многие лысьвенские парни. И прекрасно воевали. Володино поколение пришло им на смену. Непритязательный кружок дал многим мальчикам мечту.

В маленьких городках у подростков иной раз возникает ощущение вторичности того, что им дано. Литература, фильмы, радио — все свидетельствует о том, что где-то есть большой, необычный, захватывающий мир. В этом мире сбываются самые невероятные мечты, отыскиваются пути к неизвестности, успеху. В этом мире есть великие города, населенные знаменитостями.

Вот там — да! Там есть метро, музеи, театры, конкурсы, там по праздникам проходят торжественные парады, там нужно только захотеть... А здесь — все однообразно, все знакомо, все привычно. И появляется обида: не там родился! Появляется страстная тяга: вырваться, уехать, доказать! Где, как, в каком деле — все равно, но доказать! Мальчишки сами себя не всегда понимают: им хочется многого и в то же время ничего конкретного, они разбрасываются в поиске и меняют решения по десять раз на дню.

Множество случайностей, совпадений, неучтенных факторов определяют биографию юноши. Но более всего — встреча с сильным, уверенным, внимательным взрослым другом, как бы олицетворяющим в себе будущее. В этом смысле Володя оказался счастливым. А после планерного кружка, в армии, он попал в морскую авиацию. Был стрелком-радистом. Отслужив свое, вернулся домой с направлением в Бугурусланское училище ГВФ и отличной рекомендацией своего командира — капитана Кузнецова. В ней говорилось: «Вьюгов В. К. закончил вечернюю дивизионную партшколу с оценкой «отлично». Принимал активное участие в работе своего подразделения. Политически развит. Резко, но всегда честно выступает с критикой недостатков... В соревновании художников части занял первое место. Имеет много благодарностей от командования.

Общителен, требователен к себе. Летное дело любит. Летает с большим желанием. Как воздушный стрелок-радист держит в полете бесперебойную связь, выполняет задания с оценкой «отлично», ему присвоено звание «радист 2-го класса». Имеет 287 часов 23 минуты налета на реактивных самолетах — днем и ночью, а также в сложных метеорологических условиях. Физически хорошо развит. Здоров. 5 октября 1959 года».

Однако в этот год он в училище не попал. Как говорят, «по семейным обстоятельствам»: мать находилась в больнице, а дом просил ре-

монта. На следующий год не было приема. И еще он узнал, что к экзаменам допускаются лица не старше 22 лет. Володе было больше. На третий год он уже сам не поехал поступать в училище. Позднее выяснилось, что для служивших в авиачастях существуют некоторые льготы, да и вообще можно было еще побороться, написать мини-стру...

Сейчас, вспоминая эту историю, Володя говорит: «Ошибка! Самая моя большая ошибка в жизни! Мое место в подразделении ГВФ! Люди в эти годы командуют экипажами «ТУ», «ИЛов». А я? Ну, что ж, я команду пацанами! Учу их летать на планерах! Правда, и сам люблю подержаться в воздухе за ручку. Мне говорят: «Когда бросишь детство?» Я эти вопросы во внимание не беру! Планеры — ведь не бумажные голуби. Охота, рыбалка — нет, не то! Там только есть твое единственное «я». Там ты один. Здесь есть «мы». Без ребят я не полечу! И они без меня — не полетят! Коллективизм — основа основ. Это же сильнее! Ведь правда? Это притягательно!..

Трудно что-нибудь возразить!

Володя пришел в Дом пионеров почитать старых товарищей, а вышло, что сменил Рокланова на посту руководителя. На видном месте повесил собственного производства плакат: в синей выси, к снежным вершинам облаков летит сокол. Внизу подпись: «От модели к планеру. С планера — на самолет». Как у Александра Семеновича. Традиция?

— Авиация вся состоит из традиций! Конечно, идет качественный отбор. Но без традиций здесь невозможно, — говорит Вьюгов.

«Без единомышленников трудно»

Пока Володя служил, в Доме пионеров многое переменялось. Появились новые люди. Но он с удовольствием отметил, что настрой, атмосфера серьезности в работе почти всех кружков остались прежними. Почти сразу он нашел общий язык с директором Дома пионеров Раисой Иосифовной Дистилатор. Об этом человеке стоит сказать особо.

Когда в планерный кружок Вьюгова стали приходиться плечистые ребята — лет так 16—17, — она сразу отнеслась к этому, как к чему-то естественному, закономерному. Кое-кого смущало: Дом пионеров и подростки, которые уже нередко зарплату получают! Ее — нисколько!

— Пусть приходят. Я бы всех сюда сама за руку привела, если б пошли! Мы много говорим о проблеме подростков, а Вьюгов ее практически решает!

Раиса Иосифовна менее всего похожа на традиционных директоров. Среднего роста, изящная, очень женственная. Над высоким лбом копна черных вьющихся волос, глаза необыкновенно живые. Золотые часы-браслетик. В одежде — тонкость, вкус. Голос — мягкий, но с решительными нотками. Трудно вообразить Раису Иосифовну в среде подростков вожакom. Но буквально сразу в ее отношениях с ними обнаруживалась естественность и материнскую простоту, в которой и необходимая дистанция и умное равенство.

во. То есть то самое, на что охотнее всего отзываются взрослеющие юнцы.

Р. И. Дистиллятор шестым чувством угадала, какое сокровище досталось ей в лице Бьюгова. И Володя с его художнической натурой, с его прямодушием и острой тягой к интеллигентности понял, что и ему крепко повезло с начальством.

Бьюгов и Раиса Иосифовна ребячьи кружки стремятся сделать своего рода подростковыми «академиями», пробуждающими у ребят творческий дух, открывающими для них необыкновенное, казалось бы, в самом будничном. И чтоб все было взаправду, чтоб в кружке ребята встретились непременно с живым, настоящим делом. Пришли в планерный кружок — стройте планеры и летайте на них. В судомодельном — спускайте на воду корабль, чтоб плавать. В автокружке овладевайте вождением машины, мотоцикла и т. д. В жизни пригодится!

— В наше время люди летают в космос! — говорит Володя. — А у нас предельная высота 50 метров. Но мы не стремимся ставить рекорды. Потому что преследуем другую цель. Пока парню 14—16 лет, его выше 50 метров просто нельзя пускать. Но если ему все равно летать, так пусть начинает раньше. Ведь это будущие мужчины, солдаты! В планерном кружке они учатся быть бойцами не на словах, а через дело!.. Планерист чувствует крылья машины, как часть самого себя. Одним словом, я стремлюсь не просто научить парней летать, но морально подготовить их к полету, привить необходимые авиатору качества, любовь к традициям. А в итоге — дать каждому чувство собственных крыльев.

Теперь никто уже не удивляется, встречая в Лысьвенском Доме пионеров, рядом с четвероклассниками и шестиклассниками типа Салли Бачурина, парней допризывного возраста.

Переходный возраст — проба сил

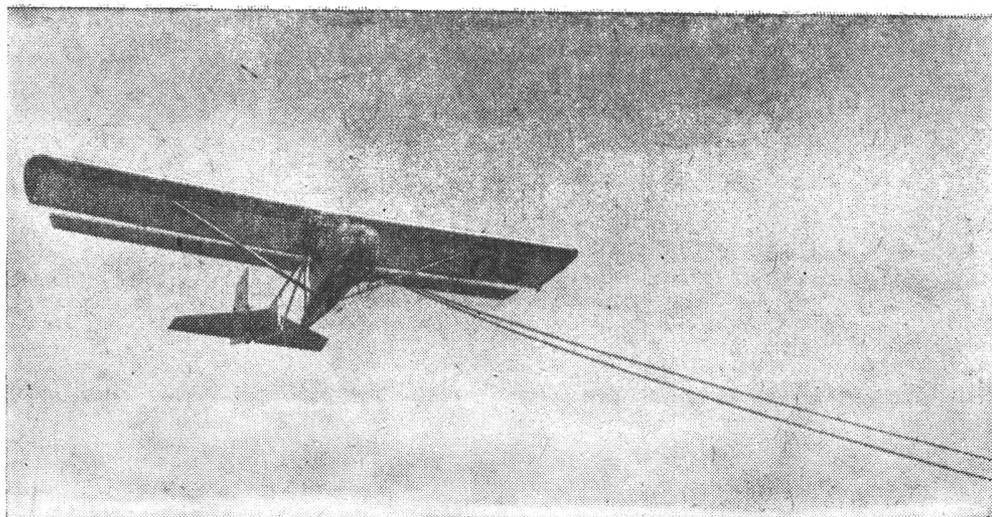
— Что значит у нас летать? — Володя сбил чуб на глаза. — Вначале это значит чертить, строгать, клеить, вести расчеты, шлифовать. Пройти через все азы всерьез. Летчик — прежде всего работяга! Авиация — это адский труд плюс высокая техническая грамотность. Летчик не может быть белоручкой. Ребята пришли в кружок. Они нетерпеливы. Ждут немного теории, затем сразу — в кабину. Сдули пыльцу с приборной доски — можно лететь! Нет, в авиации нужно все делать самому! По крайней мере, уметь делать! Уметь все! Будешь и летать, но вначале ты должен научиться гвозди выправлять. Вначале нужно его сделать, планер, и притом — самым лучшим образом. По-авиационному — «на отлично!» Иначе машина не взлетит!..

Говорит Володя глуховатым, даже несколько монотонным голосом. Но у него необыкновенная способность возвращать «затертым» словам их первоначальный высокий смысл и значимость. И требовательность его к ребятам — это требовательность не наставника, а старшего товарища.

— Во многих машинах, построенных в кружке, я не покажу ни одного своего гвоздя. Все делали парни. Мои красавцы! Им летать. Они прекрасно чертят. Ведут довольно сложные расчеты, умеют делать точную работу. Разбираются в сталях, в свойствах древесины. Правда, случается и беспорядок. Любят поработать, а прибрать ленятся. Арифмометр принес — разобрали, вывели из строя, а не собрали. Не без этого!

В класс ребята приходят после занятий в

школе, после работы в течение всей недели, кроме воскресенья. Засиживаются иной раз до десяти вечера. Рады бы вообще не уходить! Володя и сам нередко забывает о времени. Но приходит сторожика и напоминает, что пора закрывать помещение.

— Переходный возраст — проба сил! — говорит Володя. — Мы построили несколько планеров, испытали их в воздухе. Но ребятам захотелось проверить себя: могут ли построить нечто посерьезнее? Так появился наш «Аист». Я волновался: а вдруг не взлетит? Сел в кабину. Лица у парней серьезные. Включил мотор — самолет послушно пошел на разбег. Полетел. Позже «Аист» отправился на ВДНХ в Москву, на выставку детского технического творчества. — Возвратился в Лысьву с отличными отзывами, дипломом и медалью. В журнале «Моделист-конструктор» даже появились чертежи и технические характеристики «Аиста». Но старенький мотор скоро вышел из строя. А другого достать пока не можем.

Снабжение кружка — вопрос самый трудный и пока неразрешимый. Добываем списанный инструмент, древесину, полотно и другие материалы где только возможно. Кое-что делаем сами. Например, понадобились оцинкованные гвозди — сами оцинковали.

Ныне Володя увлек парней новой мечтой — «Соколом».

— Он будет лучше «Аиста»!

Мальчишки вместе с Володей подолгу ведут расчеты, «колдуют» над каждой деталью, строят, пилат, клеят.

Фактически в этой тесной комнатке происходит замечательнейшее из чудес — становление личности. Младшие и старшие ребята заняты одним делом. При этом старшие помогают младшим, а те, в свою очередь, учатся у старших. К новичку непременно приставлен «старичок» — шеф.

Задания у старших и младших, естественно, разные: у первых — летная практика, у вторых — теоретическая подготовка, наземные тренировки.

Воскресенье — день полетов! Ребята прибегают ранним утром. Начинается сборка плане-

ров. Машины переносятся с маленького дворика на шоссе, устанавливаются на тележки. Парни занимают посты у крыльев, у хвостового оперения. Володя садится на мотоцикл. В эту минуту он выглядит живописно: старая флотская фланелевка, спортивные джинсы, кеды. На голове — белая каска, пылезащитные очки. Зимой — теплая куртка, шапка. «Внимание! — Он взмахивает рукой. — Можно трогаться!»

Через весь городок колонна планеров движется к стартовому полю. Дорога нелегкая! Она требует внимания. Планер — вещь хрупкая. А улицы полны транспорта.

Остаются позади городские окраины, шоссе вырывается на простор полей. Дорога пошла в гору. Тянуть становится все тяжелее.

До вершины, вроде бы, рукой подать, а ребята все идут, идут, впрягшись в лямки, тянут планеры.

Летом полеты проходят на склоне обычного, совхозного поля, не занятого посевами. Поздней осенью, зимой и ранней весной можно выбрать более удобное место для старта — в зависимости от направления ветра.

...Место старта обозначено тремя флажками. Один у хвостового оперения планера, два — по бокам, у крыльев.

Ветер натянул красное полотнище. Работа кипит. Кто-то из парней уже нарядился в Володину каску и по-командирски машет руками, кто-то крепит хвостовые грузики, кто-то поддерживает крыло, пока Володя проверяет исправность приборной доски.

На месте старта Володя преображается.

— Смирно! — командует он. — На первый-второй рассчитайсь!

Парни вытягиваются в ровную ниточку. Они разбиты на звенья, звенья составляют эскадрилью. Есть командиры, Володя объявляет полетные задания, состав стартовой команды, кто полетит первым, вторым... Приказы инструктора не обсуждаются. Случается, что запускать планер кому-то из ребят приходится много раз, а самому полететь так и не удается. Никто не обижается. Инструктор лучше знает, кто может, кто должен лететь.

— Полет у нас — высший приз! — говорит он. Один за другим ныряют в кабину «счастливычки». По траве пролегли отчетливые борозды — следы взлета и приземления планеров.

Планер на финише. Юный пилот стоит, грациозно опершись на крыло. Улыбка говорит о многом: хорошо посадил машину! Осанку, лицо — все хочется запечатлеть фотоаппаратом.

Здесь, в поле, «разговаривают», как принято в авиации, жестами. Пилот поднял левую руку: «Готов». Взмах руки инструктора: «Стартовая команда тоже готова». И вот инструктор, уже голосом, дает последнее напутствие:

— Поднимешься на пять метров, Слава! Сразу всю ручку не выжимай. Экономней! Иначе — носом в землю. Понял?

Ребята потянули амортизатор.

Взмах руки: «Пошел!»

Словно камешек из рогатки, выстреливает в воздух планер и со свистом пронесется над головами ребят. На секунду он как бы зависает в высшей точке, затем переходит в ровное планирование, плавно скользит над склоном холма. Полет беззвучен. Только ветер бьет в лицо. Эти несколько десятков секунд пилоту кажутся минутами. В полете у него масса обязанностей: внимание — на приборную доску, на ориентиры, на управление. За летящим следят десятки глаз.

— Завис! — сообщает Толик Липнягов.

— Ударчик будет того! — подхватывают рядом.

— Сел на четверку с большим минусом! — заключает инструктор.

Уходят с поля так же, как прибыли. Устали, но никто не отлынивает. Сматывают резину, вытаскивают флажки, все стартовое имущество аккуратно складывают в коляску мотоцикла. Подводят тележки под планеры, и снова движется колонна крылатых машин по дороге Кунгур — Лысьва.

Двадцатый старт — пожалуй, самый важный момент в жизни каждого учлета. Это — признанье! Это значит, что парень стал ровнен с инструктором, усвоив букварь планериста «на отлично». С годами выработался своеобразный ритуал — именинника поздравляют, раза три качнут по традиции, и в награду — дополнительный, двадцать первый полет! Тут уж стартовики стараются вовсю, обеспечивая счастливицу наибольшую высоту планирования.

Редкий пацан удержится, чтобы, однажды увидев, как летит товарищ, не научиться летать самому. Каждый год кружок пополняется все новыми и новыми подростками. Хотя о любви к небу здесь не говорят.

— В авиации нет «ахов», — любит повторять Володя. — Летчик в небе занят делом! Такая же работа, как всякая другая! Только лучшая. — И добавляет: — Для меня!

Зачем такая самодеятельность?

— Знаете, а мы ведь крамольники! — объявила вдруг однажды Раиса Иосифовна. — ДОСААФ нас запретил!

— То есть как запретил?

— А так. Не положено нам до восемнадцати лет подниматься в небо!

— Но вы же поднимаетесь!

— На свой страх и риск! Все, конечно, знают, что мы летаем. Но — не дай бог, «ЧП»! У ДОСААФ инструкция, по которой мы с Володей за все в ответе!

— Ничего не случится! — Володя вмешивается в разговор весьма решительно, и по его тону я догадываюсь, что разговор этот не первый. Да и было бы странно, если бы он не заходил. Ведь не чурбачки и не манекены усаживают Выюгов в кабину планера, а живых подростков.

Раиса Иосифовна вдруг выходит из себя:

— Мне все время говорят: зачем столько усилий и ответственности? Строили бы себе маленькие модельки, их можно демонстрировать на соревнованиях, показать на выставке. Даже на ВДНХ! Вот наша беда — нам только бы показать!

У Володи на лбу обозначается глубокая складка.

— Ничего не случится! — повторяет он упрямо. — За девять лет ни одного «ЧП»!

— А я не решаюсь так говорить! — в голосе Раисы Иосифовны звучит неподдельный испуг. — Я женщина, знаете, и немного суеверна!

— Не должно быть! — смягчает формулировку Володя. Встает и делает несколько крупных шагов по комнате. — Вот лозунг: «От модели — к планеру, с планера — на самолет!» Очень грамотный лозунг. Ему обеспечена долгая жизнь! Я в этом уверен, хотя кое-кто не прочь его сдать в архив. Рассуждают как: в тридцатые годы надо было организовать призыв молодежи в авиацию. Агитировать надо было за нее. А теперь у нас принимают не всех, а лучших. Отбор, система. Так что время этого лозунга прошло. Я считаю — неверно это. Смотрите: занялся пацан модельками. Построил одну, другую, третью. Мы с этого начинаем! Но вот он подросток. Что ж ему, остановиться, не идти дальше?! Почему, например, не построить планер?! А построен, почему не полететь на нем?! Приятно смотреть, как летит модель, но совсем другое дело, когда летишь сам. Я понимаю парней. Это же невероятное ощущение — управлять полетом! Далее: ребята приходят, ничего не умея, а в кружке становятся технически грамотными, умелыми людьми. Но и это еще не все. — Володя подходит к одной из полок. — Здесь у нас много страшных инструментов — страшных в том смысле, что каждым можно причинить вред человеку. Опасно давать в руки подросткам! Переходный возраст! То да сел..

Вы спросите, зачем такая самодеятельность, когда есть государственные планерные клубы?! Аэроклубы? Да, есть! Там замечательные машины — скоростные отечественные планеры-парители. Летают здорово! Ставят рекорды! Запускают их мощными лебедками, пороховыми ускорителями. Транспортируют при помощи самолетов. Но там — с восемнадцати лет. До — ни-ни! Так что ж, пацану до восемнадцати лет вот такой козырек сшить, чтоб неба не видел?! Инструкция? Правильно! Я сам за инструкцию! В авиации инструкция — не формальность. Но тут не подходит лозунг «Все мое время». — В голосе Володи слышится боль и горечь. — У нас всегда «все мое время». Я против того, чтобы сидеть на печке и мечтать о космосе. Многие наши кружки только тем и занимаются, что рисуют картинки, пишут письма космонавтам и говорят,

говорят. А увлеченность ребят подменяют игрой в авиацию. Да и делается это казенно. У нас нет игры. Все всерьез. И ребята видят свою перспективу. В ДОСААФ же машут руками: «Риск! Ответственность!» Но ведь и я про то же: про ответственность за человека! Его же надо вырастить, воспитать. И этот процесс начинается раньше, чем успеет время принять его в авиаклуб. Что до риска, то есть клубы охотников, рыбаков, автомотоклубы. Вполне земные. Я убежден, что ЧП и в них возможны. Но люди рискуют. Потому что в жизни нужны крепкие, не боящиеся риска мужчины. Сама жизнь требует этого! Война, кажется, еще не снята с повестки дня! И потом, разве лучше, если парни берутся за ножи совсем с иной целью, чем изготовление винта к самолету!

У нас в городе в «бутузку» нередко приводят подростков. Хулиганят, дерутся, воруют. От безделья, от неумения найти себя в жизни. И что же — смотреть и вздыхать? В нашем планерном деле риска не больше! Даже меньше. У моих парней мечта начинает сбываться! Они уже летают. Пусть всего на 50 метров поднимаются в небо. Зато потом полетят выше!

Медкомиссии и другие обстоятельства могут вынести другое решение. Но стремление посвятить себя авиации у многих ребят убежденное и неслучайное. Стал стрелком-радистом Виктор Курилс. Володя Пантюхин учится сейчас в авиационном училище. Толя Перин — питомец пермского аэроклуба. Может давать показательные полеты! Володя Госман. Летает, как бог! Инструктор автомобильного кружка бился год с распределительной коробкой. Госман разобрал и настроил. Утер нос руководителю.

От любви к планеризму до смерти не вылететь! Это точно! Однажды в КВН было задание: спроектировать машину будущего. А чего ее проектировать! По мне машина будущего та, в которой ездит или летает это самое будущее. Чем в этом смысле наш планер — не машина будущего?!

Мечты и прожекты

Вечером в воскресенье мы сидим с Вьюговым в планерном классе и разговариваем. Настроение у Володи превосходное. После полетов всегда такое! Он достает несколько картонок — его собственные этюды. В большинстве — осенние яркие пейзажи. Настроение солнечной праздничности, «воздух» с прозрачными паутинками, завершенность и покой в природе — отчетливы в его композициях.

— Я уверен, — с горячностью говорит он, — что доживу до того дня! Вот увидите — будет когда-нибудь в Лысьве планерный клуб. Может стану уже седой, все равно обрадуюсь. Ну, почему его не открыть?! Молодежи полно! Можно такое развернуть!.. А пока этого нет — почему бы просто не понять нас? А поняв — почему не помочь?! Я часто мысленно рисую себе такую картину: на нашем лысьвенском аэродроме какие-то определенные часы отданы моим парням. Планеры в ангарах. Мы приходим, выводим их на старт. Запускаем лебедкой. Наблюдаем полет по кругу. Красота! Незадолго до этого меня вызывают в Пермь или Н. Тагил на курсы, дают возможность полетать на добрых машинах, а затем вручают права инструктора — все честь по чести! Мы б тогда зажили!.. — и вдруг отвлекается и вновь начинает объяснять, что планерный класс — не мастерские, что здесь нет конвейера, и вся ставка на мастерство ребят, на творческий подход к делу.

Мне припоминается изречение: «Время — это пространство для развития своих способностей». Но, вероятно, юному человеку мало одного только времени. Очень нужно кое-что еще!..

...Володя любит повторять, что для удачного старта планеру нужен южный ветер. А я думаю, что для удачного старта юного человека в жизни ему нужна дружба со старшим другом, таким, как Володя — живой, конкретный пример страстной влюбленности в свою мечту.

Искусство

советских республик

ИЗАБЕЛЛА КРОЛЛИС

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Латвийская ССР

«...Я велел поставить паруса, и вскоре мы, раздвигая льды, пошли на север на всех парах и под всеми парусами, какие только у нас имелись. Теперь нужно было победить мыс Челюскина!.. Высоко над водой было уединенно и тихо. На бледнеющем небе мерцала ярко и печально звезда, одна единственная, над самым мысом Челюскина. И по мере того как мы шли дальше, мыс все отчетливее выдвигался на востоке, а звезда передвигалась вместе с нами, все время озаряя путь. Я не в силах был оторвать от нее взгляда. Она словно притягивала к себе,

утешала и навевала спокойствие... Много мыслей пронеслось в голове, пока «Фрам» в унылом ночном сумраке стремился к самому северному мысу Старого Света... С восходом солнца рассеялись чары колдуна-Челюскина, который так долго сковывал наши мысли. Препграда, грозившая зимовкой у этого берега, раздалась. Путь, уводивший нас из земного плена у этих берегов прямо к цели — к дрейфующим льдам, на север от Новосибирских островов, был открыт».

Эти строки написаны знаменитым полярным исследователем Фритьофом Нансенем. Его

НА САМОМ СЕВЕРЕ...

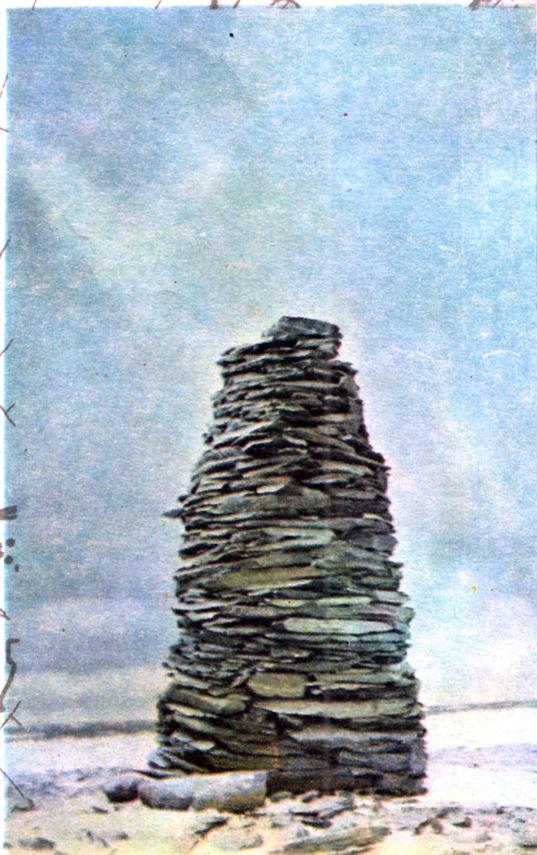
экспедиция на «Фраме» перевернула привычные тогда представления об Арктике. Теперь советские ученые покорили и те области Ледовитого океана, куда не смог в 1893—1896 гг. проникнуть Нансен и его товарищи.

А Челюскин стал значительно ближе. Мощные ледоколы ведут мимо его караваны судов. Воздушные линии связали мыс с городами нашей страны и нам потребовалось всего три часа лету, чтобы преодолеть расстояние от Диксона до самой северной точки материка.

А. НАГИБИН,

спец. корр. «Уральского следопыта»

Фото автора.

САМАЯ СЕВЕРНАЯ ТОЧКА МАТЕРИКА

РАННЕЕ УТРО НА ДИКСОНЕ

Искусство
советских республик

ЗИГУРД ЗУЗЕ
НЕПОГОДА

АИНА ЛУБГАНЭ
ИГРАЮЩИИ НА СВИРЕЛИ

ПЕРВАЯ УРАЛЬСКАЯ

В обширном собрании уникальных документов научного архива Географического общества СССР хранятся более 120 лет четыре объемистых тома рукописных материалов. На их титульных листах значится: фонд 1, дело № 5, «О снаряжении экспедиции для исследования Северного Урала». Одно из первых «дел» Географического общества, учрежденного в 1845 году. Листая тома, как бы становишься свидетелем крупного научного события середины прошлого века — начала широкой экспедиционной деятельности Географического общества, первого опыта его самостоятельной деятельности и первой его славы.

Уже в первые месяцы своего существования совет общества рассмотрел проект организации научной экспедиции «для исследования границ между Европой и Азией на всем протяжении Северного Урала», внесенный К. М. Бэрром, Ф. П. Врангелем, Г. П. Гельмерсеном, А. А. Кайзерлингом, А. Ф. Миддендорфом.

Э. К. Гофман

Авторы проекта не сомневались, что изучение Северного Урала «привлечет всеобщее внимание, а выполненные там наблюдения будут иметь всю занимательность новизны». Они писали: «Об Уральском хребте известно уже столько, что мысль, будто он постепенно понижается к северу и, наконец, теряется в однообразных не заслуживающих внимания болотах, почитается ныне баснею... Направив в эту полярную область научную экспедицию, Географическое общество может окончательно разрешить важную географическую задачу».

Урал в географическом отношении был тогда изучен еще очень слабо, и проект экспедиции отвечал насущным потребностям времени. Тем более, что он предусматривал комплексное исследование района по широкой программе: в нее включались вопросы геодезии, геологии, гидрографии, ботаники, зоологии, этнографии.

Совет общества одобрил проект. Почти год ушел на подготовку экспедиции. Крупнейшие ученые того времени принимали непосредственное участие в этой работе. Академики А. Купфер и Э. Ленц разработали инструкцию по комплексу физических исследований, академик А. Ф. Миддендорф снабдил экспедицию обстоятельной программой зоологических исследований, академик Г. П. Гельмерсен, виднейший геолог того времени, совместно с горным инженером Э. К. Гофманом составил инструкцию по геологии; программа этнографических работ была предложена знаменитым К. М. Бэрром.

Общая инструкция ставила главной задачей экспедиции «Собирание материалов к составлению по возможности верной карты и подробного описания в физическом и естественно-испытательном отношении Урала и обих его склонов в пределах: к югу — 50-й градус

широты, к северу — Ледовитое море, к востоку — черта, проведенная от Богословска к Березову и оттуда течение реки Оби, к западу — реки Колва, Вишера, Печора до впадения в нее Усы, Уса и Коротаихи».

В течение двух лет предстояло обследовать 12 тысяч квадратных километров труднодоступной территории.

Экспедицию возглавил профессор минералогии и геологии Петербургского университета, горный инженер Эрнст Карлович Гофман. Выбор был не случайным. За плечами у Гофмана уже были тысячи километров плодотворных путешествий. Это он сопровождал Отто Коцебу в его знаменитом кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие», проделал труднейшие маршруты по Южному Уралу, Сибири, Карелии, Финляндии.

Экспедиционную группу Гофмана составили не менее опытные и энергичные исследователи — горный инженер Стражевский, ранее уже посетивший Северный Урал, магистр астрономии Ковальский, ставший впоследствии профессором Казанского университета, естествоиспытатель Брандт — участник известной Сибирской экспедиции Миддендорфа, топографы военного ведомства Брагин и Юрьев. Позднее, в 1850 году, к ним присоединился художник Бермелев.

17 апреля 1847 года начались полевые работы экспедиции. В этот день Гофман прибыл на исходный пункт маршрута — в город Чердынь.

Страницы архивного дела рассказывают о трудностях, которые встречались экспедиции на каждом шагу ее продвижения. Трудно было добывать продовольствие, доставать лошадей и оленей, терпеть лишения, связанные с суровыми природными условиями.

В одном из донесений Гофман писал: «От кровожадных врагов человека на севере — ко-

маров нет спасения. Они не находились в столь огромном количестве ни в камышах Каспийского моря, ни в тайге Восточной Сибири и Камчатки, ни в Бразилии, ни в бамбуковых рощах на островах Люсан (Тихий океан). Путешествие по Уралу сопряжено со многими лишениями, но они все забываются и даже оставляют в воспоминании приятное чувство, но претерпеваемую от комаров муку забыть нельзя».

Но трудности не сломили мужества участников экспедиции, их стремления к достижению цели.

Много раз им приходилось пользоваться своеобразным таежным «сервисом» в охотничьих избушках — там они находили запасы пищи и оставляли взамен деньги, чтобы не нарушать обычая местных жителей, основанного на честности и доверии. Чувством глубокой благодарности и признательности проникнуты отзывы Гофмана о коренных жителях Северного Урала, оказывавших экспедиции неоценимую помощь. Вот что писал Гофман о таежном охотнике Собенине: «С веселым сердцем и с небольшим запасом пускается он в дорогу; сеть и ружье должны прокормить его. Камень служит ему изголовьем, когда он уснет, накинув на голову и на плечи армяк. Развесистая сосна — защищает его от дождя и непогоды. Живительное «авось» доводит его иногда до отчаянного положения, но «не бойся» является к нему на помощь. Никогда он не покинет приятеля, хотя бы пришлось заплатить жизнью. Путешественник не может желать лучшего проводника и спутника. Он идет через лес и болото, сквозь огонь и воду, заботясь о себе самом всего менее».

Результаты экспедиции по своей разносторонности, новизне и научной ценности были замечательными. Их по достоинству оценили в свое время, но и сейчас они не утратили своего значения — это богатейшее собрание сведений по геоморфологии, геологии, гидрографии, растительному и животному миру Приполярного и Полярного Урала. Экспедиция открыла хребет Пай-Хой и установила высокогорный характер рельефа его осевой зоны, провела

Ненецкая девушка.
Рисунок художника Бермелева

первое геоботаническое районирование Северного Урала, собрала уникальный этнографический материал о ненцах, ханты и коми. Типы аборигенов края запечатлел в своих прекрасных рисунках художник Бермелев, они достойно украсили издания трудов экспедиции. Ценные натурные зарисовки оставил также зоолог Брандт.

Экспедиция Гофмана составила и издала в 1852 году «Карту Северного Урала и берегового хребта Пай-Хой» — первую картографическую работу Географического общества. Она оказала большое влияние на развитие отечественной картографии.

Первая полярная Уральская экспедиция была для своего времени выдающимся научным событием. После издания ее трудов, вышедших в двух томах на русском и немецком языках, она привлекла к себе внимание широких научных кругов России. Высоко отозвался о ней тогда еще молодой ученый Д. И. Менделеев. Он по-

местил в журнале Министерства народного просвещения статью-рецензию на книгу Гофмана «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой». Путешествия, писал Менделеев, «возбуждают все наши духовные силы, расширяют умственный горизонт и, знакомя нас с природой и людьми в их многообразии, воздерживают нас от произвола в суждениях и взглядах на вещи... Кто не знает, например, как полезен в детстве Робинзон, кто не задумывался над путешествиями тех героев-странствователей, которые бестрепетно, во имя науки, несли жизнь свою на жертву бурям и льдам в предположные страны... Путешествия производят самое благодетельное влияние на людей всех возрастов и времен».

Признание выдающихся заслуг Гофмана в руководстве экспедицией выразилось в присуждении ему высшей награды Географического общества — Константиновской медали.

Т. МАТВЕЕВА

Эту историю рассказали мне на одной радиолокационной точке, куда я приезжал по делам службы.

...«Вот, проскочили!..— с досадой подумал летчик, совсем еще молодой парень, Сергей Огнев,— не рассчитал малость... И синоптики на этот раз не ошиблись...» Он оглянулся назад. В салоне сидело четверо геологов, возвращавшихся из отдаленного таежного района.

Тучи, словно их нарочно настелили в несколько слоев, не кончались. Сперва они закрывали небо только сверху. Тайга еще была видна. Потом затянуло и снизу. «Даже если назад вернуться — не уйти от грозы»,— подумал летчик.

Ветер крепчал. «АН-2» изо всех сил боролся с потоками воздуха. Он подпрыгивал, кренился то на одну, то на другую сторону. По корпусу машины уже давно барабанил дождь.

— Приличная болтанка! — прокричал за спиной летчика бородатый геолог.

Сергей кивнул, но в этот момент самолет так трянуло, что он едва удержал штурвал. Раздался сильный раскат грома. Вспышка молнии залила все вокруг ослепительным светом.

Стрелки приборов беспорядочно метались.

«Бесполезно сейчас по ним ориентироваться»,— с тревогой думал летчик.

«А геологи молодцы, не раскисли...» Сергею вдруг представилось, что где-то высоко над ними, за десятком слоев грозовой облачности светит яркое солнце.

Теперь, чтобы видеть солнце завтра, послезавтра и вообще всегда, он должен суметь вывести самолет из грозы.

В наушниках стоял треск, резавший барабанные перепонки. Иногда сквозь шум и разряды доносились обрывки фраз, по которым ничего нельзя было понять. Сергей сдернул с головы шлем. «Главное не врезаться...» Два часа борется со стихией маленький, исхлестанный ветрами и ливнями самолет. Сергей решил немного снизиться, но у земли в грозу ветры тоже сильные. Зато чуть-чуть проступили размытые косыми струями дождя контуры тайги.

Местоположения самолета Сергей не знал. Он взглянул на радиокompас, и неприятный холодок пополз по спине. Стрелка радиокompаса беспомощно болталась, видно, когда проходили фронтальную грозу, близкий удар молнии вывел прибор из строя.

«Куда же идти дальше? — озабоченно подумал Сергей.— И горючего в обрез...» Грозовые разряды сверкали уже по-

зади. Самолет пошел ровнее. Внизу по-прежнему было затянутое пеленой зеленое море тайги и ни одного пятанка, где бы можно приземлиться. Сергей оглянулся. Лица пассажиров выделялись на темной стенке салона белыми пятнами. Он надел шлем с наушниками. Сквозь все еще сильные шорохи и трески услышал свой позывной.

— 705... 705...— повторял далекий голос радиста.— Как меня слышите? Как слышите? 705... 705...

— Я — 705, вас слышу. Слышу! — закричал Сергей.

— 705! 705! Вы удалились...

— У меня не работает радиоконпас.

— 705, вас сопровождает военный радиолокатор, слушайте наши команды...

...Мощный невидимый луч шарит в серой пелене над лесом. Отыскать маленький затерявшийся самолет в безбрежном воздушном океане среди грозовых облаков, да еще на малой высоте,— задача не из легких. Но в самолете люди, прошедшие в тайге не один месяц и теперь, на пороге дома, подвергшиеся серьезной опасности.

— И нужно было лететь в такую круговерть,— сердито ворчит ефрейтор Агафонов. Маленький, юркий, обычно на редкость разговорчивый, он сосредоточенно следит за локатором. Экран весь засвечен сигналами, отраженными от местных предметов, белыми ошметками легли отражения от грозовых облаков.

Еле заметными движениями штурвала Агафонов покачивает антенну. Впился глазами в экран. Цели нет. «А если у них там горячее на исходе?.. Выйдет из зоны обнаружения, тогда — хана!..» — беспокоится ефрейтор. До рези в глазах всматривается в экран.

Но вот на фоне многих ярких отметок от холмов, труб и облаков на краю экрана одна светящаяся черточка показалась ему подозрительной. Она пульсировала чуть-чуть сильнее других.

— Есть цель! — радостно закричал Агафонов.— Есть цель!

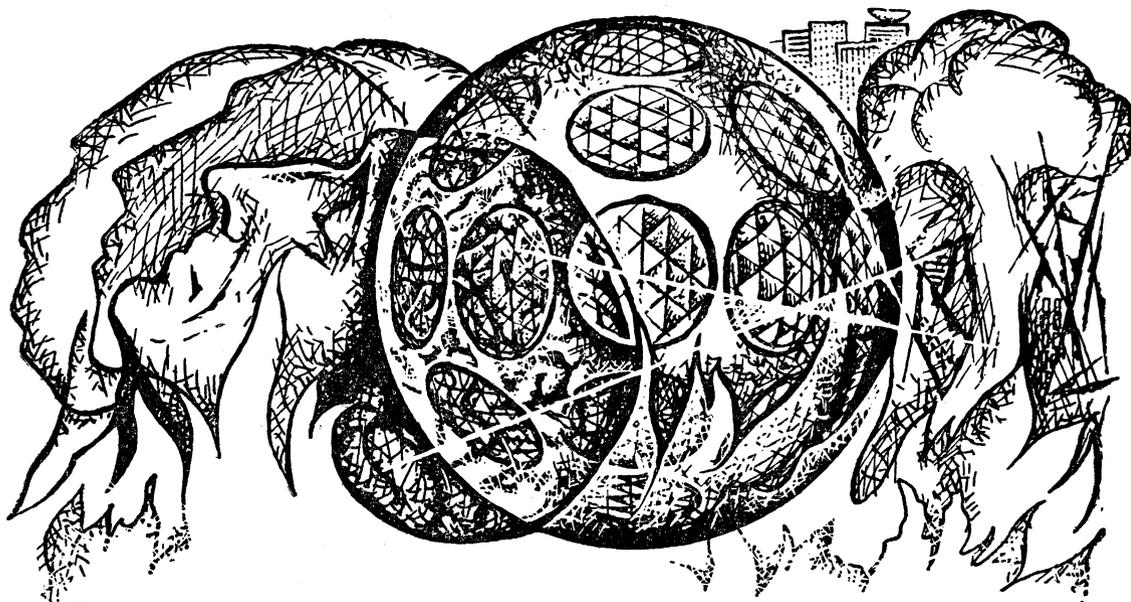
Сигнал от самолета иногда терялся в белых пятнах помех, но Агафонов — недаром он считался лучшим оператором локатора — чутьем угадывал его отметку на экране. Постепенно отметка стала расти.

— То-то,— благодушно усмехнулся Агафонов и подмигнул соседу, молодому оператору: — Учись, браток, пока я добрый!

Направляемый невидимой рукой, заблудившийся «АН-2» шел по лучу на аэродром. Когда он совершил посадку, в баках оставалось горючего всего на несколько минут полета.

В. САМСОНОВ, подполковник

Рисунки Ф. Божко

ОКНО В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Научно-фантастический рассказ

А. ШАЛИМОВ

Рисунки В. Сыкова

— Как вам удалось снять этот фильм, профессор? Многие кадры создают иллюзию подлинной природы... Хотя бы та кошмарная сцена, когда ночное чудовище пожирает маленького дикаря...

Профессор Сатаяна наклонил голову и вежливо улыбнулся.

— Ваш вопрос прозвучал комплиментом, мсье Валлон. Однако я должен внести маленькую ясность. Все это именно, как вы изволили сказать, натура. Никаких... э-э... трюков. Все именно так и было.

— Но это невозможно!

— Извините. Постараюсь убедить вас, что возможно. И не скрою, я надеюсь на вашу помощь.

— Что именно вы имеете в виду? Рекламу фильма?

Сатаяна сделал пренебрежительный жест маленькой пухлой рукой:

— О нет, я пока не думаю предавать его гласности...

— Напрасно. Фильм может иметь ошеломляющий успех. Он принес бы славу и деньги.

— Благодарю. Но речь пойдет о другом. Совершенно о другом. Мне надо внести некоторые конструктивные изменения в аппаратуру. Я имею в виду аппаратуру для видеомагнитной записи. Нужны большие скорости...

— Это не проблема,

— Увы, для меня проблема. Нужны очень большие скорости записи.

— Например?

— Сотни тысяч кадров в секунду.

— Сотни тысяч?

— А еще лучше миллионы, даже сотни миллионов.

— О-о, это фантастика, профессор!

— Многие инженеры считают такие скорости фантастикой. Пока считают... Но при одной из ваших телевизионных студий, мсье Валлон, есть отличное конструкторское бюро, и я думал, что, например, инженер Жак Эстергом...

— Вы его знаете?

— Слышал... о его работах.

Франсуа Валлон испытующе глянул на собеседника. На круглом коричневато-желтом лице профессора Сатаяны не дрогнул ни один мускул. Та же застывшая вежливая улыбка, лишь в глубине глаз, за толстыми стеклами очков, настороженное ожидание.

«Без сомнения, для него очень важен мой ответ,— размышлял Валлон.— Странно, биохимик и известный психиатр интересуется техникой кино и телевидения... А этот его фильм — жуткая фантазмагория, рядом с которой любой боевик ужасов — наивная детская сказка! Я сорок лет связан с телевидением и кино, но я даже не подозревал, что на пленке можно запечатлеть такое...»

Невероятная реальность... Как он снимал этот фильм?..»

— Жак Эстергом — талантливый конструктор,— сказал наконец кинопромышленник.— Я очень ценю его. Он немало сделал для усовершенствования аппаратуры, особенно в области объемного изображения... Но ваши требования, профессор... Такой орешек не по зубам даже Жаку.

— Объемность изображения — это как раз то, что мне необходимо,— быстро прервал Сатаяна.— Объемность изображения и скорость... Очень большая скорость... Извините, что перебил вас.

Франсуа Валлон пожал массивными плечами.

— Я же сказал... И кроме того, господин профессор, буду откровенен: если я и сочту возможным позволить Жаку Эстергому заняться решением интересующего вас вопроса... частичным решением, разумеется, ибо речь может идти только о некотором увеличении уже достигнутых скоростей видеозаписи... Я должен буду знать цели этой работы: вашу цель, профессор, и... мою цель. Другими словами, что это может принести фирме, фирме Франсуа Валлона?

— Я ждал этого вопроса,— кивнул Сатаяна, продолжая вежливо улыбаться.— Очень высокие скорости съемки дадут вам возможность... при моей помощи, конечно... создавать без большого труда и затрат фильмы, подобные только что виденному вами. И, уверяю вас, их стилистическое и сюжетное разнообразие будет несравненно более богатым, чем если бы на вас работали тысячи талантливых сценаристов. Вам вообще не понадобятся больше сценаристы, режиссеры, операторы, даже актеры, не понадобятся статисты, декорации, дорогостоящие выезды для натурных съемок. Вы будете снимать ваши фильмы в небольшой уютной лаборатории со штатом всего в несколько человек. Потом — опытный монтажер, озвучивание — и можно печатать копии. Впрочем, я полагаю, что и проблему озвучивания удалось бы в дальнейшем значительно усовершенствовать. Удешевить, выражаясь коммерческим языком...

«Кажется, я напрасно потерял время,— подумал Франсуа Валлон.— Сейчас он попросит денег на усовершенствование его собственной аппаратуры, и я прикажу секретарю проводить его... Сколько раз давал себе слово не связываться с маньяками... А фильм занятый... За этот фильм ему можно было бы заплатить...»

Валлон поднял глаза к потолку, прикидывая, сколько можно заплатить за фильм профессора Сатаяны.

— Разумеется,— продолжал после короткого молчания профессор,— наше соглашение мы будем сохранять в тайне. В строжайшей тайне... И Жак Эстергом...

— Насколько я понимаю,— с легким раздражением прервал Валлон,— мы еще ни о чем не договорились. Кроме того, вы не полностью ответили на мой вопрос. Вы забыли сказать о себе. Какова ваша цель?

Зубы Сатаяны блеснули в ослепляющей улыбке.

— Мы, ученые, очень скромны, уважаемый мсье Валлон. Я надеюсь, что моя маленькая цель не представит для вас интереса.

— Гм... А ваши условия?

— Никаких условий, мсье Валлон. Только

просьба, чтобы Жак Эстергом занялся усовершенствованием интересующей меня аппаратуры.

— Ну, а прочие условия?

— Никаких...

— Значит, если я вас правильно понял, вы собираетесь сделать подарок фирме Валлон и К^о?

— Вы слишком любезны, мсье Валлон... То, что вы изволили назвать подарком,— «отходы производства», не более.

— Отходы производства?

— Да... Отснятый материал, из которого в ваших студиях будут монтировать фильмы, я стану передавать вам после соответствующего... изучения. А в необходимых случаях я буду оставлять себе копии.

— Не понимаю...

— Вы хотите сказать, что вам остается неясным источник материалов, мсье Валлон?.. Фильм, который вы видели, это видеозапись биотоков мозга... одного человека. Очень большого человека. Случай весьма интересный... Речь идет о раздвоении, а точнее, о расстройении личности. Мы пробовали помочь ему, используя токи высокой частоты, и неожиданно получили четкие видеосигналы его собственных биотоков. Их удалось записать, и вы их видели.

— Но... это отнюдь не похоже на бред сумасшедшего. Это страшно, но тут есть своя логика, смысл...

— Это часть записи лишь одной стороны его «я», мсье Валлон. Одной из трех. Каждая сторона его «я» в общепринятом понимании вполне нормальна. Мы воспринимаем как безумие нарушения взаимосвязей внутри их комплекса, определяющего личность человека. Либо, при раздвоении личности, беспорядочное смещение взаимосвязей, относящихся к разным комплексам... Впрочем, все это слишком сложно для краткого объяснения. Что же до техники записи... Отдельные видеосигналы мозга удавалось получать и раньше, не только у больных, но и у здоровых людей. Это были короткие вспышки, своего рода случайные кадры какой-то непрерывной, но не расшифровываемой ленты. По видимому, дело в огромной частоте модуляций. При заболеваниях она затормаживается, и видеосигналы фиксировать легче...

— Другими словами, профессор, вы предлагаете мне в качестве материала для фильмов бредовые видения ваших пациентов.

— Не совсем... И лишь в качестве первого шага, мсье Валлон. Если Жаку Эстергому удастся усовершенствовать аппаратуру... а я надеюсь, что он это сделает... мы сможем получать непрерывные записи видеосигналов мозга любого, да, практически каждого человека. И тогда вы откроете миллионам ваших кинозрителей подлинный внутренний мир человека — истинный, неповторимый, страшный...

— Но кто захочет раскрыть свой внутренний мир? Я имею в виду нормальных, свободных людей.

— Право, у вас нет оснований для беспокойства, дорогой мсье Валлон. Предложение при всех обстоятельствах будет превышать спрос. Люди, мечтающие заработать любой ценой, проститутки, преступники, всякого рода подонки общества... Не забывайте, внутренний мир каждого из них неповторим и никогда ни одним видом земного искусства не был раскрыт до конца. А вы, мсье Валлон, вашими фильмами раскроете

его. Вы покажете людям подлинного человека, без грима, без тайн, без какой-либо внутренней цензуры...

— Вы полагаете, мне разрешат демонстрировать такие фильмы?

— Все будет зависеть от искусства ваших монтажеров... Разумеется, придется более жестко ограничивать возраст зрителей. Но это уже мелочи. По существу, ничего не изменится. Только вместо более или менее удачных подделок вы станете торговать подлинниками. И разнообразие подлинников будет бесконечным. Никто не посмеет обвинить вас в повторении, штампах...

Профессор Сатаяна замолчал, Франсуа Валлон покосился на жесткие седые усы, испытующе поглядывая на собеседника. На лице Сатаяны застыла вежливая улыбка.

«Кажется, он слишком известный ученый, чтобы заподозрить его в мошенничестве,— думал Валлон.— Однако с другой стороны...»

— Насколько я вас понял, профессор,— сказал он вслух,— это ваше открытие может иметь значение не только для... телевидения и кино, не так ли?

— Разумеется,— кивнул Сатаяна.— Оно представляет большой интерес для всех отраслей науки и практики, занимающихся человеком, как таковым, включая полицию, церковь, органы

разведки, армию... Представьте себе, насколько бы упростился допрос преступников, шпионов, военнопленных. Я уже не говорю о контроле за лояльностью граждан. Ведь видеосигналы мозга совершенно «объективны», если в данном случае можно применить этот термин.

— Но разве человек не в состоянии как-то управлять ими?

— Нет, потому что они в основном связаны с подсознанием. При записи видеосигналов человека попросту усыпляют. Я пробовал записывать видеосигналы и в состоянии бодрствования, но запись получается двойной, и информацию, закодированную в глубине нервных клеток, глушит информация, отдачей которой человек может сознательно управлять. У людей с сильной волей информацию, закодированную в подсознании, извлечь вообще не удается, если не применять специальных средств.

— Скажите, профессор, а вы не пробовали обращаться в военное ведомство?

Впервые за все время разговора Сатаяна отвел глаза.

— Видите ли, мсье Валлон, всю свою жизнь я предпочитал не иметь дела с военными. И я не хочу, чтобы мое открытие, если, конечно, его можно назвать открытием, слишком быстро стало бы использоваться в тех целях, в каких его захотят использовать военные. Это одна из причин, по которой я вынужден настаивать на самой строгой секретности. И... кроме того, насколько мне известно, в военном ведомстве сейчас нет такого инженера, как ваш Жак Эстергом.

— Возможно,— по лицу Франсуа Валлона промелькнуло что-то, похожее на улыбку.— Жак Эстергом действительно очень талантлив. Вероятно, кое-что он смог бы сделать для вас... Однако, господин Сатаяна, я не дам вам сейчас окончательного ответа... Нет... Ваше предложение интересно, пожалуй, оно даже заманчиво, но я должен подумать, взвесить. Я посоветуюсь с экспертами...

— Но, мсье Валлон,— быстро прервал Сатаяна.

— Нет-нет, я понимаю. Наш с вами разговор будет сохранен в тайне. Я дам окончательный ответ... через неделю. Но и в случае положительного решения прошу иметь в виду, что инженер Жак Эстергом сможет заняться вашей аппаратурой лишь через полтора-два месяца. Сейчас у него важная и срочная работа.

— Очень жаль, но у меня нет иного выхода.

— Итак, через неделю. Еще одно: мне нужен ваш фильм — этот сегодняшний или любой другой в том же роде. Разумеется, без права копирования. Назовите любую сумму залога.

Сатаяна пренебрежительно махнул рукой.

— Ничего не надо. Достаточно вашего слова. Фильм можете оставить себе.

Валлон поднялся из-за стола. Высокий, широкоплечий, он был на две головы выше Сатаяны. Провожая профессора до дверей кабинета, он наклонил седую голову к самому уху Сатаяны и тихо сказал:

— Извините меня, но я прежде всего коммерсант. Не скрою, мне было бы легче решать, если бы я точно знал... круг, так сказать, ваших интересов в этом деле: помимо усовершенствования записывающей аппаратуры, которое, может быть, сделает Эстергом.

Сатаяна поднял голову и, глядя в упор в глаза киномагната, ответил без улыбки:

— Даже рискуя обидеть вас, уважаемый мсье Валлон, я не смогу сказать вам ничего, кроме того, что уже сказал. Меня интересует некоторая часть информации, скрытая в самых глубоких тайниках подсознания. Эту информацию пока никому извлечь не удалось, но по всем признакам она существует, должна существовать... Прощайте.

К величайшему удивлению Франсуа Валлона Эстергом вначале ответил категорическим отказом на предложение сотрудничать с профессором Сатаяной.

— Тебя не интересует сама проблема,— поднял седые брови Валлон,— или боишься, что не решишь ее?

По худому, смуглому лицу Жака Эстергома пробежала судорога.

— Мне не нравится Сатаяна,— отрезал он и отвернулся.

— Я наводил справки,— возможно спокойнее сказал Франсуа Валлон.— Его считают крупным ученым, хотя круг его интересов некоторым кажется странным.

— И мне не нравится то, над чем он работает,— добавил Эстергом, не глядя на шефа.

— Ты имеешь в виду фильм?

— Фильм — чепуха! — Эстергом резко сдернул очки в массивной роговой оправе и, подслеповато щурясь, принялся протирать стекла. Его тонкие нервные пальцы чуть заметно дрожали.— Разве дело в фильме,— тихо добавил он, снова надевая очки.

— Тогда в чем же?

Эстергом молча пожал плечами.

Франсуа Валлон чувствовал, что спокойствие готово покинуть его.

— Фирма заинтересована только в фильмах,— сказал он, чеканя слова.— Все остальное нас не касается, Жак.

Эстергом вдруг отрывисто рассмеялся. У него был очень неприятный резкий, какой-то хрустящий смех, и Франсуа Валлон снова подумал, до чего ему антипатичен этот худой, желчный длиннорукий человек с тонким лицом аскета, обрамленным узкой черной бородкой. «Если бы он не был так поразительно талантлив», — с досадой подумал Валлон.

— Вы понимаете, какое оружие мы дадим этому Сатаяне, усовершенствовав его аппаратуру? — пронзительный взгляд Эстергома теперь буравил сквозь толстые стекла очков лицо шефа.— Для него практически не будет тайн. Личность каждого, повторяю, каждого он сможет проанатомировать до самых сокровенных глубин. Внутренний мир человека перестанет быть внутренним. Над каждым нависнет угроза, что его в любой миг могут вывернуть наизнанку, обнажив такое, в чем не всякий найдет силы признаться даже себе самому.

— Тебя это смущает?

— Бьюсь об заклад, вы не найдете человека, которого это не смущало бы. Представьте на миг себя в такой ситуации.

— Но при чем здесь я?

— А разве вы окажетесь в лучшем положении, чем все остальные? Достаточно будет втайне установить портативную записывающую аппаратуру в вашей спальне... Или представьте, что вы заболеваете, вас везут в госпиталь, и там один из ассистентов Сатаяны незаметно записывает

вашу энцефалограмму с помощью усовершенствованной мною аппаратуры.

— Сатаяну интересует совершенно другое,— пробовал защищаться Валлон.— Он говорил мне...

— Неужели вы думаете, что он сказал бы вам правду?

— В конце концов, если мы откажемся, он найдет кого-то другого.

— Сомневаюсь,— процедил Эстергом.— Думаю, что в ближайшие годы никто, кроме меня, ему не поможет.

— Однако ты очень скромн,— Валлон не мог отказать себе в удовольствии съехидничать.

— Я — реалист, не более,— усмехнулся Эстергом.

— Значит, ты отказываешься? — голос Валлона прозвучал почти вкрадливо.

— Я хотел бы, видит небо, я хотел бы отказаться!... — Эстергом почти прокричал это, хрустнул сплетенными пальцами, прижал их к груди и опустил голову. — Я хотел бы, — повторил он шепотом, не поднимая глаз. — И я предупредил... Но, в конце концов, что такое я... Вы, конечно, правы, шеф. Не я, так другой... Не сегодня, так через год, через пять лет, через столетие. Все равно это окно рано или поздно распахнется. Разве так важно, кто именно распахнет его... Я поступлю в соответствии с вашим желанием, шеф,— неожиданно успокоившись, добавил он.

— Я так и думал,— кивнул Франсуа Валлон, все еще удивленный той болью, которая прозвучала в словах его инженера.— Я попрошу вас встретиться завтра с профессором Сатаяной и договориться о деталях. Вы будете держать меня в курсе всех дел. А в случае необходимости мы всегда сможем прекратить нашу помощь. К тому же, если пригрозить ему разоблачением... Думаю, что преимущество в наших руках, Жак.

— Возможно, шеф,— холодно ответил Эстергом, откланиваясь.

Прошло несколько месяцев. Работа по усовершенствованию аппаратуры для клиники профессора Сатаяны продвигалась крайне медленно. Во всяком случае так считал сам профессор. Мягко, но решительно он отвергал одну за другой модели, которые предлагал Эстергом. В конце одной из встреч, когда Сатаяна объявил о непригодности очередной модели, инженер вспыхнул:

— Мне надоела игра «в темную», профессор,— заявил он.— Речь шла об увеличении скорости видеоманитной съемки. Не так ли?

Сатаяна улыбнулся и кивнул.

— Превосходно,— продолжал Эстергом.— Аппаратура, сконструированная за последние месяцы в моей лаборатории, дает возможность увеличить эти скорости в сорок-пятьдесят раз.

— Этого недостаточно,— улыбаясь, заметил Сатаяна.

— Но такие скорости, насколько мне известно, еще не применялись никогда и нигде.

— Мне этого недостаточно,— повторил Сатаяна.

— В таком случае я должен присутствовать при ваших... экспериментах,— решительно заявил Эстергом.— Может быть, тогда я пойму, чего от меня хотят.

— Еще больших скоростей. И только.

— Каких же именно?

— Постарайтесь увеличить скорость съемки еще... раз в десять.

— Вы шутите, профессор.

— Ну, хоть в пять!

— Я должен знать, что у вас получается при достигнутых скоростях.

— Почти ничего из того, что меня интересует.

— Я должен видеть сам. Тогда я, может быть, что-то придумаю...

Сатаяна перестал улыбаться.

— Вы знаете, с каким материалом я сейчас работаю? — спросил он, испытующе поглядывая на собеседника.

— Да,— ответил Эстергом.— Сейчас вы работаете с безумцами, а хотели бы работать с нормальными людьми. С более или менее нормальными.

— Вот именно,— на лице Сатаяны снова появилась улыбка.

— Но с нормальными людьми вы уже пробовали экспериментировать, не так ли? При помощи той аппаратуры, которую я вам доставлял в последние месяцы.

— Нет...

— Да, профессор. И вот на одном из таких экспериментов я должен присутствовать. Это в ваших же интересах.

— Это невозможно.

— В таком случае я прекращаю работу. И, уверяю вас, не найдётся силы, которая заставила бы меня поступить иначе...

Сатаяна внимательно посмотрел на инженера.

— Хорошо,— вдруг сказал он просто.— Пусть будет по-вашему. Постараюсь объяснить вам, в чем дело, на... живом материале. Разумеется, это будет один из... пациентов моей клиники. Что же касается экспериментов на более или менее нормальных людях... Надеюсь, вы поймете, дорогой мсье Эстергом, почему я не хотел бы увеличивать число лиц, имеющих отношение к такого рода исследованиям.

— Ничего нет легче,— стереть потом магнитную запись.

— Конечно, конечно... Итак, если вы свободны завтра вечером... Например, в десять?

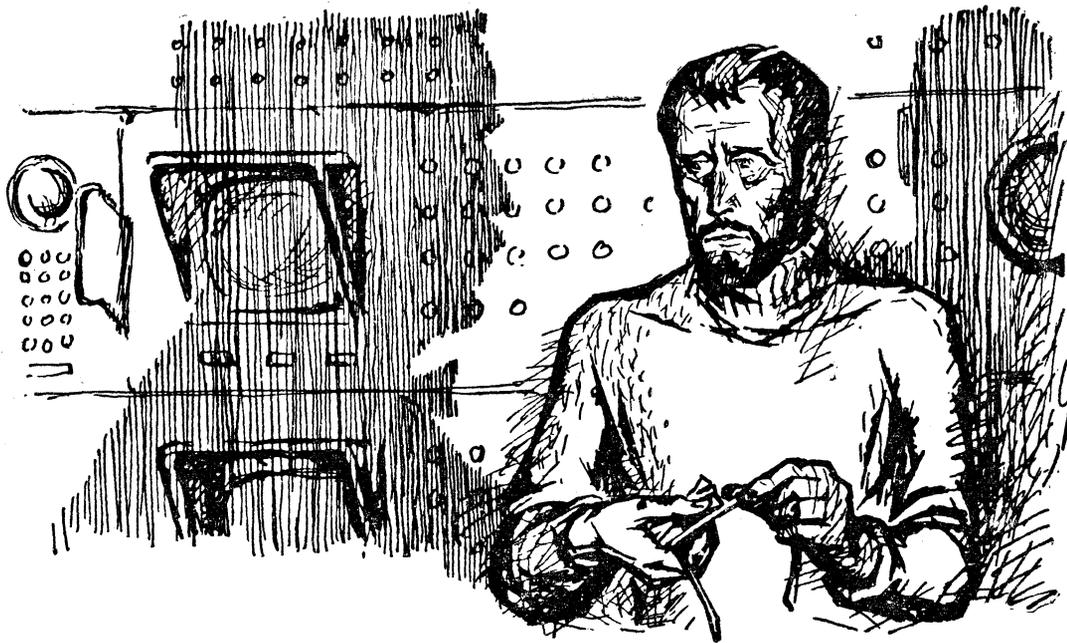
— Свободен.

— Превосходно. Буду ждать вас в клинике.

Когда Эстергом появился в психиатрической клинике профессора Сатаяны, в лаборатории патологической нейрологии все было готово для эксперимента...

Молчаливый ассистент в белой шапочке, белом халате и белых туфлях на мягкой подошве встретил Эстергома в пустом ярко освещенном холле. Предложив инженеру переодеться в небольшую кабине, он жестом пригласил его следовать за собой. Они долго шли по пустым тихим коридорам. Справа и слева тянулись ряды одинаковых белых дверей. Все двери были закрыты.

В конце одного из коридоров оказалась широкая лестница. По ней спустились на несколько этажей вниз и попали в еще более длинный коридор. И снова — вереницы закрытых дверей и полнейшая тишина. Ассистент шел молча. На белом, чуть пружинящем пластике не было слышно даже шороха шагов. В конце коридора — новая лестница и опять коридор, похожий на предыдущие, потом еще и еще...

«Кажется, большая часть клиники сооружена под землей,— подумал Эстергом.— Холл расположен на уровне первого этажа, а мы спустились этажей на десять вниз. Тут не помешал бы лифт...»

— К сожалению, мы лишены возможности воспользоваться лифтами,— сказал вдруг провожатый, словно угадав мысли Эстергома.— Моторы создают помехи...

— Их можно было вынести за пределы здания,— возразил инженер.

— Так и сделано. Но сейчас лифты выключены.

— Значит, там, за этими дверьми? — Эстергом вопросительно глянул на провожатого.

— Там лаборатории и... они...

— Пациенты профессора?

— Да...

— Это похоже на... тюрьму...

— В определенной степени, пожалуй... Многие из них опасны.

— Но почему такая тишина?

— Тишина,— ассистент едва заметно усмехнулся.— Если бы вы знали, что творится за многими из этих дверей. Тут очень хорошая звукоизоляция... Но вот мы и пришли...

Он указал на одну из дверей, которая тотчас же бесшумно раздвинулась.

Эстергом увидел круглый ярко освещенный зал. Посреди него на высоком, похожем на операционный, столе неподвижно лежала человеческая фигура, закрытая до подбородка белой простыней. Бритая голова. Очень бледное изможденное лицо. Глаза закрыты. Синеватые губы плотно сжаты. Вдоль стен зала тянулись пульты с контрольной аппаратурой, рядами кнопок, шкал, экранов, световых табло. Над головой человека, лежащего на столе, свисало с потолка большое блестящее полушарие. Оно напоминало фасеточный глаз гигантского насекомого. В стороне на

мягком шарнирном постаменте стоял белый ящик, похожий на съемочную телевизионную камеру без объектива. Возле находился большой экран. От блестящего полушария к ящику тянулись тонкие нити проводов. Это и была аппаратура для ускоренной видеомагнитной записи: последняя модель, законченная совсем недавно Эстергомом и забракованная вчера профессором Сатаяной. Сам профессор в белой шапочке и белом халате сидел напротив экрана и приветливо улыбался Эстергому. Кроме профессора в лаборатории находилось еще двое ассистентов, тоже одетых во все белое.

— Вы точны,— сказал профессор, поднимаясь навстречу Эстергому.— Познакомьтесь, это мои помощники, они будут ассистировать при эксперименте.

Инженер молча поклонился.

— Прежде чем начать, должен еще раз предупредить вас: это рабочий эксперимент... Все, чему мы можете стать свидетелем... э-э... не подлежит разглашению. Вы не должны рассказывать об этом никому. Даже... извините меня, вашему уважаемому шефу,— с губ Сатаяны не исчезала улыбка, но глаза смотрели испытующе и настойчиво.

— Меня интересует только качество и устойчивость видеосигналов,— возразил инженер.— Все остальное меня не касается.

— Я имею в виду именно видеосигналы,— кивнул Сатаяна.— Их устойчивость и... содержание. Этот человек,— Сатаяна указал на стол в центре зала,— был ученым. Довольно известным... Он занимал высокие посты в академической иерархии... К сожалению, на данной стадии эксперимента мы еще не овладели отбором информации. Ваша аппаратура принимает и расширяет только отдельные, наиболее сильные импульсы мозга. Они в определенной степени случайны, ибо, повторяю, этот человек бо-

лен... Неизлечимо болен, с точки зрения возможностей современной медицины, мсье Эстергом. Я не знаю, что именно удастся сегодня извлечь из клеток его мозга. Может быть, какие-то кадры покажутся вам... странными...

— Как его имя? — быстро спросил инженер. Ему показалось, что вопрос заставил переглядывать ассистентов Сатаяны.

— Уверю вас, теперь это не имеет значения, — мягко сказал Сатаяна. — Его имя — большой. Один из многих больших моей клиники. Я, кажется, упоминал о... «растроении» личности... Он считает себя одним из жрецов фараона Эхнатона, а иногда... дикарем. Обыкновенным дикарем, примерно эпохи раннего палеолита... Значительно реже сознание возвращается к нему настолько, что он осознает, кем был в действительности и где находится сейчас. Тогда он производит впечатление вполне нормального человека.

— А теперь?

— Теперь он усыплен. Эксперименты я провожу над спящими.

— Но кем он был... перед усыплением?

— Это тоже не имеет значения. Клетки его мозга содержат информацию, так или иначе сопряженную со всеми тремя состояниями. Можно получить видеосигналы любой из его «ипостасей» и даже какие-то иные, с ними непосредственно не связанные... Человеческий мозг — бесконечность, в которой мы еще почти не умеем ориентироваться...

— Однако уже протянули к ней руки.

— Благодаря вашей аппаратуре, мсье Эстергом... С ее помощью я надеюсь проникнуть в лабиринты этой бесконечности. Хотя бы сделать первые шаги...

— Кажется, вы их делали и без помощи моей аппаратуры.

— О, то было блуждание в темноте. Лишь теперь забрезжил свет. Слабый свет в непроглядной тьме... бесчисленных поколений, предшествующих нашему с вами... Да-да, бесконечный лабиринт пространства и времени закодирован в густоте живой материи, который мы называем человеческим мозгом. Когда удастся проникнуть в тайники этого кода, о... можно будет узнать многое, почти все...

Эстергом удивленно взглянул на профессора. Улыбка исчезла с лица Сатаяны. Взгляд его был устремлен куда-то поверх головы инженера — пронзительный взгляд неподвижных расширенных зрачков... Эстергом внутренне содрогнулся. Мелькнула мысль, что он имеет дело с безумцем. Губы Сатаяны продолжали шевелиться. Он шептал что-то, но слов уже нельзя было разобрать. Вдруг он тряхнул головой, словно прогоняя какое-то видение, и смущенно улыбнулся:

— Извините, я, кажется, размышлял вслух. Со мной это бывает... Если не возражаете, мы приступим. Прошу всех приготовиться... Внимание... начали...

Последующие несколько часов показались Эстергому кошмарным сном, в котором реальные ощущения, слова и образы сплелись с фантастическими видениями какого-то иного — неведомого и жуткого — мира в запутанный, липкий клубок...

Когда фасетчатое полушарие опустили к са-

мой голове человека, лежавшего на столе, и подсоединили пучки электродов к его лбу, затылку и вискам, на большом матовом экране, соединенном с записывающим устройством, вспыхнул свет. Сначала по экрану медленно поплыли бесформенные разноцветные пятна и полосы. Потом движение их ускорилось. Они приобрели объемность, начали свиваться в цветные спирали. Спирали вращались все быстрее. Глаз уже не успевал схватывать изменения окрасок и форм.

Ассистенты склонились над неподвижной фигурой, чей мозг был сейчас объектом этого странного эксперимента. Сатаяна, сжав тонкие губы и не отрывая напряженного взгляда от экрана, вращал рукоятки настройки прибора.

Прошло несколько минут. Движение объемных цветных пятен и спиралей все ускорялось, краски, сливаясь, теряли яркость, блекли, пригасали. Теперь на экране стремительно металась языки перламутрового пламени. Иногда среди них возникали какие-то контуры, но тут же сменялись иными. На мгновение профессору удалось удержать на экране какой-то образ — Эстергому показалось, что это было женское лицо, — но изображение тотчас исчезло, поглощенное перламутровым пламенем. Сатаяна бросил быстрый взгляд на инженера, словно говоря:

«Вот видите! Ускоряется... Нужна иная скорость...»

Его лоб и лицо покрылись мелкими каплями пота.

Снова мелькнул какой-то образ и исчез, прежде чем Эстергом успел понять, что это было. Потом еще и еще... Пламя на экране поглощало их раньше, чем они проявлялись... Это было похоже на ускользящее воспоминание. Словно тот, на столе, мучительно пытался припомнить что-то и не мог. Эстергом посмотрел в сторону стола. Человек лежал неподвижно. Бледное лицо было спокойно. Глаза закрыты. Обнаженные руки вытянуты вверх простыни. Если бы не пляска перламутрового пламени на экране, отражавшая работу мозга, можно было бы подумать, что этот человек мертв...

Взгляд Эстергома не ускользнул от внимания профессора. Сатаяна нахмурился, что-то сказал ассистентам. Эстергом не понял слов, а возможно, Сатаяна воспользовался языком, неизвестным инженеру. Один из ассистентов переступил на шаг и заслонил собой лицо спящего.

Прошло еще некоторое время. Картина на экране не менялась. Перламутровое пламя слепило. Эстергом почувствовал легкое головокружение и отвернулся от экрана.

— Сегодня не получается, — услышал он голос Сатаяны. — Придется...

Конец фразы Эстергом снова не понял.

Все тот же ассистент молча взял шприц и вонзил иглу в руку спящего повыше локтя. Человек на столе не шевельнулся, но экран вдруг ярко полыхнул и погас.

— Вот так, — сказал Сатаяна. — Может быть, удастся ухватить хоть что-нибудь...

Он снова принялся манипулировать с рукоятками настройки. Экран медленно осветился, теперь с него глядело юное женское лицо, искаженное гримасой ужаса. Что видели эти залитые слезами, вылезавшие из орбит глаза?

Эстергом отшатнулся... Голова на экране затряслась, и рот женщины раскрылся в безмолвном крике невыразимой боли. Если в воспален-

ном мозгу, из которого Сатаяна вырвал сейчас этот образ, звучал и крик женщины, этого уже было достаточно, чтобы сойти с ума... Поле зрения сместилось, и Эстергом понял, почему так кричала женщина. Ее пытали огнем... На мгновение Эстергому показалось, что он чувствует запах обгорающей человеческой кожи. Он задрожал и отвернулся.

— Что-то новое,— послышался спокойный голос Сатаяны.— Этого мы еще не фиксировали. К сожалению, опять фрагмент...

Эстергом поднял глаза. На экране билось перламутровое пламя. И тотчас в нем возникла целая вереница картин и образов, стремительно сменяющих друг друга. Пальмы на краю песчаной пустыни, залитой слепящим солнечным светом. Ярко-синее небо над песчаными холмами и цепочка следов, убегающая вдаль. Прекрасное женское лицо, кажется, то же самое, что в первом кадре, но сейчас глаза сияют счастьем... Мрак, потом снова эта женщина в белых полупрозрачных одеждах; она спускается по мраморной лестнице к голубой, сверкающей на солнце воде. Кто-то ждет ее внизу. Снова мрак, быстрая смена лиц, ужасающих своим уродством. Чудовищные пытки... Картина резко меняется. Стол у распахнутого настежь окна. За окном мокрые ветви, капли дождя на пожелтевших листьях. На столе листы бумаги. Чья-то рука быстро покрывает их символикой математических формул... Формулы, формулы... Они тоже удивительно знакомы, Эстергом пытается уловить их смысл... Пламя, мрак, опять пламя, и вдруг — призрачный скелет, медленно плывущий в черном небе над белыми мраморными надгробиями...

Что-то похожее на стон проникает в сознание ошеломленного инженера. Он поднимает голову, оглядывается... Сведенное судорогой тело испытуемого выгнулось дугой над столом. Один из ассистентов придерживает его за ноги, другой за голову. Губы спящего закушены до крови, лицо искажено мукой.

— Остановитесь! — неожиданно для себя кричит Эстергом.— Прекратите сейчас же!.. Прекратите...

Крик прозвучал визгливо, резко и оборвался.

Послышался негромкий щелчок. Экран погас. Сатаяна внимательно всматривается в помертвевшее лицо инженера.

— Что с вами, друг мой?

Эстергом вытащил платок, принялся вытирать влажный лоб.

— Со мной ничего. Но мне показалось, что он,— Эстергом указал на стол в центре зала,— что... это слишком мучительно. Посмотрите, что с ним?

— С ним? Ничего... Он спит...

— Но он... Я сам видел...

— Успокойтесь... Он ничего не чувствует. Все это,— профессор кивнул на экран,— скрыто глубоко в тайниках его мозга. И он сам не подозревает почти ни о чем. В клетках вашего мозга, может быть, хранятся записи пострашнее. Но вы тоже ничего не знаете о них... И это хорошо. Если бы было иначе, люди сошли бы с ума... от избытка информации, которая им в общем-то ни к чему... Человеку достаточно опыта своего поколения...

Эстергом встал, принялся ходить по лаборатории. Скосил глаза в сторону стола. Человек лежал неподвижно. Бледное, без кровинки, лицо было спокойно.

— На вас подействовала запись,— мягко сказал Сатаяна.— Вы настаивали, и я вынужден был согласиться... Пока это великая неопределенность. Повторяю, я не знал, что нам удастся извлечь из него...

— Значит, моя аппаратура все-таки обеспечивает вам запись,— голос Эстергома был хриплым от волнения.

— Нет,— улыбнулся Сатаяна.— Вы же видели. Это разрозненные фрагменты, кусочки мозаики... гигантской мозаики... А мне необходима непрерывная лента...

— Лента чего?..

— Назовем это скрытой информацией... Она хранится в каждом из нас за пределами сознания. Она — отражение опыта бесчисленных минувших поколений...

— Значит, то, что мы видели сейчас?..

— Да... В этих кадрах — опыт его предков. Каких-то очень дальних поколений. Все они давно, давно истлели, но в мозгу потомка хранится код пережитого ими... Реальный призрак минувшего... Нить, связывающая прошлое с будущим. Философы твердят, что нельзя установить историческую правду, что прошлое не поддается объективной проверке. Я хочу предложить новую методологию исторического анализа. Исходные данные в нас самих. Надо только расшифровать их.

Эстергом желчно рассмеялся.

— Ваш метод, если он не фикция, едва ли лучше других. Вы базируете его на анализе субъективных восприятий... Вы утонете в хаосе...

— Я буду оперировать суммой того, что вы называете «субъективными восприятиями». Сумма дает возможность взаимно прокорректировать и сопоставить субъективные оценки. И, кроме того, информация, которую я извлекаю, отражает некогда существовавшие объективные связи. Проинтегрировав ее, можно приблизиться к исторической истине более достоверно, чем это делают авторы «Всемирной истории».

— Но на экране был хаос. Как его использовать в ваших целях?

— Не забывайте, мы получили информацию из мозга... э-э... пораженного болезнью. В нем нарушены причинные связи и границы, отделяющие сознательное от подсознательного. Основы многих психических заболеваний в том и состоит, что информация, скрытая в подсознании, проявляется. Человек начинает отождествлять осознаваемое и подсознательное. В средние века о таких говорили — «одержим дьяволом». Что ж — очень точное определение... «Дьявол» — информация, скрытая в подсознании. Прорыв ничтожной части ее в сознание превращает человека в безумца. Я говорил вам, в чем его болезнь? — Сатаяна коснулся обнаженной руки того, кто лежал на столе.— Небольшая часть полученной нами сегодня информации относилась к его недавнему прошлому. Помните руку, чертившую формулы? Кое-что можно сопоставить с его второй ипостасью — египетского жреца. Я отношу это к прорыву из подсознания... Кто-то из его предков жил в эпоху Эхнатона... Кстати, и наших с вами предков можно отыскать в любви из минувших эпох — при Людовике XIV, Аттиле, Катоне, Хефрене и так далее, до великого оледенения включительно, а при желании и еще раньше.

— Если я вас правильно понял, профессор, при помощи аппаратуры, которую вы получили

от меня, можно трансформировать в зрительные образы и какую-то часть информации, хранящейся в мозгу здорового человека...

— Только сопряженную с его личным опытом, относящуюся к сознанию. Причем, не у каждого... У людей с сильной волей это пока не удается.

— Почему?

Сатаяна внимательно глянул на инженера поверх очков. Казалось, он колебался,— объяснять ли дальше.

— Если вы рассчитываете на мою помощь, говорите все до конца,— настаивал Эстергом.

— Это сложный вопрос... Дело в индивидуальных качествах испытуемого, в мощности регистрирующей установки и, конечно, в разрешающей способности видеозаписи. Убежден, что при значительном увеличении скорости...

— Но мы на ее пределе...

— Значит, требуется принципиально иное конструктивное решение записывающего устройства.

Эстергом покачал головой:

— Я всего лишь инженер, а не волшебник. Мы с вами провели у экрана около двух часов. Сколько практически мгновенных импульсов мозга этого человека вы пытались сегодня расшифровать?

— Не более десяти...

— От скольких были получены расшифрованные видеосигналы?

Сатаяна вопросительно глянул на одного из ассистентов.

— Проанализировано девять импульсов, профессор,— сказал тот.— Видеосигналы записаны от трех.

— Ну, вот видите! — торжествующе крикнул Эстергом.— Три практически мгновенных импульса дали почти двухчасовой спектр видеозаписи. Три десятиллионных доли секунды моя аппаратура «растянула» вам почти на два часа...

— Никто не спорит, ваша аппаратура превосходна,— тихо сказал Сатаяна, перестав улыбаться.— Но поймите и вы — она не решает задачи. Тот фильм, который я демонстрировал вашему уважаемому патрону,— удачная расшифровка одного импульса, записанного старой аппаратурой. Там мгновение, как вы говорите, уда-

лось растянуть на двадцать минут. Счастливым случаем — не более. Один на миллион, а может быть, на миллиарды. А я не хочу и не могу рассчитывать на счастливые случайности. Мне нужна расшифровка любого уловленного импульса или, по крайней мере, большинства их. И не только у моих пациентов, но и... у каждого человека.

— Вам удавалась расшифровка импульсов... как вы его называете... подсознания — у психически нормальных людей?

— У людей, не являющихся... моими пациентами? Нет...

— А не означает ли это, что у нормальных людей «скрытая информация» — информация в подсознании — вообще отсутствует?

— Нет.

— Почему?

— Вы, конечно, догадались, что за пламя билось на экране на протяжении большей части эксперимента? Пламя, из которого как бы рождались отдельные кадры видеозаписи?

— Вероятно — эффект интерференции, многократного суммирования каких-то изображений...

— Вы правы, и что из этого следует?

— Может быть, это нерасшифрованная часть видеозаписи?

— Браво! И для ее расшифровки нужны большие скорости. Не так ли? А видеозапись импульсов подсознания у людей, не относящихся к числу моих пациентов, дает только «пламя». «Пламя» с еще более высокой интерференционной окраской. Теперь вам ясно?

Эстергом кивнул и задумался. Профессор Сатаяна терпеливо ждал.

— На магнитную пленку записан весь сегодняшний эксперимент, не так ли? — спросил наконец Эстергом.

— Расшифрованные кадры автоматически скопированы на вторую пленку. Хотите просмотреть ее?

— Меня интересует полная запись в оригинале. Все, что мы видели на экране.

Сатаяна развел руками:

— Она стирается, вы ведь знаете...

— Стирается, когда готовят аппаратуру для следующего опыта... Мне нужна полная запись сегодняшнего эксперимента.

— Но...

— Никаких «но», господин профессор, если хотите экспериментировать дальше.

— Мсье Эстергом!..

— Вам нужна более полная расшифровка записанных сегодня импульсов?

— У нас нет запасной пленки, и вы это превосходно знаете. У этого аппарата особая пленка. Вы дали только одну кассету. Назавтра намечена еще серия опытов.

— Завтра утром вы получите другую кассету...

— Мсье Эстергом, я не хотел бы, чтобы записи такого рода выходили за пределы института... Зачем вам полная запись?

— Чтобы исследовать более детально структуру полей, которые моя аппаратура не расширяла.

— Вы хотите сказать...

— Пока ничего не хочу сказать.

— Разве существует какая-нибудь возможность расшифровки той части записи, которая воспринимается как «пламя»?

— Не знаю... Пока ничего не знаю... Но чтобы продолжать поиски... решения, мне нужна пленка с полной записью эксперимента.

— Хорошо, — со вздохом сказал Сатаяна, — вы получите ее, но...

— Но?

— Если вам удастся... Если вам придет в голову самому заняться расшифровкой этой записи... я должен, я обязан предостеречь вас...

— Господин профессор, я не ребенок...

Сатаяна печально покачал головой.

— Люди привыкли к конкретным вещам, друг мой, конкретным и конечным. Как этот стол, комната, эта аппаратура, в конце концов. А сейчас мы с вами на краю бездны. Бездны бесконечности... Вдумайтесь хорошенько... Весьма возможно, что с самой записью вам ничего не удастся сделать... Я уже пробовал всякими путями... Поэтому и убежден, что необходимо еще более увеличить скорость самой записи. Но если бы расшифровка удалась...

— Если бы она удалась? — как эхо, повторил Эстергом.

— Распахнулось бы окно в бесконечность — бесконечность эпох, поколений, человеческих судеб, страстей, стремлений, характеров... Бесконечность космоса ничто перед этой прерывистой бесконечной цепью разума. Где ее истоки, где тот океан, в который она рано или поздно вольется? Каждый из нас выскакивает на мгновение, как чертик из коробочки, из неведомого бесконечного потока и почти тотчас навсегда исчезает в нем. Это мы называем жизнью... Мы почти не задумываемся о том, что было «до», и, в сущности, нас мало тревожит, что будет «после». Но поток течет где-то за пределами нашего «я»... Вынырнув из него, мы несем в себе информационный код минувшего, а может быть, и грядущего. Фрагменты его страшны, чудовищны, бессмысленны. Вы имели возможность убедиться. А целое? Не окажется ли оно гораздо страшнее? При встрече с ним разум индивида может не выдержать...

— Тем не менее, вы ищете подступов именно к «целому»? — прервал Эстергом. — К маленькому «целому», составляющему сущность живого индивида, и к «Целому» с большой буквы — к тому, что, как вы полагаете, хранится в «подсознании» живущего поколения.

— Нет-нет, — живо возразил Сатаяна, — меня интересует лишь второе... Я хочу проникнуть только в него, хотя... не уверен, что хватит сил. Что мой собственный мозг справится... Поэтому предостерегаю и вас... А первое я целиком уступаю вашему патрону. Оно годится лишь на сценарии. В дальнейшем оно, возможно, приобретет какую-то объективную ценность, отразившись в подсознании потомков; станет критериями нашей эпохи, если человеческий род будет продолжаться... А сейчас... Впрочем, мы отклонились от темы... Я хотел вам только сказать...

— Он просыпается, профессор, — послышался голос одного из ассистентов.

— Увезите его в палату, — приказал Сатаяна.

— Пойдите, — поднял голову Эстергом, — я все-таки хотел бы поговорить с ним.

— Он ничего не помнит. И, кроме того...

— Знаю. Но мне хотелось бы задать ему несколько вопросов. Для дальнейших поисков решения...

— Вы трудный компаньон, Эстергом. Извините.

— Вы знали об этом, профессор.

— Знал,— сказал без улыбки Сатаяна.— Задайте ваши вопросы... Но не много. Это был... особый наркоз... Больной еще слаб.

Человек на столе открыл глаза. Взгляд его обжег лабораторию и задержался на Эстергоме.

— Здравствуйте,— сказал Эстергом.— Как вы себя чувствуете?

— Кто этот человек, профессор? — дрожащим голосом спросил больной. — Я просил вас не приглашать посторонних на ваши сеансы. Он, конечно, из газеты?

— Это... мой коллега,— мягко улыбаясь, объяснил Сатаяна.— Я пригласил его для консультации.

— Зачем? Я всецело полагаюсь на ваши методы лечения. Зачем вы его пригласили? — голос больного скреп, стал резким и крикливым.

— Он — крупный специалист в своей области, и я полагал... Мы хотим... э-э... скорее поставить вас на ноги. Вас ждет работа, важная работа, не так ли?

— Да-да, конечно,— вдруг согласился больной.— Конечно, вы правы, профессор. Благодарю вас. Как вы находите мое состояние сейчас?

— Вам лучше, разве вы сами этого не чувствуете?

— Да-да, конечно. А как по-вашему? — теперь глаза больного были устремлены на Эстергома.

Инженер содрогнулся: такую прочел в них тоску и мольбу.

— Я... согласен с профессором Сатаяной,— хрипло проборкотал Эстергом.— Позвольте, однако, задать вам несколько вопросов.

— Конечно, конечно...

— Я предлагал профессору применить одно средство, но прежде чем решать окончательно, хотел бы узнать... Скажите, когда вы думаете о работе, о вашей незавершенной работе, вам не изменяет память?

— Нет... Пока нет... Но я не могу долго думать о ней. Начинается боль... Безумная годовая боль...

— И вы не забываете формул, которыми пользовались при расчетах?

— Разумеется, нет, они всегда у меня в голове.

— Превосходно, припомните одну из них. Любую...

— Мне придется написать. На чем?

Сатаяна сделал знак ассистентам. Один поднес к груди больного папку с приколотым листом бумаги, другой вложил в правую руку карандаш.

— Что же написать? — спросил больной, внимательно глядя на Эстергома.

— Что хотите. Любую последовательность формул, какой-нибудь вывод... Я не специалист в вашей области, но, если понадобится, мы с профессором проверим потом по справочнику...

— Едва ли вы сможете проверить меня по справочнику,— прошептал больной, приподняв голову и быстро покрывая лист бумаги строками математических символов.

Эстергом внимательно следил за движениями его руки.

— Можете взять это,— сказал больной, откидывая голову на подушку.— Здесь довольно сложный вывод одной формулы, касающейся... Впрочем, неважно, чего она касается... Я сознательно не довел вывод до конца... Но любой физик вам подтвердит, что тут все верно. Хотя

далеко не каждый догадается, что из этого следует...

Карандаш выпал из его ослабевших пальцев и покатился по полу.

— Благодарю,— сказал Эстергом, беря листок с формулами.— Чтобы проверить вашу память, поступим так: завтра, не заглядывая в эти записи, вы попытаетесь повторить их. Потом мы с профессором сравним результаты... Теперь следующий вопрос: вы любите читать? Разумеется, я не имею в виду чтение научных публикаций...

Больной усмехнулся:

— Уже много лет у меня не оставалось времени для такой чепухи. Здесь, в клинике, я мог бы позволить себе, но профессор утверждает, что моей больной голове необходим полный отдых...

— Разумеется,— кивнул Эстергом.— А теперь скажите, когда вы последний раз были в Египте?

Сатаяна предостерегающе поднял руку, но Эстергом сделал вид, что не заметил этого жеста.

Лицо больного выразило удивление.

— В Египте? — повторил он.— Почему именно в Египте, а, например, не в Мексике?... Впрочем, это не имеет значения. Я никогда не был ни в Мексике, ни в Египте...

— Но вам, конечно, хотелось бы побывать там?

— Не думал об этом... Может быть, в молодости. Последние годы я был слишком занят. А впрочем... Египет... Это интересно... Иногда мне снится что-то такое... К сожалению, не могу сейчас припомнить...

— Постарайтесь...

— Достаточно, коллега,— резко прервал Сатаяна.— Наш пациент утомлен. На сегодня довольно. Отвезите его.

Яростный взгляд профессора сверлил в упор лицо Эстергома.

Когда двери лаборатории задвинулись за тележкой, увозившей больного, Сатаяна дал волю своему гневу.

— Вы сошли с ума! — закричал он, прижимая руки к груди.— Как вы могли?... Извините меня, но за каким дьяволом вы суетесь не в свое дело?

— Но вы же разрешили...

— Я считал... Или вы... э-э... вздумали проверять меня?

— Я проверял только самого себя,— тихо сказал Эстергом.— А он... Разве вы рассчитываете вылечить его, профессор?..

— В данном случае это не имеет значения. Своими вопросами вы могли ускорить развязку. И я еще не уверен, что не ускорили... Он не знает диагноза, не подозревает о расстройении своего сознания, о том, что как личность он перестал существовать...

— Но...

— Молчите... Я должен сохранить его... Он мне необходим для... продолжения. Имейте в виду, больше никаких встреч с этим человеком... Формулы, которые вы заставили написать его...

— Повторять их не придется. Достаточно того, что он написал сегодня.

— Объясните, по крайней мере, зачем вам все это понадобилось?

— Вы, пожалуй, не поверите, если скажу, что... затем, чтобы помочь вам.

— Не поверю...

— Напрасно. Я хотел понять, кто из нас троих более безумен...

«Действительно, кто из нас троих более безумен?» — думал Эстергом, возвращаясь к себе по пустынным бульварам еще не проснувшегося огромного города. Стук шагов по бетону разошелся в предрассветной тишине. Какие-то одинокие фигуры маячили на далеких ярко освещенных перекрестках. За деревьями с шелестом проносились невидимые машины.

«Все-таки, кто же?..» Этот несчастный, ставший объектом безумных экспериментов маньяка? Или Сатаяна, одержимый манией всезнания, пытающийся лишить людей последнего, что у них осталось, — права на свой собственный внутренний мир?.. Или он — инженер Эстергом, конструктор электронного оборудования, при помощи которого Сатаяна надеется осуществить вивисекцию человеческого сознания? Все они безумны... И безумен мир, в котором возможно такое. Сатаяна это уже понял. Он не говорит о безумцах... Он делит людей на своих пациентов и тех, которые его пациентами еще не стали. Но могут стать в любой момент...

А не ложь ли — все эти разговоры о поисках объективной исторической истины? Что, если это всего лишь ширма, набор слов, за которыми прячутся истинные цели Сатаяны — гораздо более практичные и... достижимые? Так ли уж трудно представить себе некую фирму, в массовом порядке производящую гениальные идеи и открытия? Фирму, исполнители которой все до единого надежно упрятаны в психиатрическую клинику, а единственным юридически полноценным представителем... и хозяином которой окажется «известный психиатр» — профессор Сатаяна? Впрочем, он мог бы действовать и через подставных лиц. Дочернее предприятие психиатрической клиники профессора Сатаяны... Заказчиков у этого предприятия нашлось бы более чем достаточно...

Но, может быть, ложь и то, что образы, схваченные видеомагнитной пленкой, живут где-то в тайниках мозга? Разве не могут они быть порождением болезни, наркоза?.. Сатаяна упоминал об «особом наркозе»... И, в конце концов, чьи мысли были схвачены и расшифрованы сегодня: только ли того, кто лежал на столе, или и тех, кто присутствовал при эксперименте? Ведь он, Эстергом, лучше других ориентируется в возможностях своей аппаратуры...

Формулы на экране — это, конечно, тот... Его мысли... Очнувшись, он очень точно повторил их на листе бумаги. Но какое совпадение: эти формулы служат для расчета скоростей видеомагнитной записи. Похоже, что он до того, как попал в клинику Сатаяны, занимался той же проблемой, которой вынужден сейчас заниматься Эстергом? Он не довел вывод до конца... Но, кажется, этому человеку удалось пойти дальше?.. Кто же он, безумец или гений? И кем он был, почему Сатаяна скрывает его имя?

И формулы... Почему именно они оказались расшифрованными... Не потому ли, что именно они нужны сейчас Сатаяне, именно к ним подбирается профессор, — чтобы этим первым открытием породить цепную реакцию иных — уже для... сбыта? — открытий и изобретений?..

Эстергом остановился, вытащил из кармана

листок с формулами, перечитал. Задумался. Еще раз перечитал... Где-то в глубине сознания рождалась мысль... Она еще не успела облечься в математические символы, но Эстергом уже понял: пришло решение.

— Да, конечно, существует еще одна возможность, — теперь он разговаривал вслух сам с собой. — Скорость записи увеличивать не обязательно. Можно пойти иным путем, совершенно иным. Этот человек подсказал мне... Чертовски просто... Как раз то, чего добивается Сатаяна. Вот оно, это решение...

Эстергом присел на край бетонной дорожки. Несколько строк — и вывод закончен. Окончательную формулу он заключил в жирную рамку. Эти несколько символов — ключ, которого ждет Сатаяна. Ключ к внутреннему миру человека. Ключ, которым можно распахнуть окно в бесконечность всезнания. Нетрудно убедиться в этом, хотя бы с помощью видеомагнитной ленты, взятой у Сатаяны. Ленты с записью ночного эксперимента. Формулу на всякий случай надо уничтожить... Теперь он ее уже не забудет. И скорее в лабораторию! Надо успеть все сделать до прихода сотрудников...

На какое-то мгновение он заколебался.

Неужели тут нет ошибки? И он действительно на пороге?.. На пороге неведомого. Чем бы это ни обернулось в дальнейшем для человека и его самого, он должен убедиться, должен переступить порог. А Сатаяна? В конце концов, можно будет и не раскрывать ему всего...

Не раскрывать?

«Но... попади он, Эстергом, в клинику профессора, — где гарантия, что Сатаяна не вырвет у него решение? У того, на столе, сила воли оказалась достаточно велика, чтобы не выдать завершающей формулы... Хватит ли силы воли у Эстергома? И не единственный ли способ... убедить решение?»

А ведь он попадет, непременно попадет в проклятую клинику...

Эстергом разорвал на мелкие клочки листок с формулами, подбросил обрывки вверх и побежал в глубь темного лабиринта улиц. Порыв утреннего ветра подхватил клочки бумаги, понес их над пробуждающимся городом все выше и выше, в светящееся небо.

В полдень профессора Сатаяну вызвали к телефону. Звонил Валлон... Сатаяна выслушал, не прерывая, только чуть заметно покачивал головой. Лицо его оставалось непроницаемым. Наконец Валлон умолк. Молчал и Сатаяна.

— Алло, — донеслось в трубку, — поняли вы, что произошло?

— Понял, — сказал Сатаяна. — И очень сожалее. Прошу принять мое глубокое соболезнование. Мсье Эстергом был талантливым инженером... Вас интересует возможная причина?.. Трудно сказать... Кажется, он слишком много работал... Может быть, это и толкнуло его на самоубийство?.. В конце концов, никто из нас не гарантирован от подобного... Никто, господин Валлон. Нет-нет... Надеюсь, наше с вами джентльменское соглашение остается в силе. Люди уходят, но проблемы остаются... Кстати, я слышал, что у Жака Эстергома был способный помощник... Да-да... Может быть, он...

НАХОДКИ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

В Республиканской библиотеке имени Н. К. Крупской в Уфе более миллиона книг. Среди них много старинных и редких. И, к тому же, книг с интересной судьбой.

Крамольный портрет

События 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Санкт-Петербурга смертельно напугали царизм и крепостников. Не просто «мятежниками», а «гнусными изменниками» именовал Николай I декабристов. Даже простое упоминание их фамилий в печати запрещалось цензурой — более трех десятилетий царь не мог слышать имена «изменников».

И вдруг в один из мартовских дней 1839 года Николай увидел в сборнике «Сто русских литераторов», изданном известным книготорговцем А. Ф. Смирдиным, портрет с автографом: «Александр Бестужев»! Серьезно, с немим укором во взгляде смотрел с портрета ненавистный царю декабрист. Активный «бунтовщик», тот самый,

что вывел на Сенатскую площадь первый полк. Тот самый, что был сослан за это в Кавказские горы и был убит там в 1837 году. Царю-убийце не очень-то приятно было смотреть на свою жертву.

Как пишут современники, Николай «крайне разгневался». Цензор книги профессор Никитенко испуганно записывал в дневнике 15 марта 1839 года: «Неизвестно, чем кончится... Надо быть ко всему готовым...»

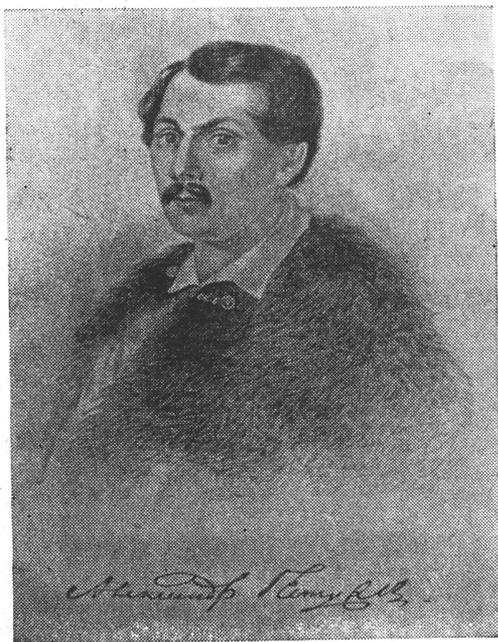
Правда, для Никитенко все кончилось благополучно, о нем как-то забыли, зато управляющего III отделением генерала Мордвинова выгнали со службы. Портрет было приказано вырвать из книги и уничтожить.

Однако это «высочайшее повеление» в Уфе не было выполнено. Доказательство тому — экземпляр «Ста русских литераторов», хранящийся в Республиканской библиотеке. В нем портрет А. А. Бестужева-Марлинского цел. Фотокопию его мы и предлагаем вниманию читателей.

Судьба редкостной библиотеки

Сборник «Сто русских литераторов», как и большинство старинных русских изданий фонда редких книг в библиотеке им. Крупской, попал сюда из библиотеки Дашковых. Эта библиотека на протяжении всего XIX века щедро пополнялась ее владельцами и принадлежала к числу лучших частных собраний книг в дореволюционной России.

Основатель библиотеки, владелец Благовещенского медеплавильного завода под Уфой, Дмитрий Васильевич Дашков (1784—1839) принадлежал к старинному и очень богатому дворянскому роду. В начале прошлого века он играл заметную роль в русской литературе, был пылким сторонником предложенной Н. М. Карамзиным прогрессивной реформы русского литературного языка. Близко знакомый с В. А. Жу-

ковским, П. А. Вяземским, В. Л. Пушкиным и другими передовыми литераторами, он вместе с ними основал в 1815 году знаменитое литературное общество «Арзамас», членами которого потом стали молодой А. С. Пушкин и будущие декабристы Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов, Н. М. Муравьев.

По дарственным и владельческим надписям на книгах Дашкова, сохранившихся в Уфе, видно, что он обменивался книгами с Г. Р. Державиным, В. А. Жуковским, поэтом-партизаном Денисом Давыдовым, историческим романистом М. Н. Загоскиным, журналистом Н. И. Гречем, баснописцем А. Е. Измайловым и другими видными людьми того времени. Уже одно это собрание автографов представляет для нас значительный интерес. Среди них уфимские книголюбы обнаружили, например, неизвестный ранее отзыв Г. Р. Державина о споре арзамасцев с шишковской «Беседой» (описан в № 6 нашего журнала за 1968 год).

В зрелых годах Д. В. Дашков отошел от литературы, «поправел» и даже стал министром Николая I. Но связей с вольнодумцами окончательно не порвал: известно, например, что он оказывал помощь декабристу Алексею Веденяпину, сосланному в Оренбуржье, и свободолюбивому юноше Михаилу Кологривову, отправившемуся в 1831 году сражаться в Испанию «за дело свободы».

В конце 30-х годов прошлого века библиотеку Дашкова из Петербурга и Рязанской губернии перевезли в Благовещенский завод. Здесь после его смерти она продолжала пополняться его сыновьями Димитрием и Андреем, тоже не чуждыми литературной деятельности. Очень много книг поступило в Благовещенск из личной библиотеки московского племянника Д. В. Дашкова, ученого этнографа и коллекционера, Василия Андреевича Дашкова — основателя «Дашковского этнографического музея» и знаменитого «Дашковского собрания портретов».

Особый интерес для книголюбов мог бы иметь иностранный фонд дашковской библиотеки. Дело в том, что в половине XIX века семья Дашковых породнилась с Бальзаком (известная «Г-жа Ганская», урожденная Ржевуская, была родной внучкой Д. В. Дашкова), и сын Дмитрия Васильевича Дмитрий некоторое время гостили в Париже в доме Бальзака, откуда, по преданию, привез много книг.

Однако этих книг в Уфе нет. Они исчезли. По рассказам благовещенских старожилов, их в 1902 году увезла в Англию из Благовещенска вторая внучка Д. В. Дашкова, сестра Ганской, княгиня Е. Радзивилл, прославившаяся в свое время как международная авантюристка, приятельница Сесилия Родса, основателя нынешнего «расистского рая» в Южной Африке — английской колонии Родезии.

«Опыт»

Дениса Давыдова

Близкий знакомый Д. В. Дашкова, член общества «Арзамас», поэт-партизан 1812 года Денис Васильевич Давыдов издал в 1821 году военно-исторический труд «Опыт теории партизанского действия». В нем есть строчки, обращенные к читателю: «Занимавшись словесностью на

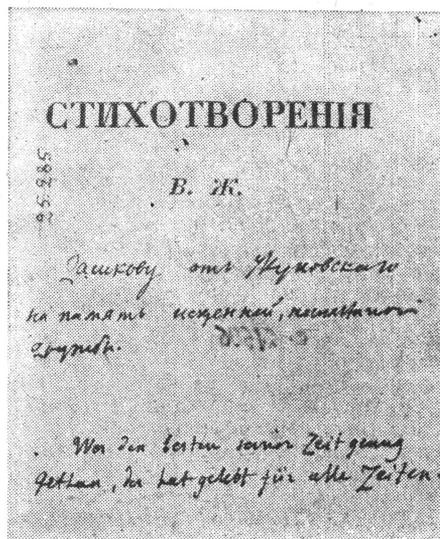
коне и в курнях солдатских, я чувствую, сколь необходимы для меня советы писателей... Дабы удостовериться, которые места более других заслуживают порицания, я решился выдать в свет сей плод боевой моей жизни...»

На уфимском экземпляре «Опыта» есть автограф: «Дмитрию Васильевичу Дашкову от сочинителя». Д. В. Дашков пользовался среди арзамасцев большим авторитетом, и, посылая ему книгу, Д. Давыдов руководствовался, видимо, теми же соображениями, что и в обращении к читателям — желанием получить отзыв об «Опыте». Однако мнение Дашкова о книге осталось пока неизвестным.

Уфимский автограф

В. А. Жуковского

Василий Андреевич Жуковский был, как известно, тоже сторонником карамзинской языковой реформы и секретарем «Арзамаса». Многолетней дружбе Д. В. Дашкова с В. А. Жуковским обязан своим возникновением «уфимский автограф» поэта. Это краткая дарственная надпись автора на очень редкой теперь книге: «В. Ж. Стихотворения», изданной в 1824 году. Десятилетия эта книга находилась в личной библиотеке Д. В. Дашкова и его сыновей в Благовещенском заводе, затем была пожертвована ими в Уфимскую городскую общественную библиотеку, а сейчас бережно хранится в Республиканской библиотеке.

Любопытно, что свою дарственную надпись В. А. Жуковский сопроводил нравоучительным немецким изречением о пользе наилучшего употребления времени. Было ли это изречение адресовано поэтом в связи с каким-либо конкретным случаем в жизни, каким-либо разговором между ними или оно просто пришлось ему по вкусу — об этом можно только гадать.

Н. БАРСОВ

ДОРОГУША

Как долго добираться от Артей до Комарово? Один ответил — час, другой утверждал — четыре. Сейчас я, как человек, побывавший в Комарово, имею свою ...надцатую точку зрения. Скажу со всей определенностью, что Комарово находится далеко и близко от Артей. Близко, если светит солнце, если в вашем распоряжении не комфортабельная «Волга», уютно чувствующая себя лишь на асфальте, а испытанный газик. Подскакивая на глубоких рытвинах с интервалом в две-три минуты под самый верх машины, вы преодолеете восемнадцать гористых километров за час, а, посчастливится, и того менее. Ударят дожди — и часами натужно ревет мотор, бешено крутятся на месте колеса.

Комарово — деревня со своим укладом жизни, обусловленным отдаленностью от столбовой дороги. На крышах добротных домов — их немного более двадцати — телеантенны. В разгаре футбольный матч, назревает явно голевая ситуация, а экран предательски гаснет, как всегда, на самом интересном месте. Это значит — кончилась солярка, движок перестал работать. Зажигается керосиновая лампа, и семья ожесточенно спорит: был гол или не был. Окончательный арбитр в споре — газета. В каждый дом приносят не одну газету и журнал. Но и здесь есть своя особенность. Опять-таки из-за дороги почта доставляется на лошади раз в два дня, а когда выпадает выходной, то подписчики получают сразу несколько экземпляров одного издания. Потому многие жители ведут специальные записи и в присутствии почтальона сличают номера газеты — все ли получены.

Обычно в деревнях взрослое население собирается по утрам в конюховке или около правления колхоза. В Комарово разрядка проходит на яру, высоком обрывистом берегу Уфы. Программа на предстоящий день обсуждается обстоятельно, решения принимаются коллегиально. А кто не согласен, шутят мужики, того под обрыв. Я подошел к берегу. Удержаться на крутом склоне невозможно, лететь вниз добрых пятнадцать метров, и я решил про себя, что на все время пребывания в Комарово буду активным сторонником коллегиальности.

Очарование Комарово придает Уфа. Горы встают на ее пути, образуя прочный заслон, и река яростно кидается на штурм твердыни. Впереди горы, сзади горы и, кажется, реке некуда деваться. Но вот крутой поворот — и снова стремительно катятся воды.

В здешних местах попадаются скалы-бойцы. Один из них наиболее известен — Разбойный. Есть две версии, объясняющие откуда пошло название. Первая — сугубо прозаическая. Река здесь делает крутой поворот, и, если рулевой неопытный, лодка неминуемо разбилась о скалистый берег.

Вторая версия носит романтическую окраску. В старину по Уфе шли купеческие баржи, груженные мехами, провиантом, оружием, — лако-

мая добыча для лихих разбойников, нашедших приют на берегу реки.

...Лунная ночь. Все спят на судне, кроме рулевого. Тишина глубокая, лишь изредка бьет о борт крутая волна. Но что это? На каменной площадке, ударяя в бубен, кружится в стремительном танце красавица. Ахнет рулевой — эхо диво в лесной глухомани! — выпустит весло, баржа — на отмель, и прощай купеческое добро!

Комарово — край таежный. Далеко в лес в одиночку без ножа и ружья не ходят. Предосторожность явно не лишняя, что подтверждает рассказ бригадира Юрия Зиновьевича Коростелева.

Приехал он однажды на покос. Лошади, спасаясь от жары, разбрелись по лесу, и бригадир, кликнув верного Тузика, отправился на поиски. Когда Тузик залаял, Коростелев обрадовался — нашлись родимые. Вышел на елань и попятился. Метрах в двадцати, испуганные лаем, карабкались на осину, сталкивая друг друга, два медвежонка, а на собаку грозно надвигалась разъяренная мамаша. Коростелев руку к поясу, за ножом, увы, тот остался дома. Схватил тогда толстую палку. «Думаю про себя: один-то раз все равно оглушу зверя, а там будь что будет», — вспоминает он. На счастье, медведица решила не выяснять окончательно взаимоотношения и с достоинством удалилась в лес. Ни секунды не медля, отправился в строго противоположную сторону и бригадир с собакой.

Самый известный дом в Комарово — дом Степана Минеевича Сыропятова. Хозяин — высокий старик с окладистой бородой. Речь певучая, любимое обращение к собеседнику — «дорогуша». И само это слово, округлое и теплое, как пуховая varejka, удивительно идет к нему.

— Фамилия наша, дорогуша, как у многих на Руси, от клички произошла. Прародитель мой в Кунгуре тогда робил. Приехал новый управитель, кличет его в контору. А дождь сильный шел, старые лапти все и разъехались. Так босым и явился. Росту был здоровенного, под потолок. Погуторили, повернулся он, чтоб уйти, а управитель ручками как всплеснет. Пятки-то какие, говорит, у тебя огромные. Да сырые, смотри, сколько воды с них натекло. Никакой ты не Трофимов, Сыропятов ты — вот кто.

Степан Минеевич статью своей пошел в правде и потому попал в гвардию, служил в Питере. Причем в армию его забирали дважды. Еще шестнадцать не стукнуло, велели явиться на призывной пункт. Показал записи, где значился возраст, чиновник отмахнулся: знаем, мол, эти кержацкие бумажки, веры им нет. Направили к врачам. Те смотрят — парень здоровый, вскормлен молоком, мясом, рыбой, определили: годен. Явились тогда свидетели, почти всей деревней, и доказали, что молод. Канцелярская машина работала с большими перебоями — на целых восемь лет после этого случая забыли чиновники о рослом новобранце из Комарово.

Степан Минеевич ходит, опираясь на палку, и постоянно подтрунивает над своей «третьей ногой»:

— Да и как не отказаться, дорогуша, моим ноженькам. Верой и правдой служили. Схлынет большая вода — на реку за рыбой, да так до самого льда. Это сейчас сапогов разных поразвелось, аж до пояса, а тогда все босиком да в лапотках. А вода-то студеная. Снег выпадет — на рябчиков. А потом за рысью — брали ее бегом.

— Как это бегом, Степан Минеевич?

— А очень просто, дорогуша. Главное — след найти. Спугнешь зверя рано утром — и вдогонку. Поначалу она скок широкий делает, потом все мельче, мельче, на рысцу переходит. Час бежишь, другой, третий. Сначала шапку скинешь, потом шубенку, рукавицы. К вечеру рысь так устанет, что прыжок последний делает и, как мертвая, в сугроб головой ткнется. Тут уж не зевай, бери ее за горло и связывай. Сколько я этих рысей в зоопарк сдал — не считать. А сынок мой, Павля, тот с техникой зверя ловит — капканом.

Сын Сыропятова, Павел Степанович, сам уже дедушка, по-прежнему один из удачливых охотников в Комарово. К слову сказать, семья у Степана Минеевича большая — пять сыновей и пять дочерей, а вместе с внуками и правнуками в роду Сыропятовых более восьмидесяти человек.

Темная кромка соснового бора совсем рядом, примыкает к деревенским огородам. Но Степан Минеевич только посматривает на лес — годы берут свое. Сейчас главная его забота, главный смысл жизни — сад.

Словно опытный артист, Сыропятов начинает показ с рядовых номеров, приберегая коронный под занавес.

— Вот мои яблоньки. Нет, на эту не смотрите. Ее я посадил в первые годы, посадил просто, без затей. Она прямо в рост и пошла. Стоит, мотает вершиной, а все напрасно. Ударят морозы — прощай твой труд. На Урале надо сажать стелющиеся деревья, им ни бог, ни черт не страшен.

Низко к земле клонятся яблони, горделиво неся на своих ветках краснеющие плоды. В семидесятом году каждый весил 300—350 граммов.

— Заглянул осенью через забор соседский парнишка, я его пальцем поманил, дал самое крупное яблоко. Он его в обе ручонки взял, никогда, видно, такого не видел, и побегал всей деревне показывать.

Холодная и ветреная на Урале зима. Деревья, как и люди, трудно привыкают к новым

условиям. Сыропятов привил к сибирской яблоне кизил. Сочетание получилось удачным, кизил передал новому родственнику неприхотливость, закаленность. Из трех яблонь садовод «соорудил» кресло. Сидеть удобно, от солнечных лучей надежно укрывает пышный зеленый тент.

Отливают золотом на солнце гроздья облепихи. День и ночь около нее трещат вертушки, отгоняя птиц. Полюбились воробьям мясистые, чуть горьковатые плоды сибирячки. Облепиха — сторонница крепкой семьи, одиночество ей противопоказано. Она плодоносит только в том случае, если около куста с женскими цветками растет представитель сильного пола. Плоды плотно, ягодка к яголке, прилепились к ветке. Отсюда и родилось название.

Садоводческое кредо Сыропятов обозначил так: запало мне в голову, что надо вырастить то, что не растет на Урале. Сажал земляной орех, потом увлекся арбузами. Своего добился, хотя арбузы заметно уступали астраханским собратьям. Увлечение забросил.

— Занятно, да больно работисто, — Сыропятов любит емкое, сразу все объясняющее слово. — Проще в магазин сходить.

В центре сада — двойной часток, шатер, как громко именуется это сооружение Степан Минеевич. Вход в шатер преграждает дверь с двумя висячими замками. Сыропятов громыхает зазорами, бережно снимает с гряды полиэтиленовую пленку. Ждешь чуда и оно является. На низких кустах полыхают красные ягоды-бусинки.

Жень-шень! Корень жизни! В переводе с китайского «божественная трава», латинское название «рапах» расшифровывается не менее громко: «лекарство от всего».

Слово жень-шень невольно вызывает ассоциации с Дальним Востоком. В солнечный

день, в дождь ли идет по звериным тропам охотник за растениями. Неделями, месяцами мыкается он по тайге, пока не увидит заветный куст с зонтиком из мелких цветков с белым венчиком.

А здесь не один, не два куста, а целая, пусть небольшая, плантация: более двадцати корней. Определить возраст каждого нетрудно. Листья собраны в мутовку. Три мутовки — три года корню, пять — значит, пять. Ни прибавить, ни убавить лет гордый жень-шень не позволит себе.

Как попал жень-шень в маленькую уральскую деревню? Из переписки Сыропятова с различными институтами, садоводами-любителями можно составить если не том, то во всяком случае толстую брошюру. В какие двери он только не стучался! Первое письмо поначалу обрадовало его. Институт приветствует глубокоуважаемого Степана Минеевича и готов оказать ему всяческую поддержку в его благородном стремлении вырастить жень-шень на Урале. Вот только семена институт, опять-таки к глубокому сожалению, выслать не имеет возможности. После некоторой тренировки Сыропятов научился бегло пробегать первую половину ответов, обычно выдержанных в очень вежливом тоне, и внимательно изучал последний абзац, в котором, увы, неизменно присутствовала фраза «к сожалению».

Но вот однажды весной пришла посылка из далекого Владивостока. В марле, на влажном мху, лежало сто семян, на вид невзрачных, похожих на семена вики. Для Степана Минеевича наступили радостные и трудные дни. Привез из леса землю, тщательно выбирал место, памятуя, что дальневосточный гость любит южные и юго-западные склоны. Солнца вполне достаточно. Но вот задача: жень-шень любит, казалось бы, несовместимое — тепло и тень. Тогда-то и воздвиг Сыропятов свой шатер, двойной частокол.

Осенью грядка не подала никаких признаков жизни. Во Владивосток ушло паническое письмо. Из института последовало вежливое разъяснение, что жень-шень всходит на второй год жизни.

— Оконфузился я, дорогуша, перед учеными, — добродушно смеется садовод. — Ведь читал об этом столько раз, да запомнил. Уж больно мне хотелось поскорее увидеть свое дитя.

С тех пор вот уже более пятнадцати лет выращивает Сыропятов жень-шень. Сейчас уже к нему идут письма, энтузиасты специально приезжают в Комарово, чтобы получить заветное семечко.

Жень-шень — универсальное средство при упадке сил, неврастении, переутомлении, малокровии, болезнях почек и печени, туберкулезе легких. Список этот можно продолжить. Степан Минеевич по-своему объясняет лечебное свойство корня.

— Взгляни-ка, дорогуша, на мою бороду. Лет пять назад вся была белая. А сейчас посмотри... — В окладистой бороде явственно проступает чернота.

Плывут по Уфе туристы и частенько навещают в дом, что стоит на крутом берегу. Степан Минеевич рад свежему человеку, щедро делится саженцами, семенами, своим опытом. Старик пунктуальный и дотошный, он завел специальную тетрадку для гостей. Вот одна из записей. «Мы, туристы из Верхних Серег, прослушали лекцию, если можно назвать ее лекцией, о пользе растений южных и северных. Таких специалистов любить нужно, беречь, поощрять. На таких людях, как Степан Минеевич, держится красота земли русской».

Честное слово, очень хотелось закончить рассказ об артинском садоводе все на той же взятой однажды мажорной ноте. Но нельзя! Осенний сад Сыропятова навевает и грустные мысли. Как ни бодрится Степан Минеевич, а возраст есть возраст, как-никак девяносто стукнуло. Все труднее становится ему управлять своим сложным хозяйством. По существу сейчас он занимается только жень-шенем, до остальной руки не доходят.

Поблизости, в Артях, крупном рабочем поселке, живет не одна сотня учащихся. Хорошо бы лучшему юннатскому кружку взять шефство над садом. Ребята бывают в гостях у Сыропятова, но в качестве экскурсантов. А они нужны как помощники. Перенять у старого садовода его секрет, опыт, наконец, его любовь к родному краю — лучшей школы и желать не стоит. Есть люди, подобные Сыропятову, тонко чувствующие поэзию русской, уральской природы. Общение с ними — радостная возможность полнее воспринять краски жизни, почувствовать великую силу земли.

В обратный путь нам посоветовали ехать по Уфе. Застучал мотор, и поплыли назад дома, стоящие на берегу реки. Так все-таки как долго добираться от Артей до Комарово? Если в нашем распоряжении моторная лодка и опытный рулевой — ровно два часа.

С. МЕШАВКИН

Фото А. Голованова

Пос. Арти,
Свердловская обл.

ИШЬ НА НИШИТИИ НИ ПР ИИ ПР СЮ ДЫИ

Александр БАРКОВ

СОХАТЫЙ

Станция Оричи — крохотная, затерянная в глухих борах. Годы мало изменили ее облик: тот же медный колокол, та же лавочка с шустрыми старушками в белых платках и извечный черный пузатый бакчок с кипятком.

Поезда стоят здесь всего минуту, так что чай гонять пассажирам некогда. Кипяток попивают лишь стрелочники, ночной сторож, путейцы да те самые шустрые старушки, что торгуют солеными огурцами, капустой, мочеными яблоками и прочим разносолом.

Порой торговля идет плохо, и, дожидаясь следующего поезда, старушки от скуки бахвалятся, спорят о сыновьях. Так и коротают время. А уж историй понараскажут, просто заслушаешься! И главное — все помнят: и как при царе Николке в лаптях щеголяли, а при немцах партизанам в лес провизию украдкой носили, и как по весне в колхозе свинья Агафья знатно опоросилась: двадцать штук принесла...

В прошлом году я снова побывал в Оричах и услышал такую историю.

Зимой это было... Вдоль пути крутились снеговые волчки, а от ветра вздрагивал и легонько позванивал станционный колокол. Стрелочник Игнат Гаврилыч, закончив осмотр путей, не спеша возвращался к себе в сторожку.

Лес наполнился темной мглой. Разлапистые ели стояли по колено в сугробах, шумели тревожно, глухо и по временам задумчиво покачивали белыми папахами.

Старик давно свыкся с этим глухим, тревожным шумом, сроднился с далекими немými путями.

Внезапно донесся прерывистый лай собаки.

«Кого-то там нелегкая носит?» — подумал Игнат Гаврилыч и прибавил шагу.

Далеко впереди виднелось что-то темное, похожее на маленькую горку.

Собака, видно, боялась подойти близко и трусливо подвывала, тьякала издали.

— Неужто медведь-шатун объявился? — охнул Игнат Гаврилыч и сбавил шаг. — Давненько об них в наших краях не слышать...

Но любопытство все же пересилило, и, пригнувшись, он стал тихо приближаться к темной таинственной горке.

— Иль сохатый?

Вот показались огромные рога.

Однако почему зверь на путях? Старик сунул два пальца в рот и по-мальчишески звонко свистнул.

Лось с трудом поднялся, сделал неверный шаг в сторону, но тут же споткнулся и упал.

— Да он, видать, не в себе... — смекнул стрелочник и подошел ближе.

Натужно вздымались мохнатые бока лесного великана и по-детски вздрагивали его толстые губы. На ноге рана, видно, от пули браконьера.

— Ишь, сердешный, как мается, — качнул головой старик и замахнулся на внезапно осмелевшую собаку.

А лось, увидев занесенную руку, снова поднялся из последних сил и опять тяжело рухнул в сугроб.

Старик надвинул шапку на лоб, круто повернулся и зашагал к деревне.

Вернулся через час с мужиками и ветеринаром. С трудом взвалили грузного обессилевшего зверя в сани и повезли в теплый хлев.

Так очутился сохатый в доме стрелочника Игната Гавриловича Тучкова,

Долго лесной великан дичился своего спасителя. Но старик знал, как угодить больному. Всякий раз приносил ему какое-нибудь лакомство — то осиновой коры, то рябиновых веток, то ольховых веников...

Лось привязался к стрелочнику и, будто ребенок, тыкался по утрам мокрыми губами ему в бок, ища в кармане заветную горбушку ржаного хлеба.

Спустя два месяца сохатый выздоровел, но память о былом осталась: точно на коре старого дуба, на ноге образовался нарост.

Ветеринар осмотрел зверя, вздохнул и развел руками:

— Тут уж медицина бессильна!

Старик в сердцах крепко ругнул браконьера и с того дня еще больше привязался к сохатому. Прозвал же его — Сердешным.

Своих детей у Игната Гаврилыча не было, да и с людьми говорить ему приходилось не каждый день. Но с лосем он мог беседовать часами: и о расписании поездов, и о ненастной погоде, и о новом председателе.

Соседи посмеивались над чудачествами старика, но зато окрестные ребятишки так и льнули к нему и всерьез спрашивали:

— Дядя Игнат, неужто лось слова понимает?

— А то как же! — отвечал стрелоч-

ник. — Четвертый месяц у меня квартирует. Обвык...

В марте снег на дворе стал темнеть. Небо голубело, раздвигалось и как бы поднималось все выше и выше.

— Видать, скоро и расставанье, — сказал однажды старик, бросив сохатому охапку ивовых прутьев.

Как-то ранним воскресным утром, когда за окном частым серебряным колокольчиком зазвенели желтогрудые овсянки, а на проталинках зашагали иссиня-черные грачи и звонкая лесная капля открыла счет весенним денькам, Игнат Гаврилыч распахнул настезь ворота хлева.

Лось вздрогнул, зажмурился от яркого света, опьянел от хмельных весенних запахов, от ветра, от предчувствия близкой свободы. Будто слепой, сделал два неровных шага, остановился на мгновение, потом гордо взметнул голову к небу, приосанился и пошел большими скачками к лесу.

— Прощай, Сердешный! — махнул ему на дорожку картузом старик и, не оглядываясь, сгорбившись, прошел в сени.

Все лето Игнат Гаврилыч не встречал сохатого. Правда, люди сказывали, что хромой лось не раз забредал на село. Кривая бабка Скворчиха встретила его раз в сумерки у себя на огороде, в капусте, и чуть не умерла со страху. Пастух Илья Бубнов видел его на водопое: низко опу-

стив голову, отфыркиваясь, Сердешный жадно пил студеную ключевую воду. Грибники испугнули его с ночлега в редком осиннике. Могучий великан уходил не спеша. Он шел напролом, ломая ветки, и долго еще над кустами мелькали его тяжелые рога. Видно, лось бродил где-то поблизости, но к сторожке Тучкова не наведывался ни разу.

Неприметно, будто стайка желтых бабочек, пронеслись солнечные сентябрьские деньки — закатилось бабье лето. А когда отцвела, отзвенела осенняя ярмарка, умолк, обезлиствел лес, — чуткую дремотную тишину нарушил далекий трубный рев сохатых. Игнат Гаврилыч вспомнил, что в старых календарях октябрь издавна величали лосиным месяцем — «заревом».

Трубные звуки заполнили молчаливый глухой бор и тревожили старика по ночам. Видно, лесные великаны печалились о том, что задули студеные ветры, что по-

холодала вода в озерах и старицах, что пожухли сочные травы... А однажды стрелочник вышел с фонарем за порог и услышал невдалеке легкий хруст и пофыркивание лосей.

Игнат Гаврилыч вернулся в дом, отрезал краюху хлеба и пошел встречать двенадцатичасовой поезд.

Сердешный, видно, по походке признал хозяина, отделился от стада и медленно поплелся за стрелочником.

С той поры лось не раз наведывался к Игнату Гаврилычу, и они вместе встречали ночные поезда.

У поездов были разные голоса: густой и долгий — у пассажирского, пронзительный и резкий — у товарного, а Сердешный тоже трубил, вскрил им по-своему.

Мир, как говорится, слухами полнится. Вскоре все окрест — и стар, и млад — знали, что на крохотной, затерянной в глухих борах станции Сричи объявился новый стрелочник — лесной великан лось.

НОЧНОЙ БРАКОНЬЕР

С удочками на плече я долго бродил по берегу извилистой речки Колычи в поисках рыбного места. Но где бы ни закидывал — мне все не везло. Ни одной стоящей поклевки! Возвращаться домой было еще рановато, и, не теряя надежды, я все шагал и шагал дальше вниз по течению. Наконец, умаялся, присел на пригорке у тихой светлой заводи. Глянув вниз, на песчаное дно, я заметил там стайку красноперых окуньков, серебристую плотву и застывшего у коряги щуренка. Размотав леску, забросил крючок с ручейником.

На миг зеркальную гладь покрыли круги, чуть слышно чмокнул поплавок...

Долго ждать не пришлось. Вскоре поплавок вздрогнул, качнулся и медленно стал погружаться в воду. Я подсек и выбросил на берег крупную плотвицу.

Будто чуяло мое сердце: в этом месте меня ожидала удача. За какой-нибудь час я поймал несколько вполне приличных рыбин...

Здесь я и решил устроить приваду. Забил в дно реки полукругом колышки, оплел их лозой, насыпал песку, настелил мох. Получился крохотный полуостров. С той поры я стал частенько наведываться

сюда, рыбку прикармливать. Чуть зорька заалеет — я на реку, на свое любимое место. Спускаюсь с пригорка и каши овсяной да жмышка подсыпаю. И рыба тут как тут...

Одним словом, с того удачного дня уловы были на славу. Но в середине отпуска меня неожиданно вызвали по срочному делу в город, и вновь на Колычу я попал только спустя месяц.

Пришел как-то вечером, забросил удочки. Жду час, другой... и хоть бы одна поклевка. Что за наваждение! В прошлые-то разы не только мне на уху хватало, но еще и соседям доставалось... А тут хоть плачь, нет рыбы, и всё.

Неужто, думаю, браконьер какой в мое отсутствие рыбу потравил? Сижу на пенёчке, вздыхаю, слушаю лягушачий концерт. А поплавок — не шелохнется.

Взошла луна, по реке побежала золотистая дорожка. Загляделся я на нее, задумался, — и вдруг тишину пронзил чей-то резкий свист. Будто озорник-мальчишка забрался в камыши и вздумал рыбу пугать.

Огляделся по сторонам — никого. Только на воде пузырьки и круги махонькие, точно уклейки играют. А потом,

спустя минут десять, опять кто-то громко свистнул. На поверхности появилась черная, усатая, похожая на моржа, голова.

Я так и ахнул: да это выдра за рыбой охотится! Затаился за кустом ивняка и наблюдаю, мне лунной-то ночью хорошо видно. Вот выдра снова вынырнула и вскарабкалась на большой темный камень. Чуткая, тугая, гибкая. Лапы короткие, с перепонками. Поджала толстый, поленом, хвост и застыла, слилась с камнем. Присмотрев добычу, насторожилась,

бесшумно нырнула в воду. И не прошло и минуты, как она опять показалась на поверхности воды, уже с рыбиной в зубах. Похвасталась уловом и скрылась в своей подводно-подземной норе.

Так вот, оказывается, какой «браконьер» у моей привады объявился!

Но, признаться, меня эта встреча не огорчила, скорее — обрадовала. Ведь далеко не каждому рыбаку и охотнику так повезет: повстречать на реке столь редкого и сторожкого зверя — выдру.

МЕДВЕДЬ И КАБАНЫ

Эту странную и даже, на первый взгляд, невероятную историю услышал я от старого егеря Глеба Ивановича Болотова. Мы сидели у него в гостях, чаевничали. И вот, после долгого и нудного рассказа одного охотника, Глеб Иванович вздохнул, крикнул и, огладив бороду, начал так:

— Хотите верьте, хотите нет. Но тут я сам свидетель. Вот... послушайте-ка... Родом я сам из Сибири. Из сельца Медового, что вблизи знаменитых красноярских столбов... Слыхали о таких?

— Как же, как же... — закивали мы в ответ.

— Время было далекое... девятьсот

десятью годами, значит. О ту пору я еще огольцом был. Тайга рядом, за околицей шумела. А в пургу да в ненастье волки к самому дому подходили. Зубами лязгали. Так что к зверю я с детства привык. И за свой долгий век чего только не нагляделся. Но один случай, точно зарубка на дереве, на всю жизнь запомнился...

Значит, пошли мы как-то по осени с бабкой за малиной. В тот год, помнится, урожай на ягоду выдался. И смородина, и брусника, и черемуха. А малина-то особая, знаменитая. Кусты аж горят. Да и ходить далеко не надо. Почитай, на одном месте по ведру набрали. Умаялись и повернули назад, к дому. И вот, когда по бревну через колдобину перебирались, слышим: скрипит что-то вверху и будто ревет...

Схоронились мы с бабкой в кусты, а сами по сторонам поглядываем.

Впереди нас, шагах в тридцати, здоровенная яблоня. А на ней, точно грачиное гнездо, молодой медведь. Урчит да ветки трясет, яблоки на землю градом сыпятся.

Мишка, видно, в азарт вошел: трясет да трясет.

Только колосапы слезать надумал — яблоками полакомиться, как из бурелома стадо кабанов. Один другого страшней, здоровенные, матерые!

Увидели кабаны падалицу и давай ее уплетать. Чавкают, визжат, хрюкают от удовольствия.

Поглядывает на них сверху медведь, и зло его разбирает. Столько грудился, дерево тряс, а эти дармоеды разом все слопают. Рассвирепел мишка да как рявкнет с досады.

А кабанам хоть бы что: даже ухом не ведут. Попробуй-ка, подступись к ним! Кто не знает: в ярости кабан никому не уступит. И лошади ногу перешибет, и самому тигру брюхо распорет. Страшный зверюга!

Да только мишка, видно, не вытерпел. В другой раз рявкнул и прыгнул здоровенному секачу на спину. Кабан взвизгнул, взбрыкнул, скинул мохнатого седока на землю. Мишка кубарем покатился по траве. И тут разом встрепенулось все стадо. Ощетинилось, забило копытами... вот-вот налетят и растопчут. Лихо пришлось бы медведю!

Но в это время за нашими спинами грохнул выстрел. Кто-то неподалеку, видать, промышлял зверя.

Кабанов будто ветром сдуло! А мишка поднялся, почесал ушибленный бок и, не будь дураком, рванул в частый кедровник.

Подивились мы с бабкой, поахали и двинулись к дому.

Вечером рассказали о происшествии деду. А старый только головой покачал: «Чего в тайге не бывает!» Но, видно, не больно поверил.

Вот и вы: хотите верьте, хотите нет...

Рисунки А. Бойченко

ЧИБ — ПРОБЛЕМА ВЕКА

Э то словечко придумали в Женеве представители ЮНЕСКО — Международной организации по вопросам просвещения, науки и культуры при Организации Объединенных Наций. ЧИБ — сокращенное название новой международной программы биологических исследований «Человек и биосфера».

Слово биосфера греческого происхождения. Био — означает жизнь, а сфера — шар. Биосферой называют самую тонкую из земных оболочек, заселенную живыми организмами. В ее состав входят нижняя часть, 10—15 километров, земной атмосферы, вся водная оболочка и всего до двух-трех километров поверхности земли. Таким образом, толщина биосферы — 12—18 километров. И лишь в районах наибольших глубин океана она доходит до 25—30 километров.

18 государств — членов ЮНЕСКО, в том числе и СССР, решили предпринять всеобъемлющие исследования по изучению влияния человеческой деятельности на биосферу и влияния отдельных факторов биосферы на жизнь, работоспособность и здоровье людей. На осуществление этой программы правительства ассигнуют огромные средства.

Что же это за программа и почему потребовалась срочная организация всемирных исследований подобного масштаба?

Полезно ли осушать болота?

Людам, далеким от биологии, кажется, что жизнь нашей планеты протекает нормально и каких-либо поводов для беспокойства нет. Поэты пишут, и не без основания, что наша Земля с каждым годом хорошеет, становится все более удобной для жизни человека. Повсюду строятся прекрасные города. Могучие реки перерабатываются громадами плотин, возле которых разлива-

ются искусственные моря и строятся электростанции. Топкие, некогда непроходимые болота осушаются, а засушливые пустыни и степи обводняются. Вырубаются, раскорчевываются девственные леса и на их месте возникают пашни. Все это — результат разумной деятельности человека. Во всяком случае мы так привыкли считать. До недавнего времени так оно и было, пока масштабы вмешательства человека в жизнь Земли не стали столь велики. В наши дни далеко не все, что на первый взгляд кажется разумным, действительно оказывается таковым. Уничтожение болот — деяние, кажущееся несомненно разумным, но на деле оно разумно лишь применительно к данному болоту. В масштабах же целого материка уничтожение болот может оказаться вредным: ликвидация природных накопителей влаги неизбежно ведет к обмелению рек.

Обводнение пустынь, несомненно, целесообразно, но только для пустынь, а не для морей: ведь реки меньше доносят до морей воды. В результате крупные моря, крупные озера мелеют, сокращается их площадь, исчезают некогда богатые нерестилища.

Выходит, что на Земле все взаимосвязано. То, что сейчас дает благоприятный эффект, в не очень отдаленном будущем может привести к непредвиденной катастрофе. Впрочем, слово «непредвиденный» к нашему времени уже не относится. Современная наука способна точно оценить, к чему приведут результаты хозяйственной деятельности человечества. Этого, однако, совершенно недостаточно. Нам нужно не только предвидеть, но и не допустить, чтобы польза, которую мы сейчас извлекаем от преобразования планеты, обернулась для нас впоследствии непоправимой катастрофой.

Благодеяние нашей планеты кажущееся. На самом деле ей давно слегка нездоровится. Чтобы ликвидировать это недомогание, чтобы не допустить возникновения серьезной болез-

ни, и собираются ученые 18 стран работать по программе ЧИБ.

Наши ресурсы

Человеку для жизни нужно очень много: удобное жилище и хорошая одежда, заводы и фабрики, школы, университеты, музеи, театры, библиотеки... И все же это не главное. Как и каждому живому существу, человеку в первую очередь необходимо достаточное количество кислорода, воды и пищи. Без этих «трех китов» жизнь невозможна.

Каковы же на Земле запасы самого необходимого? Надолго ли хватит их?

Иные говорят, что ресурсы нашей планеты неисчерпаемы. Это не совсем верно. Ресурсы Земли очень велики, но если мы уже сейчас не будем к ним относиться бережно, то рискуем слишком быстро истощить их и не оставить потомкам даже самого необходимого.

Промышленность наших городов дышит очень интенсивно. Она ежегодно выбрасывает в атмосферу 6 000 000 000 тонн углекислого газа. Автомобиль, проделав путь в 1000 километров, съедает годовую порцию кислорода взрослого человека. Каждое полено, каждая лопата угля, стора, снимает у нас кислород и выделяет в атмосферу углекислый газ. Растения земного шара уже не справляются с его переработкой. Количество углекислого газа в атмосфере медленно, но неуклонно увеличивается. Но это еще не самое страшное. В атмосферу выбрасывается много окиси углерода, очень ядовитого вещества, и много других не менее вредных отходов. Они серьезно отравляют атмосферу. В некоторых крупнейших городах мира дышать становится трудно. На улицах Токио полицейские посты снабжены кислородными баллонами, чтобы блюстители порядка, проводящие на улице весь рабочий

день, не задохнулись. А для прохожих выставлены кислородные автоматы. Опустил в шель монетку — и получил порцию кислорода, дыхни разок другой полной грудью.

Еще более остро стоит проблема питьевой воды. Каждому из нас на год вполне хватило бы хорошей бочки. Но мы ведь тратим воду на мытье и стирку, поливку улиц и т. п. В крупных городах, таких, как Ленинград и Москва, в день тратится на душу населения 500—600 литров воды. При таких нормах расходования человечество может увеличиться лишь в 5—6 раз. Но и при этом необходимо, чтобы вода нигде не загрязнялась, а все промышленные стоки полностью очищались.

Уже сейчас многие страны испытывают недостаток воды. Из-за нехватки воды не растут многие города, не развивается промышленность. Вода в наши дни стала ценнейшим товаром.

Совершенно плохо обстоит дело с продовольствием. Уже сейчас пищи производится меньше, чем нужно для того, чтобы прокормить население Земли. На Земле немало стран, где в наши дни люди голодают. Оптимисты успокаивают нас тем, что в настоящее время под пашнями занята лишь незначительная часть суши, а из всей ежегодной продукции биосферы в пищу мы используем меньше одного процента. Поэтому полагают, что ресурсы планеты еще очень велики. К сожалению, это не научный взгляд на вещи. Действительно, огромные площади Земли заняты тундрами, пустынями, засушливыми саваннами, лесами и горными массивами. Однако наиболее плодородные земли уже освоены, а существенное уменьшение лесов может привести к катастрофе. Почвы сплошных полей легко подвергаются разрушению и в короткий срок могут превратиться в пустыню. Кроме того, гектар пашни потребляет углекислого газа и производит кислорода значительно меньше, чем гектар леса. Если мы сведем все леса, положение на кислородном фронте значительно ухудшится.

Конечно, увеличение пахотных земель все же будет происходить и в первую очередь за счет обводнения пустынь и засушливых районов. В настоящее же время этот процесс практически приостановился,

так как количество вновь освоенных земель не успевает компенсировать убыль, которая происходит в результате создания искусственных водохранилищ, интенсивного роста городов и строительства промышленных предприятий.

Наша стратегия

Давайте попробуем подвести итог. Из сказанного выше можно сделать два вывода. Первый — разумная по своим намерениям деятельность людей в масштабе целой планеты в большинстве случаев является неразумной, так как приводит к разрушению биосферы, к подрыву ее ресурсов, к сокращению ее продукции. Второй — в связи с неуклонным ростом народонаселения Земли в недалеком будущем настанет время, когда биосфера окажется не в состоянии обеспечить человечество самым необходимым.

Сумеют ли люди найти выход из этого положения? Не все ученые Запада верят в благоприятный исход. Некоторые считают, что мы должны вернуться к первобытному образу жизни, разрушить города, уничтожить машины и переселиться в пещеры. Подобные проекты, безусловно, абсурдны.

Другие предлагают уничтожить биосферу, заменив ее техносферой. Пищу, воду, кислород, по их проекту, должны вырабатывать машины. Однако мы еще далеки от того, чтобы отчетливо, до мельчайших подробностей представить, какой состав пищи нам необходим. К тому же любые технические устройства, вероятно, окажутся менее экономичны и менее надежны, чем биосфера. Так что и этот проект нереален.

Значит, остается единственный выход — жить в единстве с биосферой, не разрушать ее, а совершенствовать.

Нужно сказать, что конфликты между живыми существами и биосферой за длинную историю планеты возникали не раз и не два. С момента возникновения на Земле жизни деятельность живых организмов постоянно вела к разрушению биосферы. То, что она все же сохранилась, объясняется тем,

что вред, вносимый одними организмами, обязательно компенсировался полезной деятельностью других.

До появления человека никаких резких пертурбаций в биосфере не происходило. Все изменения развивались медленно, и живые организмы успевали приспособиться к новым условиям. Как ни медленно происходила эволюция живых организмов, но этот процесс всегда поспевал за изменениями, происходящими в природе. Теперь же хозяйственная деятельность человека имеет такой размах и такие темпы, что эволюционный процесс не в силах за нею угнаться, ликвидировать вред, приносимый людьми.

Поэтому, чтобы выжить, человечество должно научиться так производить материальные блага, чтобы при этом не разрушать биосферу.

Кроме того, мы должны взять процесс эволюции биосферы в свои руки и направить по нужному нам руслу. Это совершенно новый подход к природе. Нам предстоит в дальнейшем не охранять природу от воздействия технического прогресса, а весь дальнейший технический прогресс должен быть направлен на сохранение природы.

Это не значит, что мы будем охранять биосферу от всяких изменений. Напротив, мы ее обязательно переделаем. Во-первых, должны быть уничтожены все вредные живые существа, например, болезнетворные микроорганизмы. Во-вторых, нам потребуется создать множество новых растений и животных, которые будут служить источником пищи, кислорода, сырья для промышленности. Особенно перспективно одомашнивание и выведение новых пород микроорганизмов.

Вот эта программа научно обоснована.

Проблема перестройки нашего общего дома — земной биосферы — программа, рассчитанная на многие десятилетия. В ней придется принять участие не одному поколению ученых. Сегодня ученые 18 стран готовятся к программе ЧИБ, готовятся сделать первый шаг. А завтра им понадобятся помощники, чтобы продолжить самую грандиозную работу, которую когда-либо затевали люди.

Б. СЕРГЕЕВ, доктор биологических наук

В ОБЪЕКТИВЕ—МГНОВЕНИЕ!

«Уральский следопыт» объявляет новый фотоконкурс. На этот раз мы призываем своих читателей выйти на снайперскую фотоохоту за неповторимыми кадрами, порыться в своих архивах и прислать нам самые удивительные снимки.

Установлены три премии — транзисторные приемники.

Получат их те, кто, вовремя вскинув фотокамеру, сумеет сделать самый уникальный снимок:

из жизни следопытов, туристов, спортсменов, путешественников;

из жизни природы

или сделать самый курьезный снимок.

Как говорит название конкурса, важно, чтобы фотография была остросюжетной, запечатлевала какой-то трудно уловимый миг движения, настроения, чувств.

Курьезный снимок может зафиксировать какую-то очень смешную ситуацию.

На этих страницах мы публикуем фотоснимки, может быть не самые лучшие, но отвечающие условиям конкурса. И ждем не подражаний, а оригинальных по теме и исполнению фотографий.

Снимки с пометкой **«На фотоконкурс»**, отпечатанные на глянцевой бумаге размером **13×18** (а еще лучше — **18×24**) в двух экземплярах следует посылать по адресу: **Свердловск, ГСП-353, ул. 8-го Марта, 8.** На обороте каждой фотографии **обязательно** следует указать полный адрес, имя, отчество и фамилию.

Срок конкурса до 1 октября этого года. Но ждать крайнего срока вряд ли надо. Попасть на страницы журнала больше шансов имеют те, кто пришлет свои работы раньше.

Победители конкурса будут объявлены в декабрьской книжке журнала. Все участники конкурса, чьи фотоснимки будут признаны достойными публикации, получают значок нашего журнала — «Следопыт».

Ждем ваших фотографий!

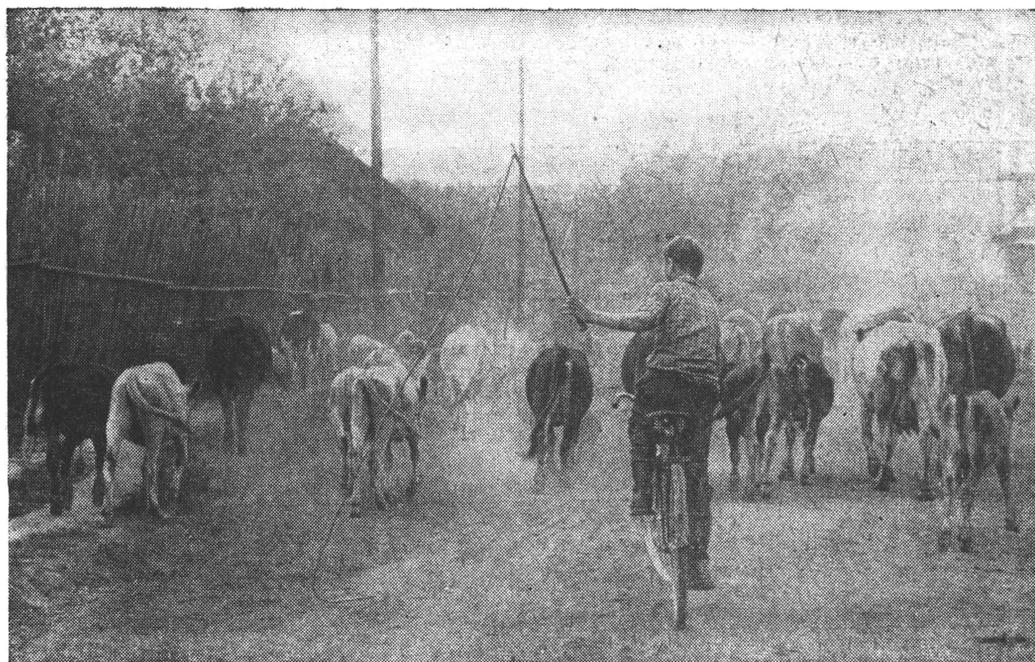
АТАКА ЕЩЕ НЕ ОТБИТА

Фото А. Галушко (Хабаровск)

ТАНЦОР

Фото О. Капорејко (г. Свердловск)

НАШ ПАСТУХ

Фото И. Большакова (г. Свердловск)

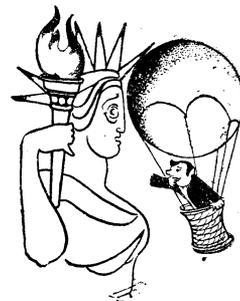
ПО СЛЕДАМ МАРКО ПОЛО

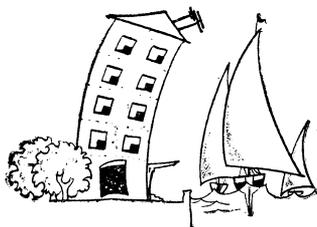
Француз Морис Германн с девятью другими энтузиастами приобрел в 1963 году в Гонконге старую джонку под названием «Чанг-Фен», что по-китайски означает «Сильный ветер». Парусник отремонтировали, и через 14 недель он уже пришвартовался в Каннском порту. Экипаж «Чанг-Фен» повторил путь, пройденный почти 700 лет назад венецианцем Марко Поло. Маршрут джонки проходил из Гонконга через Сингапур, Коломбо, Суэц. Во время всего пути через океан стояла тихая погода. Зато последние 200 миль дались нелегко: Средиземное море встретило смельчаков сильными шквалами.

И СЛАВЫ РАДИ

Французский аэронавт Дейч учредил в начале века премию в сто тысяч франков изобретателю, который справится со свободным полетом: нужно было за полчаса пролететь на шаре от парка Сен-Клу до башни Эйфеля и обратно. В октябре 1901 года эту премию получил знаменитый в те годы бразилец Сантос-Дюмон, — ему первому удалось осуществить свободный полет по заранее намеченному пути. И тут же, стремясь перещегоолять своих французских коллег, клуб воздухоплателей Нью-Йорка предложил Сантос-Дюмону 125 тысяч франков, если он, вылетев из Брайтон-Бича, вернется туда, обогнув на своем шаре статую Свободы...

ЯХТЫ ИЗ... БЕТОНА

Флотилия из самых необычных в мире яхт совершила путешествие по Днепру и Черному морю. Молодые киевские изобретатели отказались от традиционного материала и построили свои яхты из... бетона.

Тонкие бетонные оболочки не боятся морской воды, они не гниют, не поражаются точильщиками.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.

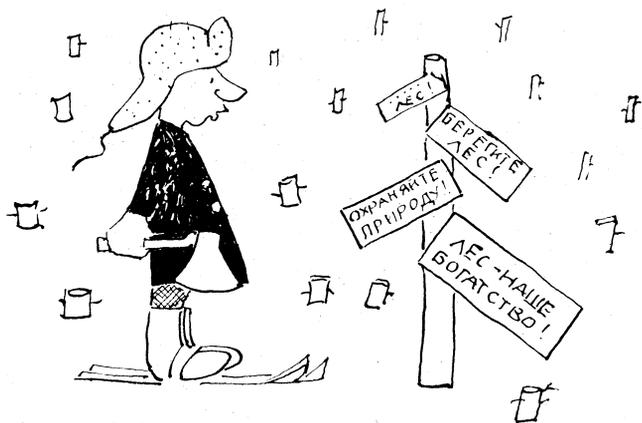
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 33211. Подписано к печати 2/XII 1971 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 10,26. Тираж 184000. Цена 30 коп. Заказ 568.

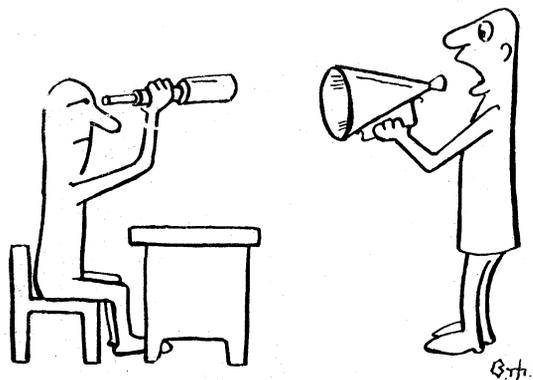
Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

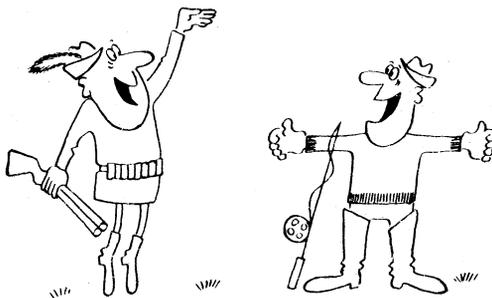
Рисунки:
П. Панычева,
В. Тесленко,
А. Радвилавичуса
и В. Перетокина

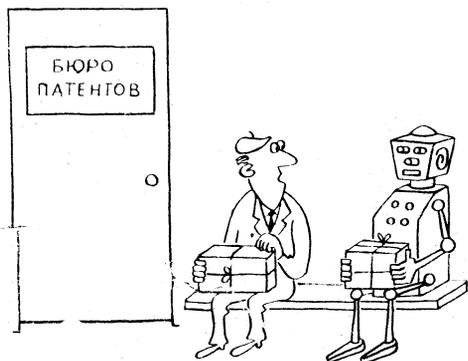
В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ «ЕЛОЧКА»...

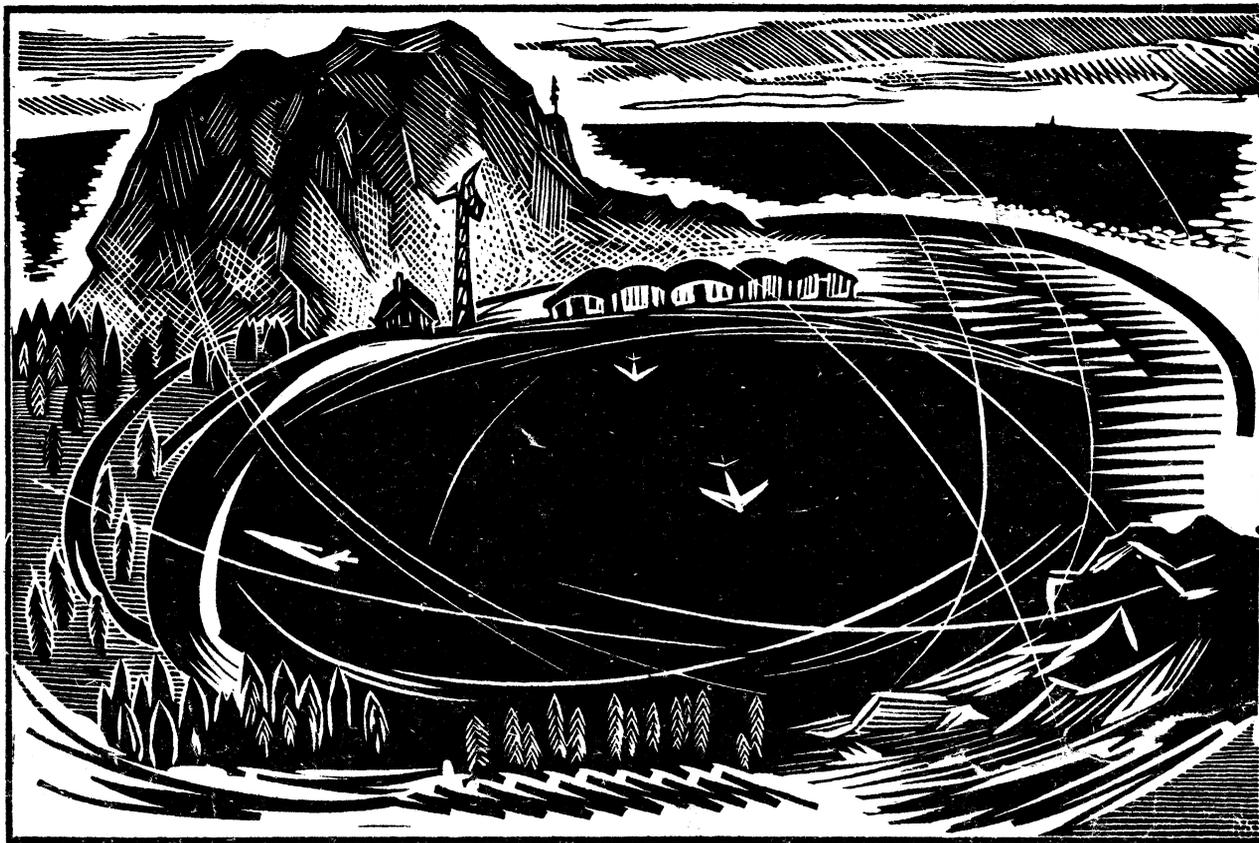
ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

И ВОТ ОДНАЖДЫ...

С НОВЫМ Г

В. БОКАНЬ (г. Челябинск)

ПОД ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора],
ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
— В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный
секретарь], В. ШУСТОВ